Частное учреждение высшего образования
«Южно-Российский гуманитарный институт»

На правах рукописи

Вертий Юрий Михайлович

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И МОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

специальность 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
(философские науки)

Д И С С Е Р Т А Ц И Я

на соискание степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Пигулевский Виктор Олегович

Ростов-на-Дону – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 14
1.1. Аксиологический аспект культурной памяти:..... 14
исследования XX века..... 14
1.2. Ценность культурной памяти и изменение её форм
в постиндустриальном обществе 49
ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: МОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ..... 82
2.1. Моральный смысл сохранения и уничтожения культурной памяти..... 82
2.2. Правовые аспекты сохранения и разрушения культурной памяти 98
ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 123
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 130

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

С 80-х годов прошлого столетия как на Востоке, так и на Западе отмечается рост исследовательского интереса к проблемам культурной памяти. Он вязан с рядом факторов, важнейшие из которых представляют собой следующее. Во-первых, использование электронных средств хранения информации привело к появлению искусственной памяти, которая символизирует вступление человечества в эпоху новой культурной революции. По своему влиянию на развитие цивилизации эта революция не уступает двум другим эпохальным событиям в истории человечества – появлению письма и появлению книгопечатания. Во-вторых, на современную культуру часто смотрят с точки зрения посткультуры, т. е. более поздней культуры, приходящей ей на смену. При таком взгляде на современную культуру всё, что уже прошло, интерпретируется как продолжающее существовать лишь в качестве предмета воспоминаний. В-третьих, в настоящее время постепенно уходит из жизни поколение людей, которые были очевидцами тяжелейших преступлений и катастроф в истории человечества. Последний из указанных факторов, оказывающих влияние на рост исследовательского интереса к проблемам культурной памяти, может рассматриваться как самый важный, поскольку он лично затрагивает каждого из нас[1].

Сохранение культурной памяти является важным моментом для самосознания и граждан, и государства. Поэтому последнее вкладывает немалые средства в накопление, реставрацию и понимание наследия прошлого. Культурная политика предполагает поощрение тех деятелей культуры, которые и сохраняют прошлые достижения, и создают новые. В современном западном обществе ей противостоит «культура отмены», наносящая травму сознанию граждан. Культурная память представляет собой не что иное, как способ

[1] Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 11.

сохранения и передачи в поколениях духовных ценностей. Для России произошедший «мемориальный поворот» важен тем, что он даёт возможность примирить в сознании людей исторические противоречия во имя единства современной России.

Будучи несколько десятилетий назад инструментом сохранения культурного наследия, задача которого заключалась в передаче будущим поколениям важной информации о событиях прошлого, культурная память всё больше превращается в средство поиска идентичности. Поиск идентичности связывают обычно с кризисными явлениями, происходящим в различных сферах жизни общества. Такие явления наблюдаются сейчас не в какой-то отдельной стране, а во всём мире.

Всё сказанное определяет актуальность темы, рассмотрению которой посвящена диссертация.

Степень разработанности проблемы. Объектом диссертационного исследования является культурная память, различным аспектам которой посвящена довольно обширная литература, представленная именами как зарубежных, так и отечественных авторов. Однако то обстоятельство, что она относится к культурным универсалиям, объясняет использование в диссертации ещё одного блока литературы, посвящённого исследованию феномена культуры. Особое место в этом блоке занимают исследования отечественных авторов, развивающих деятельностную концепцию культуры. К ним относятся ставшие уже классическими работы Э.С. Маркаряна, В.Е. Давидовича, Ю.А. Жданова, а также исследования Г.В. Драча, В.М. Межуева и других специалистов.

Американский антрополог Дж. Мёрдок предположил, что всем человеческим культурам на всех этапах их развития присущи общие явления, получившие в науке название культурных универсалий. Проблема культурных универсалий занимала важное место в работах представителей тартуско-московской семиотической школы, связанной с именами Ю.М. Лотмана, А.М. Пятигорского, П. Торопа и других специалистов в области языка и культуры. По мнению многих авторов, одной из культурных универсалий является память.

Для исследования культурной памяти фундаментальное значение имеют две работы М. Хальбвакса – «Социальные рамки памяти», вышедшие при его жизни, а также «Коллективная и историческая память», увидевшая свет после смерти автора. В этих работах он сформулировал и обосновал идею, согласно которой память как отдельных индивидов, так и их групп социально обусловлена. Исследования М. Хальбвакса были продолжены многими авторами, среди которых особое положение занимают супруги Ассман – Ян и Алейда. Отталкиваясь от идей М. Хальбвакса, Я. Ассман выделил четыре формы коллективной памяти, одной из которых является культурная память, связанная им с передачей смысла. Своё понимание культурной памяти, выступающей в качестве основания для идентификации социальной группы как сплочённой общности, он сформулировал в произведении «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности».

Исследования культурной памяти, толчком к которым послужило знакомство научного сообщества с идеями Яна и Алейды Ассман, продолжались специалистами, принадлежавшими к различным областям социально-гуманитарного знания. За последние два десятилетия они привлекли внимание и отечественных специалистов – историков, философов, социологов, культурологов, политологов, психологов и др. Выявлению сущности культурной памяти посвящены работы Л.П. Репиной, Г.М. Алёкминской, Д.А. Аникина, М.Р. Арпентьевой, А.В. Ахметшиной, Г.А. Бакиевой, А.А. Линченко, Д.С. Жукова, И.Е. Козновой, Н.Ю. Кособуцкой, Н.У. Ярычева, А.Г. Иванова.

Проблеме взаимосвязи культурной памяти и политики посвящены работы Е.А. Мокроусовой, Л.Е. Вострякова, Н.Н. Лавриновой, П.А. Шишкина, А.Б. Рудакова, С.Г. Волобуева, О.Ю. Кокуриной, Н.А. Гусевой. Исследования памяти как области знания рассматриваются в работах А.А. Нечаевой, Ю.А. Сафроновой, А. Васильева. Диалектика памяти и забвения стала предметом исследования в работах Н.А. Кочеляевой, Е.Н. Костиной, А.С. Живого, А.М. Кумыкова, С.П. Поцелуева. Культура отмены, которая в последнее время

приобрела особую актуальность для России, исследуется в работах К.Э. Лисицы, В.А. Туркулец, Г. Кузнецова, М. Ступко, О.В. Костенко, Л.К. Салиевой, Э.А. Арутюновой-Ястребковой. Зарубежный и отечественный опыт сохранения культурной памяти стал объектом исследования в работах О.Г. Литвиновой, Л.С. Романовой, А.Н. Домрина, И.С. Власова, Л.В. Коньковой, А.Е. Шиховой, А.В. Шаманаева, С.Ю. Зыряновой, А.М. Разгона, Ю.Н. Старостиной, М.М. Богуславского, В.Г. Качаловой, Т.Н. Варламовой, И.Ю. Ивановой, С.А. Егорова, И.О. Анисимова.

Несмотря на всё возрастающее число работ, посвящённых культурной памяти, ни одна из них не выделяла её аксиологический и морально-правовой аспект в качестве предмета специального анализа. В диссертации предпринимается попытка такого анализа, предполагающего оценочно-нормативный подход к культурной памяти. Этот подход позволяет рассматривать культурную память как социокультурный феномен, функционирование которого в обществе осуществляется в соответствии с выработанными в нём социальными нормами.

Исследовательская проблема, необходимость решения которой послужила основным стимулом для написания диссертации, может быть сформулирована следующим образом: каковы особенности культурной памяти современного общества, отличающие её от культурной памяти индустриального общества?

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является культурная память, понимаемая как тип надындивидуальной памяти, которая аккумулирует в себе коллективные воспоминания, обладающие ценностной значимостью и сохраняемые в мифологически-символической форме. В качестве предмета исследования выступают два её аспекта – аксиологический и морально-правовой.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в том, чтобы показать роль культурной памяти в современном обществе. Эта цель

влечёт за собой формулировку следующих задач, находящих своё отражение в структуре диссертации:

1. проанализировать связь культурной памяти и идентичности как характеристики человека или группы;
2. проанализировать проблему сохранения культурной памяти в информационном обществе;
3. проанализировать связь культурной памяти и политических трансформаций;
4. проанализировать связь культурной памяти и социально-политического радикализма;
5. выявить средства сбережения культурной памяти;
6. проанализировать зарубежный и отечественный опыт правового регулирования в сфере сохранения культурного наследия.

Гипотеза исследования. Авторской гипотезой, обоснование которой составляет основное содержание диссертации, является предположение о том, что особенности культурной памяти современного общества, отличающие её от культурной памяти индустриального общества, обусловлены его информационной природой.

Методология и методика исследования. Методологическую основу исследования образует прежде всего понимание культуры как такой стороны жизни общества, которая связана с деятельностью людей, отличая их бытие от существования животных. Фундаментальное значение, которое придаётся ему в диссертации, определяется тем, что память является одной из культурных универсалий. Под культурными универсалиями имеются в виду основы миропонимания, неявно формирующиеся в процессе социализации и служащие для человека той или иной эпохи системой координат, исходя из которой он воспринимает явления действительности и сводит их воедино в своём сознании[2]. Методологическую основу исследования образует также концепция культурной

[2] Швачкина Л. А. Об универсальном в культуре: гуманность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2011. – № 1. С. 53.

памяти, разработанная Я. Ассманом на основе идей М. Хальбвакса. Связанная с передачей смысла, культурная память образует пространство, в которое переходят все остальные формы коллективной памяти. Из методов исследования, используемых в диссертации, важнейшими являются анализ, синтез, абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному, сравнение, идеализация, обобщение, а также индукция и дедукция.

Научная новизна исследования выражается в том, что в нём:

1. Показана связь культурной памяти как истории, воссозданной в воспоминании, с идентичностью человека или группы, которые являются её носителями;

2. Показаны особенности сохранения культурной памяти в информационном обществе, обусловленные специфическими чертами её культуры;

3. На примере отечественной истории показано влияние политических трансформаций на культурную память общества, массовые представления которого об общем прошлом превращают её в культурно-историческую память;

4. На исторических примерах показано влияние социально-политического радикализма на культурную память, результатом которого становится разрушение ценностей культуры и разрыв с прошлым, приводящий к ослаблению её ценностно-смысловых основ;

5. На основе анализа зарубежного и отечественного опыта показано, что средства сбережения культурной памяти предполагают заинтересованность государства и общества в её сохранении для последующих поколений, серьёзное внимание к исторической и юридической культуре населения, а также приобщение с детства к изучению истории и культуры своей страны;

6. На примерах России и зарубежных стран показано, что все страны не только имеют свою систему сохранения культурного наследия, которая отражает особенности их исторического развития, но и объединяют свои усилия в рамках международных соглашений по охране памятников культуры.

Положения, выносимые на защиту. Результаты исследования, проведённого в диссертации с вышеуказанных методологических позиций, воплощаются в положениях, которые выносятся на защиту. Эти положения представляют собой следующее:

1. Культурная память представляет собой форму коллективной памяти, связанную с передачей смысла. Она имеет дело не с фактической историей, а с историей, которая воссоздана воспоминанием, выраженным в ряде артефактов. Посредством обращения к прошлому обосновывается идентичность отдельного человека или социальной группы, которые являются носителями культурной памяти. Констатируя общность происхождения членов группы, культурная память является основанием для её идентификации как сплоченной общности. Проблема идентичности остро стоит на самых разных уровнях существования общества, но особую актуальность она приобретает для современного человека, поскольку нынешнее общество в значительной степени утратило устойчивые параметры социокультурной определённости, которыми обладало традиционное общество. Поэтому современный человек, несмотря на транслируемые СМИ стереотипы, вынужден во многом самостоятельно искать решение идентификационных проблем, которые прежде практически не вставали перед ним.

2. Значение культурной памяти заключается в том, что она позволяет нам хранить и передавать исторический опыт, а также формировать коллективную память, коллективные стереотипы и личную идентичность. Поэтому проблема сохранения культурной памяти является одной из важнейших для любой нации, которая не только осуществляет связь со своим историческим прошлым, но и выстраивает для себя перспективы будущего развития. В дописьменной культуре возникли такие формы сохранения культурной памяти, как обряд и праздник. Наряду с ними существуют и другие формы сохранения культурной памяти, основными из которых можно считать исследование и изучение культурных артефактов, сохранение и реставрацию исторических мест и памятников, передачу знаний и традиций с помощью образования, а также

сохранение устной традиции и рассказов. Такими формами являются создание электронных каталогов и баз данных, интерактивность культурных мероприятий, исторические реконструкции и т. д. С другой стороны, сохранение культурной памяти в современном информационном обществе связано с рядом трудностей. К этим трудностям можно отнести неограниченную свободу интерпретации текстов и образов, перетолкование художественных произведений, возможность не только сохранить, но и потерять культурную память, влияние политических пертурбаций на культурную память, вызывающих сознательные подмены и др.

3. Культурная память – это механизм сохранения и трансляции смыслов, символов и знания об исторических событиях, значимых для крупных культурных общностей. Это воспроизведение и актуализация того ценного, что позволяет идентифицировать данную культуру как целостную и обладающую конкретными качественными характеристиками. Культурная память воплощается в различных текстах, праздниках, исторических памятниках, музейных комплексах и т.д. Система государственной и общественной поддержки художественной жизни в стране является одним из элементов культурной политики, представляющей собой деятельность государства, которая направлена на планирование, проектирование, реализацию и обеспечение культурной жизни общества. В терминах культурной памяти определяется понятие культурно-исторической памяти, означающее память поколений. Облик истории кардинальным образом изменил мемориальный поворот, произошедший в конце 20 – начале 21 в. Сущность этого поворота заключается в том, что предметом исторического исследования оказывается не столько событие прошлого, сколько память о нём, которая сохраняется в общественном сознании. Формой культурно-исторической памяти, которая консолидирует общество, считаются государственные награды. Указывая на наиболее значимые события и испытания в жизни страны, они выступают хранителями материальных и духовных образов, связанных с идеей процветания государства.

4. Хотя забвение тесно связана с памятью, оно не стало ещё предметом такого же детального научного исследования. Однако в последнее время появляется всё больше работ, имеющих своей целью определить место забвения как в истории человеческой культуры, так и в современном обществе. Забвение противоположно не памяти, а воспоминанию. Забыть что-то – значит перестать помнить о том, что в течение какого-то времени удерживалось в памяти. Помогая осуществить отбор, в результате которого запоминается лишь то, что полезно, приятно или необходимо, забвение неразрывно связано с памятью. Оно сопровождает любое действие, направленное на сохранение образов прошлого, поскольку создание одних ценностей предполагает разрушение других. Забвение обществом тех или иных исторических фактов и явлений, а также отторжение им достоверной оценки их значимости определяют как социальную амнезию, которая нередко сознательно организуется в политических целях.

5. Современным аналогом остракизма как изгнания на определённый срок некоторых граждан древнегреческого полиса является культура отмены, под которой понимается форма общественного бойкота, имеющего своей целью исключение человека или группы людей из социальных и профессиональных кругов как негативная реакция на некоторые их действия или высказывания. Она оказывается порождением современного информационного общества, в котором на первый план выдвигаются проблемы, не привлекавшие особого внимания ещё несколько десятилетий назад. Речь идёт о защите прав женщин, а также лиц с особенностями психического или физического развития и других категорий лиц. Движение в защиту прав этих категорий лиц и породило тот социальный феномен, который получил название культуры отмены. Однозначную оценку культуре отмены дать трудно: с одной стороны, она возникла на волне движения в защиту прав различных категорий лиц, а с другой – приводит к нарушению прав тех, кто стал объектом общественного порицания. Культура отмены оборачивается неприятными последствиями для всех, а попытка полностью отменить культуру того или иного государства оборачивается расколом мирового сообщества в будущем. В отличие от культуры отмены, *отмена*

культуры пытается полностью стереть из истории объект отмены. В настоящее время на Западе предпринимается попытка отменить русскую культуру, включая литературу, музыку, балет, искусство и т. д. Высказывается мнение, что всё русское должно быть запрещено. Однако отмена русской культуры является не столько культурой отмены, столько деструктивной политической технологией, направленной на разрыв или по крайней мере на усложнение коммуникаций стран Запада с Россией.

6. Для многих зарубежных стран характерен комплексный поход к сохранению культурного наследия, а также наличие эффективного законодательства, который его регулирует. В них существует своя система его сохранения, которая отражает особенности их исторического развития, политического и социально-экономического устройства, специфику культуры, а также заинтересованность государства и общества в её сохранении для последующих поколений. Так, например, сохраняется старая архитектура при модернизации интерьеров зданий. Россия подошла к той черте, когда сохранение культурного наследия вошло в сферу её национальной безопасности и должна активно создавать свои законы, позволяющие воспроизводить культурную память, на базе которой строится национально-государственная идентичность.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования, осуществлённого в диссертации, могут представлять интерес для специалистов в области культурологии, философии, истории и других областей социально-гуманитарного знания. Они могут быть применены как в теоретических исследованиях, связанных с исследованием культурной памяти, так и в учебном процессе при чтении курсов истории, культурологи, политологии, социологии, философии и др. Наконец, результаты диссертационного исследования могут оказаться полезными для практических работников, занимающихся проблемами сохранения культурного наследия и музейного дела.

Достоверность выводов и полученных результатов исследования обусловлена опорой на классические и современные теоретические концепции,

использованием соответствующих теме, цели и задачам исследования понятийно-категориального аппарата и комплекса методов, а также соблюдением принципов системности, научной объективности и историзма.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.1 Теория и история культуры, искусства (философские науки), в том числе следующим пунктам паспорта специальности: 9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; 16. Роль культурного и природного наследия в жизнедеятельности общества; 17. Механизмы и практики культурного наследования. Их историческая обусловленность. Структура культурного наследия; 18. Культурно-историческая память и культурное наследие.

Апробация работы. По теме исследования опубликованы 3 статьи в изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ. Положения диссертации также были представлены на конференциях: Всероссийская научная конференция «Современное гуманитарное знание: проблемы, методы, перспективы» (Ростов-на-Дону, ЮРГИ, 2023 г.); Всероссийская научная конференция «Культура и семейные традиции» (Ростов-на-Дону, ЮРГИ, 2024 г.); XIX Ждановские чтения – всероссийская научная конференция с международным участием «Искусственный интеллект и вызовы научно-техническим и гуманитарным культурам» (круглый стол в ЮРГИ, 2025 г.).

Объём и структура работы. Диссертация изложена на 153 страницах машинописного текста и состоит из введения, двух глав, содержащих по два параграфа, и заключения. Список литературы включает в себя 229 источников на русском и английском языках.

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1.1. Аксиологический аспект культурной памяти: исследования XX века

Феномен культуры. Рассмотрение различных аспектов культурной памяти предполагает уяснение того, что имеется в виду под культурой. Латинское по происхождению, слово «культура» означало первоначально возделывание земли. Первым, кто использовал его в этом значении, был древнеримский писатель и политик Марк Порций Катон Старший (3-2 вв. до н. э.), написавший трактат под названием «De agri cultura». Этот трактат был посвящён обработке земли, а также уходу за полем, предполагавшему не только его возделывание, но и особое отношение к нему. Постепенно значение слова «культура» расширялось: помимо возделывания земли, им стали обозначать обработку других природных материалов в различных ремёслах, а также её результаты. Ещё более широкий смысл придавал слову «культура» Марк Тулий Цицерон, которого считают одним из основоположников древнеримской философии и риторики. В трактате «Тускуланские беседы», законченном им в 45 г. до н. э., он применял это слово в переносном смысле – не для обозначения обработки почвы, а для обозначения возделывания человеческого ума в процессе обучения и воспитания.

Цицерон полагал, что глубокий ум возникает благодаря философским рассуждениям. Характеризуя философию как культуру ума, он не связывал культуру только с образованностью, а также с развитием наук, искусств и цивилизации, забота о которых была характерна не столько для Рима, сколько для Греции. По мнению Цицерона, подлинная культура заключалась в образе жизни, существовавшем в Риме периода республики. В этот период потребности отдельного человека и общие интересы государства находились не только в отношении противоречия, но и в неразрывном единстве. Проблема отношения человека и государства приобрела особую актуальность в то бурное и

нестабильное время, на которое пришлась деятельность Цицерона как философа и оратора[3].

В конце 17 в. немецкий юрист и философ Самуэль фон Пуфендорф, который был одним из представителей естественного права, предвосхитившим некоторые идеи Дж. Локка, Ж.Ж. Руссо и И. Канта, впервые использовал термин «культура» для обозначения того, что произведено человеком. Он полагал, что наиболее сильным мотивом человеческого поведения является не себялюбие, а страх перед противостоянием природе, который имеет своим результатом стремление человека найти помощь и защиту у сообщества людей. Природе как дикой стихии Пуфендорф противопоставлял культуру, понимая под ней плоды человеческой деятельности.

Со второй половины 18 столетия термин «культура» стал широко использоваться как в науке, так и в философии, а обозначаемое им понятие приобрело статус одного из самых обсуждаемых в литературе. В дальнейшем культура стала пониматься как такая сторона жизни общества, которая связана с деятельностью людей, отличая их бытие от существования животных. В её изучении сложилось два основных направления, в первом из которых она понималась как противостояние дикости и варварства первобытного человечества или как процесс развития человеческой духовности в моральной, научной, политической, правовой, религиозной, философской и эстетической сферах общественной жизни, а во втором рассматривалась в контексте различных типов общества. При этом научная мысль шла от отождествления культуры со всем, что создано человеком, к исследованию различных проявлений его активности, благодаря которым он создаёт искусственную сферу своего существования, противостоящую природе.

В 60-е – 80-е годы прошлого столетия в отечественной философии наблюдался повышенный интерес к проблемам культуры, названный впоследствии культурологическим бумом. Его причину связывают с гуманизацией советской философии, ставшей одним из проявлений

[3] Быстрова С.П. Истоки философии культуры: Цицерон. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 44.

особенностей десятилетнего периода в жизни страны, который наступил после смерти И.В. Сталина и получил неофициальное название хрущёвской оттепели. Обращение к проблемам культуры в этот период открывало возможность доступа к работам западных философов, которое прежде было затруднительным[4].

Одним из организаторов культурологической науки в нашей стране был Э.С. Маркарян, который положил начало деятельностной концепции культуры. В монографии «Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ», вышедшей в 1983 г., им были разработаны основы общей культурологической теории, а также теории динамики культурных традиций, которая вошла в науку под названием традициологии. Хотя общие представления о культуре как общественном феномене сложились давно, единая культурологическая теория, представляющая собой систему знаний об особом классе явлений, стала складываться в последней четверти двадцатого столетия[5].

Э.С. Маркарян утверждал, что в силу сложившейся традиции содержание понятия культуры чаще всего сводится к искусству, а также связанным с ним явлениям. В результате сужения содержания этого понятия из поля зрения исследователей выпала категория, которая призвана выражать универсальный способ осуществления жизнедеятельности людей. Между тем о смысловом разнообразии понятия культуры говорит использование в науке таких выражений, как «материальная культура», «духовная культура», «политическая культура» и т. д. Оно оказывается возможным благодаря тому, что это понятие обладает неким общим смыслом, которым не обладает никакое другое понятие. В содержании понятия культуры находит отражение механизм соответствия природы и общества, которое стремится к своему самосохранению. Культура призвана реализовывать индивидуальные и социальные потребности людей, взаимодействие людей как между собой, так и с окружающим миром,

---

[4] Мареева Е.В. О подходах к анализу культуры в советской философии 60 – 80 годов XX века // Вестник МГУКИ. – 2013. – № 3 (53). – С. 52.

[5] Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1983. – С. 4.

воспроизводство и изменение общественной жизни, а также стимулирование, мотивацию, координацию и другие фундаментальные социальные функции[6].

Фундаментальным основанием культурологической теории Э.С. Маркаряна является положение об эволюционной самоорганизации общества, которое приобретает особую актуальность в условиях современной цивилизации, отличающейся крайней деструктивностью. Проявлением этой деструктивности является угроза не только природе, но и самому существованию человечества. Обращаясь к кризису современной цивилизации, Э.С. Маркарян связывал его преодоление с культурой.

В деятельностной концепции культуры человек понимается как родовое существо, которое создаёт вторую природу. Эта природа не противопоставляется первой, а регулирует взаимоотношения человека с ней посредством культурных императивов. Императивы входят в структуру культуры, образуя её основания. Культурные императивы аккумулируют принципы подлинно человеческого отношения к природной среде, поскольку без природы, а также всей системы адаптации к ней человечество просто не сможет существовать[7].

Одним из основателей и разработчиков философии культуры и культурологии как научных дисциплин был В.А. Межуев, которого относят к ярким представителям советского интеллектуального сообщества. Он первым среди отечественных философов стал проводить чёткое различие между системой наук о культуре, получившей название культурологи, и философией культуры. По мнению В.А.Межуева, философию культуры нельзя рассматривать как завершённую систему, состоящую из окончательно сформулированных определений, которые необходимо лишь запомнить. В действительности она является непрерывно воспроизводимой в истории человеческой мысли проблемой культуры, которая по-разному решалась в различные её периоды. Ни одно из решений этой проблемы не является абсолютным, которое не может

---

[6] Айрапетян С.Г. Э.С. Маркарян (1929 – 2011) – основатель армянской культурологической и традициологической школы // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2015. – № 4 (19). – С. 15.

[7] Драч Г.В. Культурные императивы: идеи Э.С. Маркаряна // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 1 (69). – С. 63.

быть впоследствии пересмотрено. Наоборот, поскольку со временем меняется культура, меняется и отношение людей к ней. Поэтому философия культуры может быть представлена как история сменяющих друг друга теорий, которые находятся между собой в отношении преемственности или в отношении конфронтации.

Для первого поколения советских культурологов, творческая активность которых пришлась на 60-е годы прошлого столетия, исходным стало понимание культуры как деятельности. Оно в значительной степени определило своеобразие рождавшейся в нашей стране культурологической мысли в отличие от тех концепций, которые существовали за рубежом. Истоки этой мысли следует искать в разработке проблематики человека и человеческой деятельности, начатой в период оттепели Э.В. Ильенковым, Ю.Н. Давыдовым, Г.С. Батищевым и другими философами, которые испытали непосредственное воздействие впервые опубликованных произведений раннего К. Маркса[8].

В 1979 г. появилась книга «Сущность культуры», написанная ростовскими философами В.Е. Давидовичем и Ю.А. Ждановым. В ней была предпринята первая попытка проанализировать концепции культуры, сложившиеся в отечественной философии к концу 70-х годов прошлого столетия. Благодаря А.И. Арнольдову, Э.А. Баллеру, Е.В. Боголюбову, М.С. Когану, Э.С. Маркаряну, В.М. Межуеву, О.В. Хановой и другим авторам в советской философии был накоплен огромный эмпирический материал, содержащий вопросы определения культуры, а также формирования её теории, связи с обществом и личностью и т. д. Так что цель выработать концепцию культуры как специфического социального феномена, поставленная В.Е. Давидовичем и Ю.А. Ждановым в их совместной монографии, была исключительно актуальной для философского сообщества. В качестве исходного понятия, позволяющего выявить подлинное место культуры в жизни человечества, они использовали категорию человеческой предметной деятельности.

[8] Межуев М.В. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 281.

Начало деятельностного подхода к культуре связывают с именем Э.С. Маркаряна, который понимал её как способ человеческой деятельности. Будучи фундаментальным свойством культуры, средство деятельности человека объединяет в себе все её остальные характеристики. В своей совместной монографии В.Е. Давидович и Ю.А. Жданов сосредоточились на поиске внутренней основы, которая скрепляет многообразный эмпирический мир. По их мнению, истоки всех феноменов культуры коренятся в способе деятельности общественного человека. Поэтому деятельность, понимаемая как практическая энергия людей, является предпосылкой и реальной причиной всей истории культуры[9].

Практическая деятельность людей, связанная с производством материальных и духовных благ, не только является основанием человеческого и общественного бытия, но и создаёт культуру. Культура человека представляет собой вторую, искусственную природу, сотворённую его трудом. Соотношение между естественной и искусственной природой является фундаментальной философской проблемой, связанной с диалектикой необходимости и свободы. Природа является предпосылкой физического существования человека, а культура – основа его духовного развития, превращающего человека в свободного творца. В.Е. Давидович и Ю.А. Жданов отстаивали точку зрения, согласно которой единственным средством развития человеческой свободы является культура[10]. Анализируя эту точку зрения, Г.В. Драч акцентирует внимание на структурных компонентах культуры, которые представляют собой её уровни. К первому из этих уровней относятся материальные предметы и ценности, а также различные формы социальной реальности, т. е. социальные и политические институты, правовые нормы, формы государственного устройства и т. д. Они служат предпосылками, а также условиями интеллектуального и духовного развития общества. Что касается второго уровня культуры, то его

[9] Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. / отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005. – С. 200.

[10] Акаев В.Х Философские основания культурологической концепции Ю.А. Жданова и В.Е. Давидовича // Гуманитарий юга России. – 2012. – № 2. – С. 227.

образуют духовные ценности и установки, выработанные в обществе. Наконец, третий уровень культуры составляет человек как целостная личность, который благодаря ей может самореализоваться и достичь свободы[11].

До появления в советском обществознании деятельностного подхода к культуре она рассматривалась как сфера общества, производная от его социально-экономической основы. Лишённая статуса самостоятельного измерения человеческого бытия, культура понималась как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми в процессе материального и духовного производства. Вклад В.Е. Давидовича и Ю.А. Жданова в разработку проблемы сущности культуры заключается в том, что они предложили рассматривать её как всеобщую технологию человеческой деятельности[12].

Американский антрополог Джордж Мёрдок, с именем которого связывают создание школы кросс-культурных исследований, предположил, что все человеческие культуры имеют много общего. Это общее он свёл к семи положениям, которые разделяются многими обществоведами, а некоторые из них – всеми обществоведами. Первое из этих положений гласит, что культура передаётся посредством обучения. Культура, говорит Дж. Мёрдок, не является чем-то врождённым, а состоит из привычек, приобретаемых каждым человеком в течение всей его жизни посредством обучения. Во-вторых, культура прививается посредством воспитания. Все животные поддаются обучению, но передавать приобретённые привычки своему потомству может только человек. В-третьих, культура социальна. Образующие её привычки сохраняются не только благодаря воспитанию, но и в силу действия социальных факторов, т. е. они разделяются людьми, живущими в обществе. В-четвёртых, культура идеационна. Иными словами, групповые привычки, образующие её содержание, представлены в виде идеальных норм или образцов поведения. В-пятых,

[11] Акаев В.Х Философские основания культурологической концепции Ю.А. Жданова и В.Е. Давидовича // Гуманитарий юга России. – 2012. – № 2. – С. 228.
[12] Волков Ю.Г. Общество и культура: концепции культуры Ю.А. Жданова // Гуманитарий юга России. – 2019. – Т. 8 (37). – № 3. – С. 17.

культура обеспечивает удовлетворение базисных потребностей человека, а также возникающих на их основе вторичных потребностей. Её элементы представляют собой проверенные способы удовлетворения человеком своих потребностей, возникающих при его взаимодействии как с окружающим миром, так и с другими людьми. В-шестых, культура адаптивна. Она приспосабливается к географической и социальной среде, а также к биологическим и психологическим особенностям человеческого организма. Наконец, седьмое положение, сформулированное Дж. Мёрдоком, сводится к тому, что культура интегративна. Элементы культуры направлены на то, чтобы образовывать согласованное и интегрированное целое[13].

Дж. Мёрдок полагал, что если сформулированные им положения верны, то все человеческие культуры имеют некоторые общие черты, которые позволяют нам сформулировать ряд научных обобщений. Такие обобщения стали называть культурными (антропологическими или человеческими) универсалиями, понимая под ними элементы, образцы, черты или институты, которые являются общими для всех известных человеческих культур по всему миру. Сам Дж. Мёрдок указывает на 88 культурных универсалий, но у других авторов их количество может быть иным. Поэтому возникает вопрос, что может быть отнесено к универсалиям культуры, а что не может быть отнесено к ним.

Рассмотрение свойств культурных универсалий начнём с тех, которые представляются наиболее очевидными. Во-первых, культурные универсалии присущи не только всем существующим в настоящее время, но и всем существовавшим прежде культурам. Во-вторых, все культурные универсалии основываются на предпосылках, которые выходят за рамки человеческой культуры. Такие предпосылки могут иметь физическую, физиологическую или поведенческую природу (например, игра, в которую животные играли и до появления человека, или праздник, имеющий привязку к календарю). Необходимым признаком культурных универсалий является также то, что они

[13] Мёрдок Дж. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры / сост. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 49-55.

обладают достаточно большим значением в любом обществе. Явление культуры, которое не является важным для большинства людей, а интересно только узким специалистам в определённой области, не может быть отнесено к её универсалиям. Кроме того, культурные универсалии обладают феноменологичностью, т. е. они представляет собой результат преломления внекультурных явлений в человеческом сознании. Наконец, в содержательном отношении они чрезвычайно изменчивы, а следовательно адаптивны. Так, современный праздник значительно отличается от средневекового или советского, хотя в своей основе они имеют много общего[14].

Согласно сложившемуся в литературе пониманию, под культурными универсалиями имеются в виду основы миропонимания, неявно формирующиеся в процессе социализации и служащие для человека той или иной эпохи системой координат, исходя из которой он воспринимает явления действительности и сводит их воедино в своём сознании. Культурные универсалии включают в себя нормы, ценности, правила, традиции, аспекты культуры, которые носят всеобщий характер, присутствуя на всех этапах развития человеческого рода, и независимы от географического места, а также устройства общества. Как возникают культурные универсалии? В их основе находятся фундаментальные характеристики опыта, единого для всех людей (опыта рождения и смерти, ориентации «вверх» и «вниз», наличия мужского и женского). Это первоначальный опыт структурирования мира. В нем возникают системы терминов родства, рождаются наименования, он тесно связан с ритуалами, а также (на инцест, на сыроядение и т. п.) и первыми достижениями культуры[15].

Поиск универсальных черт культуры связан с появлением в 18 в. философии истории, а затем – антропологии и этнографии. В 20 в. он стимулировался развитием психоанализа, структурной лингвистики, семиотики,

---

[14] Севостьянов Д.А. Универсалии культуры как основа культурологического знания // Культура и образование. – 2021. – № 3 (42). – С. 11.

[15] Всемирная энциклопедия: философия / главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 525.

социальной психологии, математической теории игр, зоопсихологии и других дисциплин. С появлением понятия человечества целью большинства гуманитарных дисциплин стало уяснение структурного единства, присущего мировой культуре.

Согласно представителям тартуско-московской семиотической школы, связанной с именами Ю.М. Лотмана, А.М. Пятигорского, П. Торопа и других специалистов в области языка и культуры, культурные универсалии образуют пирамиду. В основе этой пирамиды лежат универсалии архаичного порядка. К ним относятся хтонические существа, которые олицетворяют природную мощь земли (огонь, вода, земля, воздух), элементы Космоса (Солнце, звёзды, Луна, планеты), ближний мир предметов (камень, дерево, зерно, масло, бытовая утварь), а также природная органика (птицы, рыбы, насекомые). Над ними надстраиваются универсалии терминов родства, метафоры артефактов (дом, зеркало) и экзистентных ситуаций (обмен, встреча, путь), а также границы состояний (сон, смех, слёзы, тайна, экстаз) или их следов (тень, двойник, голос). Пирамида культурных универсалий завершается видами деятельности, а также игрой.

Культурные универсалии представляют собой вечные константы человеческого бытия, выступающие в качестве фундаментальных категорий картины мира, суммирующих внутренний опыт индивида. Они являются наследием культурной памяти, определяющей механизмы преемственности и новаторства. Культурные универсалии служат генетическим кодом каждого типа цивилизации, а большинство из них присутствует и в литературе, преображаясь в соответствии с законами художественного сознания. К ним относятся душа и тело, жизнь и смерть, счастье и горе, а также другие универсалии, связанные с духовной и физической жизнью человека[16].

Многие авторы, рассматривающие универсалии культуры, относят к ним память. Так, одной из характеристик семиосферы, понимаемой Ю.М. Лотманом

[16] Быканова А.С. Универсалии в культуре // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2014. – Т. 2. – № 10. – С. 238.

как пространство осуществления коммуникаций и функционирования языков, является разветвлённая система памяти, которую он называл диахронной глубиной. Согласно его точке зрения, любой культурный знак указывает не только на синхронно существующее значение, но и требует исторического углубления для понимания функционирования культуры в вертикальном и горизонтальном срезах. Обладая диахронной глубиной, семиосфера наделена сложной системой памяти, без которой она не может функционировать. При этом механизмы памяти имеются не только в отдельных частях семиосферы, но и у неё в целом[17].

Концепция культурной памяти[18]. Представление о памяти человека как глубинном источнике его воображения восходит к древнегреческой мифологии, в которой персонифицированной памятью служила богиня Мнемозина, считавшаяся матерью всех муз. Поскольку она обладала всеведением, считалось, что поэт, которым овладевают музы, пьёт из источника её знания. Среди дисциплин, занимающихся изучением памяти, особое место всегда отводилось психологии как науке о закономерностях возникновения, развития и функционирования психических процессов, состояний и свойств личности. С точки зрения этой науки память представляет собой отражение в сознании человека того, что существовало в его прошлом опыте. При этом средствами такого отражения выступают запоминание, воспроизведение и узнавание.

Начиная с античности, проблемы памяти были в центре внимания философии[19]. Так, Платон полагал, что память связывает человека с миром идей. Его точка зрения сложилась под влиянием бесед с Сократом, который утверждал, что в душе каждого человека имеется истинное знание. Это знание можно

---

[17] Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С.20.

[18] Некоторые положения данного параграфа относительно эволюции представлений о культурной памяти и развитии ее исторических форм опубликованы в следующих статьях соискателя: Вертий Ю.М. Становление понятия «культурная память» в трудах Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана: от коллективной к культурной памяти // Вестник МГУКИ. – 2024. – № 2 (118). – С. 63-70; Вертий Ю.М. Проблема субъекта и сохранения культурной памяти в постиндустриальном обществе // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2024. – № 1 (52). – С. 19-30.

[19] Савельев А.Е. Концепции памяти в воззрениях античных и средневековых мыслителей // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 1 (27). – С. 116.

извлечь с помощью умело поставленных вопросов, составляющих содержание сократовского метода майевтики.

Согласно Аристотелю, предметы внешнего мира воздействуют на органы чувств человека, вызывая у него психические изменения, которые сохраняются и после прекращения их воздействия. Рассматриваемые как подобие предмета, возникающие у человека образы становятся объектом его памяти. Таким образом, память представляет собой осознание человеком того, что возникший у него образ является подобием предмета, который воспринимался им ранее. В своём трактате «О памяти», который традиционно относят к его небольшим сочинениям о природе, Аристотель говорит, что она является обладанием образом как изображением того, образом чего он является. Он полагал, что память неразрывно связана со временем. Поэтому она имеется только у тех животных, которые воспринимают время. При этом и память, и время воспринимаются посредством одного и того же органа, которым, по Аристотелю, является сердце[20].

Большую роль в развитии представлений о памяти сыграли древнегреческие, а затем и римские ораторы, которые акцентировали внимание на механизмах запоминания речи, предназначенной для публичного выступления. Так, в анонимном трактате «К Герению», авторство которого иногда приписывают Цицерону, утверждается, что существует два вида памяти – естественная и искусственная: первая дана человеку от рождения, а вторая развивается и укрепляется им с помощью упражнений. В трактате «Об ораторе», принадлежность которого Цицерону не вызывает сомнений, утверждается, что лучше всего запоминается информация, воспринятая с помощью слуха и зрения.

Акцентирование внимания на механизмах запоминания речи, наметившееся у античных риторов, получило воплощение в развитии мнемоники, т. е. совокупности средств, которые помогают запомнить большое количество информации. Такие средства широко использовались в

[20] Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / пер. на рус. Е.В. Алымовой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 144.

средневековых университетах, студентам которых приходилось запоминать большой массив информации по философии, теологии, логике и другим дисциплинам. Особенно актуальными они оказывались при изучении логики, в которой со времён Аристотеля всё шире использовались символы, формулы и диаграммы, требовавшие определённых усилий для своего запоминания. Однако средневековые философы не только придумывали мнемонические средства, помогавшие запоминать содержание различных дисциплин, но и пытались разобраться с тем, что такое память.

Августин Блаженный, оказавший огромное влияние на развитие средневековой философии, считал память важнейшей частью человеческой души, включавшей в себя также разум и волю. Особое положение памяти определилось тем, что в ней находилась идея Бога. Альберт Великий, один из видных представителей средневековой схоластики, считал память важнейшей составляющей такой христианской добродетели, как благоразумие. Ему вторил его духовный ученик Фома Аквинский, утверждавший, что благоразумие подразумевает не только понимание настоящего и умение предполагать будущее, но и память о прошлом[21].

Античные, средневековые и многие более поздние философы, занимавшиеся проблемами памяти, рассматривали её как свойство человеческой психики, которое попадало в сферу интересов психологии. Традиционное понимание психологии сводилось к тому, что она является наукой о закономерностях возникновения, развития и функционирования психических процессов, состояний и свойств личности. С точки зрения этой науки память представляет собой отражение в сознании человека того, что существовало в его прошлом опыте. При этом средствами такого отражения выступают запоминание, воспроизведение и узнавание.

Хотя термин «память» имеет множество значений, которые различаются в зависимости от контекста его употребления, в самом общем смысле он

[21] Савельев А.Е. Концепции памяти в воззрениях античных и средневековых мыслителей // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 1 (27). – С. 119.

используется для обозначения способности сохранять, накапливать и воспроизводить хранящуюся информацию, а также механизма её обеспечения. Первым исследователем, который указал на то, что память может относиться не только к индивиду, но и к группе, был Морис Хальбвакс (1877-1945), принадлежавший к французской социологической школе Эмиля Дюркгейма. В работе «Коллективная и историческая память», увидевшей свет в 1950 г., когда его уже не было в живых, он писал, что мы ещё не привыкли даже метафорически говорить о групповой памяти. Вместе с книгой «Социальные рамки памяти», вышедшей ещё при жизни М. Хальбвакса, эта работа положила начало новому направлению научных исследований, связанному с социологическим анализом памяти[22].

Подход к изучению памяти, предложенный М. Хальбваксом, оказался новаторским. Будучи учеником Анри Бергсона и Эмиля Дюркгейма, он был в курсе научных исследований индивидуальных переживаний человека, а также владел методами социального анализа, учитывающими влияние общественных явлений на интимные стороны жизни индивида. Соединение идей двух научных школ – психологической и социологической, которые существенно отличаются друг от друга, – воплотилось в создании М. Хальбваксом фундаментального произведения «Социальные рамки памяти». Написанное ещё в 1925 г., это произведение до сих пор считается одной из важнейших работ по проблемам коллективной памяти[23].

Работы М. Хальбвакса, расцвет деятельности которого пришёлся на период между двумя мировыми войнами, не сразу стали рассматриваться как имеющие самостоятельное научное значение, а воспринимались скорее в связи с исследованиями школы Э. Дюркгейма. Однако в настоящее время сформулированные в них идеи привлекают внимание представителей различных областей знания – историков, культурологов, социологов, антропологов,

---

[22] Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 16-50; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

[1]Наталья Колягина. Морис Хальбвакс. Социальные рамки памяти. Уроки истории [электронный ресурс]. – URL: http://urokiistorii.ru/media/book/halbwachs

психологов, педагогов, философов и др. Актуальность их для современной России связана с тем, что в поисках своей идентичности она в очередной раз оказалась перед историческим выбором. Этот выбор сводится к тому, что из своего прошлого российскому обществу следует помнить, а что лучше было бы забыть[24].

Основная идея, развиваемая М. Хальбваксом в его работе, сводится к тому, что память отдельных индивидов и их групп социально обусловлена. Свою аргументацию он строит следующим образом: чаще всего человек вспоминает о чём-то потому, что к воспоминаниям его побуждают другие люди. Память этих людей помогает его памяти, а она в свою очередь опирается на их память. Отсюда следует, что существует коллективная память и социальные рамки памяти. Человек способен к воспоминаниям, поскольку его мышление принадлежит к коллективной памяти, которая заключена в социальные рамки[25].

Коллективная память, воплощённая в традициях, социальных институтах и т. д., обусловливает индивидуальную память, а важными факторами запоминания оказываются социальные взаимодействия и ритмы социальной жизни. Средством упорядочивания воспоминаний в пространстве и времени служит социальная среда, которая является источником не только самих воспоминаний, но и встречающихся в них понятий[26].

Коллективная память, оказавшаяся в настоящее время в центре внимания представителей многих научных дисциплин, касается воспоминаний, которые хранятся людьми как членами социальных групп. Причём эти группы могут быть как малыми вроде семьи или школы, так и большими (например, политическими партиями или нациями), а членство в некоторых из них является важной частью их личностных характеристик. Будучи историей в том виде, в котором её помнят

---

[24] Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 3. – С. 40.

[25] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – С. 29.

[26] Современная западная социология: словарь / сост. Ю.Н. Давыдов, М.С. Ковалёва, А.Ф. Филиппов. – М.: Политиздат, 1990. – С. 386.

люди, коллективная память не является формальной историей, поскольку их воспоминания не всегда соответствуют историческим фактам.

Американский психолог Г.Л. Рединger, который считается одним из крупнейших современных исследователей в области человеческого обучения и памяти, выделяет три аспекта коллективной памяти. Во-первых, эту память можно рассматривать как совокупность знаний о том или ином предмете. Особенностью этого аспекта коллективной памяти является то, что она может меняться от одного поколения к другому. Во-вторых, коллективную память можно рассматривать как образ народа, возникающий из истории его происхождения. Наконец, она представляет собой коллективное воспоминание, выявляющее споры о том, как следует помнить прошлое. Практическая польза исследований коллективной памяти заключается не только в выявлении того, как различные группы и социальные общности помнят свою историю, но и в выявлении общего и различий в их взглядах на мир[27].

Исследования коллективной памяти, начатые М. Хальбваксом, были продолжены целым рядом специалистов в области философии, истории, культурологи и других областей знания. В то же время в литературе встречались критические замечания, касающиеся использования понятия коллективной памяти. Эти замечания можно свести к следующим пунктам: (1) субъектом памяти не может быть группа индивидов. Воспоминания могут принадлежать только индивиду, а с его смертью они исчезают. Поэтому понятие коллективной памяти может использоваться не буквально, а только метафорически; (2) такого феномена, как коллективная память, вообще не существует. То, что называют коллективной памятью, является не воспоминанием, а соглашением между людьми; (3) в связи с переходом от критики идеологии к коллективной памяти, произошедшим во второй половине 20 в., понятие коллективной памяти заменило собой понятие идеологии[28].

---

[27] Редигер Г.Л. Три аспекта коллективной памяти [электронный ресурс]. – URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35266734/

[28] Корнющенко-Ермолаева Н.С. Идеология versus коллективная историческая память? К истории дискурса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 65.

Причины того, что некоторые авторы с осторожностью относились к идеям М. Хальбвакса, следует искать в необычности его позиции, согласно которой память не рассматривалась им как процесс сохранения индивидуальных впечатлений. Она вообще не является тем, что принадлежит отдельному человеку. Если индивид не является членом какого-либо сообщества, то он не обладает памятью, представляющей собой способность воспроизводить посредством внутренней речи те события, которые относятся к объективной реальности или к его внутреннему миру.

Выводы, полученные М. Хальбваксом в результате своих исследований, существенно меняли наши представления о памяти. В то же время они опирались на довольно солидную традицию, существовавшую в сфере гуманитарного знания. Так, ещё в конце 19 в. А. Бергсон опубликовал работу «Материя и память», содержавшую критику точки зрения, согласно которой память имеет материальную природу[29]. Эту точку зрения отстаивал французский живописец и график О.Т. Рибо, который утверждал, что память находится в определённой части нервной системы, локализуясь в мозге. Иной позиции придерживался А. Бергсонс, который различал две формы памяти – моторную и спонтанную. Из этих форм памяти первая связана с повторением некоторого действия (например, заучивание наизусть какого-то текста), а вторая фиксирует единичные события и выражает их в образах-воспоминаниях, которые обладают уникальностью. Согласно А. Бергсону, спонтанная форма памяти обращена в прошлое, а моторная относится к настоящему и обращена в будущее. Отсюда следует, что памятью в собственном смысле является только спонтанная форма памяти, тогда как моторная не является ею[30].

Не соглашаясь со своим учителем, М. Хальбвакс полагал, что обе формы памяти существуют в социальных рамках. При этом он следовал традиции, характерной для французской социологической мысли 20 в. Согласно этой традиции, всё индивидуальное интерсубъективно. По мнению Э. Дюркгейма,

[29] Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: пер. с фр. – Мн.: Харвест, 1999. – с. 414-668.
[30] Блауберг И.И. Анри Бергсон. – М.: Прогресс-традиция, 2003. – С. 165.

представленному им в его фундаментальном произведении «Самоубийство: социологический этюд», человеческая деятельность по своей природе коллективна, а ментальные процессы социально детерминированы[31]. М. Хальбвакс, который принадлежал к социологической школе Э. Дюркгейма, реализовал её магистральную линию применительно к исследованию человеческой памяти.

Значение деятельности М. Хальбвакса не сводится только к тому, что он первый начал исследовать коллективную память, а также показал её связь с индивидуальной памятью. Оно заключается также в том, что его идеи послужили основанием для исследований других авторов, завершившихся важными результатами, которые проливают свет на природу человеческой памяти. Среди этих результатов особое место занимает теория культурной памяти, разработанная Я. Ассманом.

Немецкий учёный Ян Ассман считается одним из крупнейших специалистов в области египтологии, а также истории религии и культуры. В центре его научных интересов находятся проблемы религии и коллективной памяти в древних и новых обществах, исследованием которых он занимается вместе со своей женой Алейдой Ассман, считающейся также крупным специалистом в области истории, культурологи и антропологии. По мнению Я. Ассмана, высказанному им в 1992 г., когда появилась его книга «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности», в последнее время наблюдается повсеместное увлечение темой памяти. Эта тема охватила умы исследователей как на Востоке, так и на Западе. Я. Ассман не считал возрастание её актуальности случайным, а связывал его с тем, что современное общество перешло в эпоху, в которой высокий спрос на проблематику памяти обусловлен тремя факторами. Во-первых, появление электронных средств хранения информации представляет собой современную культурную революцию, которая по своему значению для развития цивилизации

[31] Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. с сокр. А. Н. Ильинского; под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

не уступает появлению письма, а затем и книгопечатания. Во-вторых, на современную культуру часто смотрят таким образом, что всё завершившееся в ней продолжает существовать только как предмет воспоминаний. В-третьих, в настоящее время подходит к концу эпоха, которая затрагивает нас более существенным образом, чем любая другая. Постепенно уходит из жизни поколение людей, которые были очевидцами крупнейших потрясений в истории человечества. В коллективной памяти рубежом эпох являются сорок лет, по истечении которых живое воспоминание постепенно уходит в прошлое, тогда как формы памяти о нём становятся всё более актуальными[32].

Обращаясь к понятию памяти, Я. Ассман отмечает, что с ним ассоциируется прежде некий феномен, который локализован в мозгу человека. Этот феномен изучается физиологией, неврологией и психологией, но не культурологией. Однако содержание памяти и её организация определяются не внутренними рамками, а внешними факторами, на которые впервые указал М. Хальбвакс. Отталкиваясь от идей М. Хальбвакса, Я. Ассман выделил четыре таких фактора, с которыми связаны различные формы памяти: миметическая, предметная, коммуникативная и культурная.

Миметическая память связана с деятельностью людей, которой они обучаются через подражание. Использование письменных указаний для некоторых видов деятельности является сравнительно поздним явлением, которое так и не закрепилось окончательно. Поскольку человеческая деятельность не поддается полной кодификации, многие сферы повседневной жизни до сих пор основываются на миметической традиции.

Предметная память связана с предметами, которые окружают человека с древнейших времён. Эти предметы могут быть самыми разнообразными – от предметов утвари, одежды, инструментов до домов, улиц, городов, транспортных средств и т. д. Человек вкладывает в них свои представления об удобстве, красоте и целесообразности, которые косвенно характеризуют его

[32] Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 11.

самого. В то же время предметы созданного им мира содержат показатели времени, которые указывают ему на его настоящее, а также на связанное с ним прошлое. Поэтому они напоминают человеку не только о нём самом, но и о его предках.

Коммуникативная память связана с языком, а также со способностью людей коммуницировать друг с другом. Язык людей, равно как и их способность коммуницировать друг с другом приобретаются ими не из самих себя, а в результате общения с другими людьми. Сознание и память человека не могут быть объяснены путём обращения к его психологии и физиологии, а требуют объяснения, предполагающего его взаимодействие с другими людьми. Они возникают в человеке благодаря тому, что он участвует в таком взаимодействии.

Последней формой памяти, выделяемой Я. Ассманом, является культурная память, которая связывается им с передачей смысла. Она образует пространство, в которое переходят все остальные формы памяти. Когда в рамках миметической памяти возникает обряд, она становится культурной памятью. Поскольку обряды представляют собой форму передачи культурного смысла, они относятся к культурной памяти. К этой памяти относятся и вещи, когда они отсылают нас не только к какой-то цели, но и к какому-то смыслу. Надгробия, памятники, храмы и другие подобные вещи не вмещаются в рамки предметной памяти, становясь элементами культурной памяти. Содержащийся в них неявный показатель времени и идентичности становится явным, когда они рассматриваются в рамках культурной памяти[33].

Рассматривая коллективную память в понимании М. Хальбвакса, Я. Ассман выделил четыре её формы, но его имя ассоциируется прежде всего с культурной памятью. То, что именно культурная память занимает центральное место в его исследованиях, связано прежде всего с двумя причинами. Во-первых, к ней могут быть сведены остальные формы коллективной памяти. Во-вторых,

[33] Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19-21.

культурная память связана с проблемой идентичности, которая является одной из ключевых социально-философских проблем современности.

Говоря о коммуникативной и культурной памяти, Я. Ассман использовал выражение «формы коллективной памяти о прошлом». Первая из этих форм памяти включает в себя воспоминания, связанные с недавним прошлым. Они разделяются человеком с его современниками, а их типичным случаем является память поколения. Возникая вместе со своими носителями, эта память и проходит вместе с ними, т. е. группа приобретает её исторически. Когда её носители умирают, она уходит в прошлое, а её место занимает новая память. Примерно через сорок лет взрослые очевидцы значимого события вступают в возраст, в котором всё большую роль играет воспоминание, а также возникает потребность в его передаче. То, что было живым воспоминанием, со временем будет передаваться только опосредовано[34].

Культурная память отличается от коммуникативной тем, что она направлена на определённые моменты в прошлом, которое, по словам Я. Ассмана, не сохраняется в ней как таковое, а сворачивается в символические фигуры. Для неё важна не фактическая история, а та, которая воссоздана в воспоминании. Реальная история преобразуется в ней в историю, которая воссоздана воспоминанием. Такую историю Я. Ассман сравнивает с мифом, представляющим собой историю, с помощью которой настоящее объясняют из его происхождения. В качестве примера он приводит описанный в Библии исход еврейского народа из египетского плена, который является мифом об основании Израиля. Этот миф принадлежит культурной памяти еврейского народа, хотя учёные, занимающиеся исследованием Библии, расходятся относительно степени его историчности. Согласно Я. Ассману, воспоминание превращает историю в миф, но не делает её нереальной, поскольку она приобретает нормативную и формирующую силу.

[34] Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 53.

Воскрешение в памяти воспоминаний о прошлом часто принимает форму праздника, который выполняет в обществе множество функций. Одной из этих функций является воскрешение в памяти обосновывающего прошлого, связанного с истоком или происхождением какого-то явления. Обосновывающее воспоминание имеет дело с мифами, ритуалами, танцами и другими объектами, имеющими как языковую, так и внеязыковую природу. Посредством обращения к прошлому обосновывается также идентичность социальной группы, которая является носителем культурной памяти. Таким образом, культурная память, констатирующая общность происхождения членов группы, является основанием для её идентификации как сплочённой общности[35].

Проблема идентичности остро стоит на самых разных уровнях существования общества – от индивидуального до макросоциального. Особую актуальность она приобретает для современного человека, поскольку нынешнее общество утратило устойчивые параметры социокультурной определённости, которыми обладало традиционное общество. Поэтому современный человек вынужден самостоятельно искать решение идентификационных проблем, которые прежде практически не вставали перед ним.

При описании идентификационных проблем используются понятия «идентичность» и «идентификация», которые близки по содержанию, хотя полностью и не совпадают. В самом общем смысле идентификация представляет собой глубинную потребность человека к уподоблению некоторому объекту, который становится объектом поклонения. Её содержанием являются поиски индивидом моделей повеления, которые давали бы ему возможность отождествить себя с образцом, признанным в той или иной среде. Принятие моделей поведения, принятых в такой среде, позволяет индивиду легче достигать своих целей, упрощает коммуникативные процессы в ней и т. д. Что касается идентичности, то она является прежде всего результатом социального взаимодействия, в процессе которого индивид смотрит на себя как на некоторый

[35] Макашева А.С. Культурная память: история изучения и основные концепции [электронный ресурс]. – URL: https://culture.wikireading.ru/82337?ysclid=lrupvkpzit681149223

объект, обладающий определёнными признаками. Таким образом, понятия идентификации и идентичности характеризуют процесс самоструктурирования личности под воздействием социального окружения, но если в первом из них отражается сам процесс связи индивида с социальной общностью, то во втором – его результат[36].

Я. Ассман определяет идентичность как осознание представления о себе, которое прежде было неосознанным. При этом своё определение идентичности он применяет как к индивидуальной, так и к коллективной жизни. Согласно Я. Ассману, человек является личностью только в той мере, в какой он сознаёт себя ею. Аналогичным образом социальная группа является племенем, народом или нацией только в той мере, в какой она сознаёт себя ими. Говоря о своём фундаментальном произведении, посвящённом культурной памяти, Я. Ассман отмечал, что в нём рассматривается связь между представлением о себе и социальной памятью. Согласно его пониманию, для общества характерно обращение к событиям прошлого с целью обоснования своего единства и своеобразия. Для своего самоопределения общество нуждается в прошлом, а национальная общность предполагает преемственность, уходящую вглубь веков[37].

Американский специалист Дэвид Лоуэнталь, который известен своими исследованиями исторического наследия, полагает, что люди обращаются к прошлому в интересах настоящего. По его мнению, до эпохи Просвещения философы полагали, что на протяжении всей человеческой истории не только природа человека, но и социальные обстоятельства оставались неизменными. Поэтому события прошлого объяснялись так же, как и события настоящего. Однако в последние несколько столетий наши представления об историческом сознании, а также роли причинности и случайности в истории кардинальным образом изменились. Главным направлением развития научной мысли стало

---

[36] Лошкарева-Имгрунт С.И. «Идентичность» и «идентификация»: семантические грани понятий // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 11. – С. 95.

[37] Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 142.

осознание того, что прошлое не похоже на настоящее, а жизнь людей в иные времена и в других местах отличалась от того, как живём мы. Его причины Д. Лоуэнталь сводит к трём группам событий: во-первых, рост числа печатных изданий, который позволяет сопоставлять тексты, относящиеся к разным временам; во-вторых, знакомство европейцев с обычаями других народов, подрывавшее убеждение в единообразии всего человечества; в-третьих, утрата веры в божественную хронологию и ускорение социальных перемен, сделавшие прошлое не только удалённым, но и абсолютно другим[38].

Согласно Д. Лоуэнталю, формами бытия прошлого являются память, история и реликвии, которые он образно называет путями прошлого. Память и история являются разными типами знания, которые различаются по своему отношению к нему. Большая часть прошлого, присутствующего в памяти индивида, является его достоянием, тогда как историческое знание предполагает групповую деятельность, т. е. носит коллективный характер. Кроме того, память подтверждает идентичность индивида, а история – идентичность социальной группы. Наконец, отличительным признаком исторического знания является его устойчивость. Большая часть воспоминаний погибает вместе с носителем памяти, тогда как историческое знание потенциально бессмертно. Что касается реликвий, то под ними имеются в виду артефакты прошлого, которые являются визуализацией воспоминаний и основанием для исторических исследований. Однако в любом случае знание о прошлом основывается на памяти, представляющей собой сохранение в голове человека импульсов, которые можно восстановить в его сознании[39].

Задаваясь вопросом о том, зачем потенциальные путешественники во времени стремятся в прошлое, Д. Лоуэнталь указывал пять основных мотивов: объяснение прошлого, поиски золотого века, наслаждение экзотикой,

---

[38] Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. – Спб.: Издательство «Русский Остров», 2004. – С. 4.

[39] Кособуцкая Н.Ю. Память, наследие и история в актуальной социокультурной среде: анализ концепции Д. Лоуэнталя // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16-18 марта 2017 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 439.

стремление воспользоваться плодами темпоральных замещений и ретроспективного знания, а также преобразование жизни путём изменения прошлого. Такими мотивами могут руководствоваться люди, мечтающие с помощью машины времени перенестись в прошлое (писатели-фантасты, сказочники, утописты и пр.). Но зачем нам нужно прошлое? Какими выгодами оно оборачивается для тех, кто думает не о вымышленном, а о реальном мире?

Выгоды, которые несёт с собой прошлое, не сводятся только к ностальгии, а включают в себя целый ряд положений, которые были сведены Д. Лоуэнталем к десяти пунктам: (1) узнаваемость (следы прошлого позволяют нам осмысливать настоящее, делая его узнаваемым); (2) подтверждение и удостоверение (прошлое подтверждает сходство наших нынешних установок и действий с прежними, придавая им тем самым законную силу); (3) идентичность (прошлое является неотъемлемым элементом чувства идентичности, которое придаёт смысл нашему существованию); (4) руководство (прошлое проявляет себя в тех уроках, которые оно нам преподносит); (5) обогащение (хорошее прошлое обогащает мир вокруг нас); (6) бегство (прошлое предлагает альтернативы неприемлемому для нас настоящему); (7) древность (прошлое ассоциируется с древностью, обладающей четырьмя свойствами – первенством, отдалённостью, изначальностью и примитивностью, первое и которых выражает стремление быть впереди других, второе – несравнимый с более поздними периодами статус, третье – интерес к корням, а четвёртое – невинность и чистоту по сравнению с более поздними подделками); (8) преемственность (присутствуя в настоящем, прошлое обогащает его); (9) завершённость (окончание прошлого придаёт ему дух завершённости, стабильности и постоянства, отсутствующий в настоящем); (10) последовательность (прошлое представляет собой отрезок времени, который можно делить на фрагменты с целью его объяснения).

Хотя прошлое несёт с собой несомненные выгоды, его излишнее почитание ставит под удар настоящее. Такое почитание Д. Лоуэнталь сравнивает с невротической привязанностью к ребячливости, которая мешает взрослому человеку участвовать в настоящем. Оно мешает проявлению творческого

внимания к настоящему, поскольку время, пространство, а также энергия и ресурсы человека ограничены[40].

Развивая свою концепцию прошлого, Д. Лоуэнталь опирается на авторитет ряда философских классиков, прежде всего Ф. Ницше, который выразил свою точку зрения в небольшом произведении под названием «О пользе и вреде истории для жизни». В предисловии к этому произведению утверждается, что история нужна нам для жизни и деятельности, а не для уклонения от них. Д. Лоуэнталь полагает, что следующие слова Ф. Ницше остаются классическим изречением, которое он даже называет заповедью: чрезмерное внимание к прошлому превращает человека в зрителя, творческие инстинкты которого нарушаются, а личность слабеет. Мы должны смотреть на себя как на наследников классического мира, усматривая в этом наше отличие. Но мы не должны смотреть на себя как на выцветших последышей этого мира, которые ведут жалкое существование его антикваров[41].

Исторические формы сохранения культурной памяти. Значение культурной памяти заключается в том, что она позволяет нам хранить и передавать исторический опыт, а также формировать коллективную память, коллективные стереотипы и личную идентичность. Поэтому проблема сохранения культурной памяти является одной из важнейших для любой нации, которая не только осуществляет связь со своим историческим прошлым, но и выстраивает для себя перспективы будущего развития. Особенно остро проблема сохранения культурной памяти стоит для России, в которой прошедший век был отмечен социальными катаклизмами, приведшими к гибели значительной части культурного наследия[42].

В дописьменной культуре возникли такие формы сохранения культурной памяти, как обряд и праздник. Под обрядом имеется в виду совокупность

---

[40] Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. – Спб.: Издательство «Русский Остров», 2004. – С. 124.

[41] Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч. в 2 т. Т. 1 / сост., редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна / пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – С. 209.

[42] Обдалова О.А., Левашкина З.Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 92.

действий стереотипного характера, обладающая символическим значением. Этот характер, предполагающий чередование действий в заданном порядке, отражает этимологию слова «обряд», которое первоначально означало «приведение чего-либо в порядок»[43].

Будучи традиционным действием человека, обряд нередко отождествляется с ритуалом. Так, в Большой российской энциклопедии мы читаем, что обряд (ритуал) представляет собой закреплённые в традиции символические действия, которые закреплены в традиции и сопровождают важные моменты жизни человека и коллектива[44]. А.К. Байбурин, который считается одним из крупнейших отечественных специалистов в области этнологии и антропологии, предупреждает читателей своей книги «Ритуал в традиционной культуре», что термины «обряд» и «ритуал» используются им как синонимичные, но предпочтение отдаётся второму как международному[45]. С другой стороны, в литературе предпринимались многочисленные попытки разграничить эти понятия.

Важнейшим условием существования любого общества является наличие коллективной памяти, организация, объём и другие параметры которой претерпевают существенные изменения по мере его развития. В обрядовой культуре не существовало системы, которая специально была бы предназначена для хранения и переработки информации. Элементам ландшафта, частям жилища, одежде и другим предметам, окружавшим человека, придавался знаковый характер. Вместе с мифами, терминами родства, музыкой и другими элементами культуры они обладали единым полем значений, совокупность которых давала целостную картину мира. Наиболее ценный для общества опыт закреплялся в тех фрагментах памяти, сохранность которых обеспечивалась с помощью обряда. Эти фрагменты, воспроизводимые в обряде, касались темы творения мира, установления систем родства и брачных отношений, а также

---

[43] Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. [электронный ресурс]. – URL: https://lexicography.online/etymology/shansky/

[44] Большая российская энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: https://old.bigenc.ru/

[45] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – С. 4.

других правил и схем, в неизменности которых виделся залог благополучия как отдельного человека, так и всего коллектива.

Обряд является символической формой поведения, в которой конструируется особого рода реальность. Эта реальность является двойником того, что было в первый раз и подтвердило свою целесообразность самим фактом продолжения жизни. При этом она рассматривается как подлинная реальность, поскольку только обряд даёт человеку возможность пережить то, чем он должен руководствоваться в своей жизни. Все явления, связанные с обрядом, приобретают некоторую двойственность, т. е. способность быть в нём не такими, какими они являются в обычной жизни. Эта двойственность обеспечивает человеку возможность переключиться с уровня повседневной жизни, связанного с заботами о его существовании в реальном мире, на уровень актуальных ценностей, которые высвечиваются в процессе совершения обряда. Таким образом, в традиционном обществе выделяются два уровня жизни человека, первый из которых связан с выполнением индивидуального или коллективного сценария того или иного обряда, а второй – с решением проблем, встающих перед ним в быту[46].

Выделяют обряды двух основных циклов – календарного и жизненного. Первые из них отмечают смену периодов года, внося прерывность и цикличность в течение времени. Главным календарным обрядом года является Новый год, который отмечает начало годового цикла. Что касается обрядов жизненного цикла, то они связаны с изменением социального статуса человека в течение всей его жизни, т. е. рождением, взрослением, вступлением в брак и смертью. В литературе их часто называют переходными или переломными, связывая с изменением социального статуса человека. Общим лейтмотивом обрядов жизненного цикла является символизация критических ситуаций в человеческой жизни, понимаемых как ситуации неопределённости, в которых человек сталкивается с невозможностью реализации своих жизненных потребностей.

[46] Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – С. 17.

Эти ситуации могут возникать в силу разных причин (стрессов, внутриличностных конфликтов, кризисов индивидуальной жизни и др.), но выход из них зависит от возможности человеческого мозга пережить их. Таким образом, обряды жизненного цикла представляют собой способ символизации значимых событий, выражающий ценности социальной группы и подготавливающий её членов к преодолению критических ситуаций[47].

Наряду с обрядом древнейшей формой сохранения культурной памяти является праздник, исследование которого было положено ещё античными философами. Так, Платон связывал праздник с воспитательным воздействием. Боги, полагал он, из сострадания к человеческому роду установили празднества, чтобы на них можно было исправлять недостатки воспитания. Роль праздника заключается в том, что он формирует преемственность поколений, нравственные и патриотические качества, а также эстетический вкус. В эпоху Средневековья праздники задавали ритм распорядку монастырской жизни на целый год, а их главная идея заключалась в освящении реальности. При этом каждый из них устанавливался для того, чтобы дать нам возможность в собственном опыте пережить стоящую за ним реальность. Считалось, что праздник является временем радости и благодушия. По мнению деятелей Просвещения, праздник способствует созданию крепких уз братства, а также является могущественным средством возрождения.

В истории гуманитарной мысли праздник понимался как обрядово-ритуальное действо, одна из форм манифестации сакрального, антитеза труду, отражение исторической действительности, вид особой деятельности, концентрация культуры и т. д. Поскольку в настоящее время единой трактовки понятия праздника не существует, в литературе встречается его предварительное и обобщенное определение. Это определение гласит, что праздник представляет собой особое иерархичное, цикличное, исторически эволюционирующее событие, которое происходит в особенной пространственно-временной зоне,

[47] Лепешкина Л.Ю. Обряды жизненного цикла как алгоритм преодоления критических ситуаций // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 1. – С. 101.

отличается массовостью с эмоционально-психологическим единением участников и имеет обрядово-ритуальную, игровую основу[48].

Праздник обладает идентификационным потенциалом, а также выполняет функцию фиксация и репрезентация культурной памяти народа. С его помощью, во-первых, формируется переработанный образ прошлого, а во-вторых, происходит воспроизводство содержания и трансляция смыслов культурной памяти. Праздники, которые не имеют опоры в культурной памяти, не получают общественного признания и не могут считаться праздниками в собственном смысле, включающем в себя не только внешнее оформление и традиции празднования, но и эмоциональное восприятие как социально значимых событий.

В жизни каждого человека особую роль играют социальные потребности, включающие в себя потребность в принятии другими людьми, социальные связи, общение, привязанность, заботу о других и внимание к себе, а также совместную деятельность. В иерархии потребностей А. Маслоу они находятся на третьем уровне, уступая по значимости только физиологическим потребностям и потребности в безопасности. Сам автор иерархической модели потребностей человека называет их потребностями в любви и принадлежности, которые появляются только тогда, когда физиологические потребности и потребности в безопасности удовлетворены в достаточной мере.

Согласно А. Маслоу, потребности в любви предполагают как потребность давать любовь, так и потребность получать её. Когда они не удовлетворены, человек остро переживает отсутствие друзей, партнёра или детей. Что касается потребности в принадлежности, то можно указать на губительное влияние, которые оказывают на детей слишком частые переезды. Кроме того, негативно действуют на людей следующие факторы: общее отсутствие стабильности, связанное с индустриализацией; отсутствие корней или пренебрежительное отношение к ним, а также к происхождению и к своей группе; оторванность от

[48] Кибалко В.В. Понятие «праздник». Анализ определений и их осмысление // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – Выпуск 4 (16). – С. 170.

дома, семьи, друзей и соседей; статус временного или вновь прибывшего жильца, а не коренного жителя. В результате своих исследований потребностей человека А. Маслоу приходит к выводу, что если общество хочет выжить и остаться здоровым, то оно должно тем или иным путём удовлетворять потребность в принадлежности[49].

Праздник возник и функционировал в разные периоды развития человеческого общества как одно из средств, направленных на самосохранение группы. Под самосохранением имеется в виду осознанное восприятие людьми своего сообщества, предполагающее обозначение его границ, а также сохранение его целостности, структуры и межличностных связей. Зарождение праздника представляет собой довольно долгий процесс, появлению которого способствовало не только наличие свободного времени и ритуалов, но и потребность в совместном общении членов группы. При этом осознание ими времени и принадлежности к группе, а также коммуникативные акты внутри неё приводят в конечном счёте к образованию праздника.

Будучи особым событием, праздники всегда служили средством консолидации социальной группы, а благодаря их регулярности осуществляется трансляция и обмен ценностями, которые значимы для неё. Основой такой консолидации служат чувства сопричастности и сопереживания, которые возникают в процессе обрядового оформления некоторого события, обозначенного обществом как значимое. Праздник позволяет самыми разным представителям общности почувствовать себя сопричастным ей, переживать и выражать своё согласие с событием и его оценкой, а также хранить память о нём, которое является существенным для сохранения целостности общности, выходя за рамки повседневности.

Как и любое явление, праздник обладает двумя характеристиками – сущностью и качеством. Сущность праздника заключается в объединении и сохранении коллектива, а качество – в коллективном действии, которое отличается от будничных действий. В своём фундаментальном труде «История»,

[49] Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2019. – С. 66.

написанном в 5 в. до н. э., Геродот отмечал, что наряду с расой и языком третьим фактором, который обусловливает чувство единства всех греков, являются общие праздники. Что касается психологического механизма, который способствует такому объединению, то им является коллективное внушение, воздействующее на психическое и физическое состояние членов группы.

Главной чертой праздника является чувство единения группы, которое проявляется во всех его составляющих, включающих в себя коллективную работу, коллективный отдых, коллективный танец, хоровое пение, совместную трапезу и пр. Активное участие, принимаемое индивидом в праздничных мероприятиях группы, способствует его успешной социализации и инкультурации. При этом социализация и инкультурация, осуществляемые посредством праздничного общения, способствуют объединению индивидов в языковые, национальные и другие группы, а также их дальнейшему сохранению и успешному функционированию[50].

Праздник является моментом более широкого образования, которое называют праздничной культурой. Будучи частью духовной культуры общества, праздничная культура включает в себя совокупность всех видов и форм праздников и праздничных традиций, обрядов и ритуалов, церемоний и обычаев, а также атрибутов и символов, отражающих быт и нравы, которые существуют и действуют в социуме в конкретно-исторических условиях при поступательном развитии общества. Со временем праздничная культура изменяется, однако её элементы сохраняют известную стабильность, хотя и испытывают воздействие процессов, происходящих в обществе. Из этих элементов одни довольно консервативны, а другие в той или иной степени подвержены воздействиям как внутреннего, так и внешнего характера. Праздничная культура ввязывает в единое целое многочисленные празднества, обряды и ритуалы, которые различаются по своему содержанию и идеологии. Её формирование, существование и развитие является длительным и сложным процессом, в

[50] Бурменская Д.Б. Праздник как средство самосохранения социальной группы: автореф. дис. … канд. филос. наук: спец. 09.00.11 / ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2011. – С. 16.

котором находят своё отражение политические, социально-экономические и культурные трансформации, происходящие в тот или иной исторический период[51].

В литературе выделяются различные концепции праздничной культуры, основные из которых представляют собой следующее: (1) эмпирико-описательная концепция, в которой с эстетической и социологической точек зрения проанализированы русские народные праздники; (2) мифологическая (или религиозно-обрядовая) концепция, указывающая на привязанность праздничных дней к переломным моментам природы и выявляющая самостоятельность праздника как явления духовной культуры; (3) трудовая концепция, считающая трудовую и общественную жизнь человека основным источником праздника; (4) рекреативная концепция, рассматривающая праздник как ответ на потребность человека в отдыхе; (5) школа заимствования как разновидность мифологической концепции, обращающая внимание на универсальные свойства праздника, которые одинаково присущи разным культурам и народам; (6) игровая концепция, трактующая праздник как проявление игры; (7) философско-культурная (или миросозерцательная) концепция, согласно которой праздник постоянно провозглашает связанный с ним изначально народный идеал жизни.

Праздничная культура является сферой общих смыслов, которая хранится и воспроизводится членами общества, особым образом передаваясь из поколения в поколение. При этом она конституирует не только социальность человека, но и континуальность самой общности. Если повседневная культура, распадающаяся на различные профессиональные, гендерные, поколенческие и другие сегменты, по своей сути центробежна, то праздничная культура центростремительна, выполняя важную функцию интеграции и консолидации общества[52].

---

[51] Майны Ш.Б., Майны Ш.Б, Чооду О.А. Традиционная праздничная культура: понятие и сущность // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 2 (38). – С. 60.

[52] Артюшкина В.В. Праздничная культура как способ репрезентации культурной памяти // Вестник МГУКИ. – 2017. – № 5 (79). – С. 143.

Благодаря регулярному повторению обрядов и праздников обеспечивается передача и распространение знания, которое закрепляет культурную идентичность. В дописьменной культуре время делится на повседневное и праздничное, во время которого, по словам Я. Ассмана, горизонт расширяется до истоков и великих перемен, приведших к сотворению мира. Поскольку обряды и мифы схватывают смысл реальности, их соблюдение и сохранение обеспечивают не только идентичность социальной группы, но и функционирование мироздания[53].

Возникнув в дописьменной культуре, обряд и праздник продолжают существование и в современном обществе, культура которого является не только письменной, но и информационной. Наряду с ними существуют и другие формы сохранения культурной памяти, основными из которых можно считать исследование и изучение культурных артефактов, сохранение и реставрацию исторических мест и памятников, передачу знаний и традиций с помощью образования, а также сохранение устной традиции и рассказов. Новые формы сохранения культурной памяти связаны с использованием интернета, социальных сетей и других современных технологий.

В антропологии, социологии, этнологии и других социальных дисциплинах используется термин «культурный артефакт», означающий любой предмет, который создан людьми и передаёт информацию о культуре как своих создателей, так и пользователей. Люди живут как в мире первой природы, так и в общественных условиях, которые насыщены созданиями человеческого разума и рук. Примерами таких созданий являются поселения, постройки, предприятия, учреждения, законодательство, научные и художественные произведения, а также политические, правовые, экономические и другие общественные отношения. К культурным артефактам относятся архитектура, искусство, литература, музыка и т. д. Изучая их, мы можем лучше понять историю, а также культуру наших предков.

---

[53] Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 60.

Сохранение и реставрация исторических мест, а также памятников старины позволяют нам беречь следы прошлого и передавать их будущим поколениям. Важную роль в сохранении культурной памяти играет также образование, учреждения которого должны уделять внимание изучению истории, культуры и национальных традиций, чтобы передавать знание о них будущим поколениям. Наконец, важными средствами передачи культурной памяти являются устная традиция и рассказы, поскольку семейные истории и легенды помогают нам лучше понимать и ценить нашу культуру, передавая её будущим поколениям.

Современная проблема культурного наследия требует инновационного рассмотрения в силу новых реалий, связанных с глобализацией и информатизацией. Всё более широкое распространение получают в настоящее время такие явления культурной жизни, как военно-исторические клубы, зоны тематического туризма, частные музеи, этнографические собрания и этнопарки, которые знакомят с историей страны или какого-либо её региона на принципах интерактивности. Под интерактивностью имеется в виду организация взаимодействия в какой-либо системе, основанная на обмене информацией всех её элементов.

Интерактивность является в настоящее время наиболее важной частью государственных праздников, современных музеев, художественных выставок и других культурных мероприятий. За несколько десятилетий существенным образом сменились важнейшие каналы передачи информации: на смену печатному тексту или устному рассказу пришли образ, яркая картинка, набор символов или динамическое действие и т. д. Внедрение интерактивности в различные сферы жизни общества идёт непросто, но постепенно она проникает в них. Речь идёт о социальных сетях, системах самозаписи куда-либо, кассах самообслуживания и т. д.[54]

[54] Никифорова А.А. Интерактивные формы сохранения культурной памяти (на примере исторической реконструкции в северо-западном регионе России) // Культура и искусство. – 2021. – № 3. – С. 38.

Проведение различных праздников, общественное обсуждение спорных исторических событий и другие мероприятия направлены на упрочнение связей с историческим прошлым, а также с культурными традициями и ценностями. С другой стороны, сложность реконструкции коллективной памяти в условиях информатизации заключается в том, что национальная память должна быть вписана в глобальную память человечества. Кроме того, такая реконструкция усложняется доступом к интерпретации различных исторических событий, который характерен для информационного общества.

1.2. Ценность культурной памяти и изменение её форм в постиндустриальном обществе

Специфика информационной культуры[55]. Прежде чем говорить о влиянии информационного общества на культурную память, необходимо выявить особенности его культуры. Информационное общество как социально-экономическая и культурная система стало объектом научного исследования уже в 60-е годы прошлого столетия, когда выявились основные черты новой эпохи, приходившей на смену промышленному обществу. В это же время в работах как американских, так и японских исследователей появился и термин «информационное общество». Основными признаками обозначаемого им общества были признаны особая роль знаний и связанных с ним технологий, доминирование в нём информации, уменьшение доли материального производства в пользу сферы услуг, а также значительное повышение качества жизни[56].

В результате перехода от индустриального к информационному обществу возникает информационная (или постиндустриальная) культура. Отличаясь во

[55] Некоторые положения данного параграфа относительно специфики культурной памяти в информационном обществе опубликованы в следующей статье соискателя: Вертий Ю.М. Проблема субъекта и сохранения культурной памяти в постиндустриальном обществе // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2024. – № 1 (52). – С. 19-30.

[56] Костина А.В. Культура информационного общества: тенденции и противоречия развития // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2009. № 3 (24). – С. 72.

многих отношениях от предыдущих форм культуры, она обладает рядом особенностей. Основными из этих особенностей информационной культуры являются информационная революция, глобализация, культура потребления, культура развлечений, а также индивидуализм и самовыражение.

Многие теории, объясняющие кардинальные изменения в экономической и социальной структуре наиболее развитых стран мира, основываются на положении о возрастании значения информации в жизни общества. При этом изменения инструментария, способа передачи и хранения информации, а также её объёма, который доступен активной части населения, стали называть информационной революцией. По мнению А.И. Ракитова, который считается одним из крупнейших отечественных специалистов в области информатизации общества, можно выделить пять информационных революций.

Первая информационная революция связана с появлением языка, вторая – с изобретением письменности, третья – с изобретением книгопечатания, которое сделало любую информацию продукцией массового потребления, а четвёртая – с применением аппаратов и приборов для массового распространения всех видов информации. Наконец, пятая информационная революция протекает в настоящее время буквально на наших глазах. Специалисты указывают на следующие её характерные черты: создание сверхскоростных персональных компьютеров и других вычислительных устройств, создание гигантских электронных баз данных, а также создание трансконтинентальных коммуникационных сетей[57].

Последняя информационная революция, которую А.И. Ракитов называет информационно-компьютерной, представляет собой процесс информатизации не только всех сфер жизни общества, но и жизнедеятельности человека. Технологической системой, лежащей в основе современной информационной революции, являются информационные технологии, применение которых в конечном счёте должно привести к созданию новой, информационной

[57] Лукиных Т.Н., Можаева Г.В. Информационные революции и их роль в развитии общества // Гуманитарная информатика. 2005. № 2. С. 6-7.

цивилизации. При этом радикальные изменения затронут все стороны жизни общества – материальное производство и мировоззрение, быт и образование, общение и искусство. Эти стороны жизни общества изменят не только свои внешние очертания, но и внутренние механизмы, т. е. содержание деятельности.

Информационная революция вырастает из технологических инноваций, но не сводится к ним. Её технологической составляющей является компьютерная революция, которая радикально изменяет все средства обработки, передачи и производства информации. Оказывая опосредствованное влияние на ход исторических событий, она постепенно меняет систему ценностей, мировоззрение и представления людей о самом человеке, смысле его бытия и предназначения. Поэтому философское размышление о компьютерной революции превращается в осмысление социально-исторической судьбы человечества, касающееся болевых точек индивида и общества, народов и стран, а также трансформации науки и техники[58].

Одной из важнейших тенденций развития цивилизации, которая оказывает влияние на все сферы жизни общества, является глобализация. Существует много её определений, обобщение которых позволяет выделить шесть присущих ей признаков: (1) повышение проницаемости межгосударственных перегородок; (2) возрастание трансгосударственных перетоков информации, капиталов, услуг и человеческих ресурсов; (3) распространение по всему миру западных стандартов; (4) усиление роли негосударственных регуляторов мировой экономики и международных отношений; (5) использование в различных странах мира моделей демократического государственного устройства; (6) увеличение возможностей личности для непосредственного приобщения к общемировым информационным процессам.

Ключевым термином, определяющим сущность глобализации, является «взаимозависимость». За этим термином кроются два явления – взаимосвязанность и взаимоуязвимость. Под взаимосвязанностью имеется в виду переток информации, капиталов, услуг и человеческих ресурсов из одних

[58] Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – С. 14.

стран в другие. Что касается взаимоуязвимости, то она означает зависимость состояния одних стран от тех процессов, которые протекают в других странах[59].

Глобализация представляет собой тенденцию развития современного общества, которая затрагивает его экономику, политику и культуру, но прежде всего информационно-коммуникационную сферу. Она также предполагает тенденцию к унификации мира, т. е. к жизни по единым принципам, приверженности единым ценностям, а также следованию единым обычаям и нормам поведения. Положительное значение глобализации заключается в том, что она способствует налаживанию культурных связей. Непосредственное влияние на культуру оказывает не глобализация сама по себе, а информационные технологии, компьютеризация и интернет-ресурсы. Переход в новое тысячелетие характеризовался невиданным прежде развитием средств коммуникации, позволяющим говорить о вступлении человечества в эру информационной культуры[60].

С другой стороны, глобализация социальных связей приобщает людей к эталонам других культур, выводя их за пределы своей культуры. Массовая культура приобретает всё более однородный характер, мало отличаясь в странах, которые принадлежат к различным цивилизациям. Тем самым создаётся почва для теории вестернизаци, нивелирующей культурные и исторические различия разных народов. Под вестернизацией имеется в виду перенос в незападные общества образа жизни, структур и технологий, которые характерны для западных обществ. Она начиналась с колонизации, в ходе которой западные ценности и структуры часто навязывались колонизируемым странам с помощью силы.

Завоевание Западом остального мира начали португальские мореплаватели, а после освобождения своей территории от мавров активное участие в нём стала принимать Испания. С середины 17 в. инициативу у неё

---

[59] Дробот Г.А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С. 107.

[60] Абдурахманова Е. А. Влияние глобализации на культуру. Казань: Молодой учёный, 2019. С. 902: URL: https://moluch.ru/conf/stud/archive/353/15462/

перехватила Англия, которая в течение двух столетий делила с Францией лидерство в колониальных завоеваниях. Западные страны знакомили завоёванные ими народы с достижениями своей культуры, но в большей степени они использовали их ресурсы. Вестернизация несла этим народам коренные изменения в экономике, политике, культуре и социальной сфере. Поскольку Запад не считался с отсутствием у них готовности к этим переменам, первоначальной реакцией на вестернизацию было сопротивление. В дальнейшем сопротивление сменилось попытками совместить западные ценности с особенностями традиционного пути развития, приведшими к различным результатам в Латинской Америке, Азии и Африке. Со второй половины прошлого столетия западные образцы насаждались в различных регионах не столько странами Запада, сколько Соединёнными Штатами Америки, а синонимом вестернизации стала по существу американизация, которой не избежали и европейские страны[61].

Вестернизация, проявляющаяся в уподоблении различных стран западному типу общественного развития, является довольно сложным явлением. Заимствование из других цивилизаций может оказаться необходимым для молодой нации, помогая ей выйти на более высокий уровень развития. Однако необходимо иметь в виду, что она не должна сопровождаться разрушением самобытности, ценностной системы и общественного сознания осуществляющего её народа[62].

В постиндустриальном обществе, превосходящем по выпуску товаров все предыдущие стадии общественного развития, благосостояние основано на высокоразвитом производстве, организация которого невозможна без быстрого и правильного использования информации. Если индустриальное общество определяется уровнем жизни, то постиндустриальное общество – качеством жизни, которое измеряется услугами и различными удобствами. Эти услуги и

---

[61] Вестернизация // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1 / под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2010. – С. 389.

[62] Тетюшкина С.А. Вестернизация как социокультурное явление // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 1. – С. 350.

удобства, относящиеся к сферам здравоохранения, образования, отдыха и культуры, становятся не только желанными, но и доступными для каждого. Материальная база постиндустриального общества создаёт условия для насыщения рынка товарами и услугами, способствуя увеличению интереса людей к нематериальным ценностям.

Особенностью культуры потребления в информационном обществе является то, что потребление товаров и услуг становится важной частью повседневной жизни людей. Большую роль в формировании предпочтений и поведения потребителей товаров и услуг играют реклама и маркетинг, под влиянием которых люди стремятся к приобретению новых вещей и модных брендов, а также к участию в различных потребительских мероприятиях. Появление новых технологий и развитие массовых коммуникаций привели к тому, что одной из самых важных и прибыльных отраслей народного хозяйства оказалась индустрия развлечений, которая становится всё более разнообразной и доступной для широкой аудитории. Основными формами развлечений, понимаемых как проведение досуга, являются телевидения, кино, музыка, видеоигры, спортивные мероприятия и др.

В индустриальную эпоху во всех производственных процессах доминировала трудовая деятельность, прежде всего физический труд. Поэтому в общественном сознании досуг воспринимался как что-то второстепенное, т. е. не имеющее серьёзного значения для карьеры человека, а также его профессионального роста и личностной самореализации. Его значение видели в функции восстановления сил, которые необходимы человеку для производительного труда. Постиндустриальное общество выдвинуло на первое место творческую составляющую человеческой деятельности, в которой физический труд отошёл на второй план. В большинстве развитых стран индустриальный сектор вследствие возрастающей технологизации производства теряет ведущую роль, а основной производительной силой становится наука. Поэтому потенциал развития постиндустриального общества всё в большей

степени определяется масштабами информации, которая имеется в его распоряжении.

Отношение к досугу в современном обществе отличается от его трактовки, принятой в индустриальную эпоху. Никто не отрицает его роль в восстановления сил, необходимых человеку для осуществления его трудовых функций. Однако социальная значимость досуга в постиндустриальном обществе не ограничивается только тем, что он выполняет эту роль. Она связана также с его способностью обеспечивать общий рост благосостояния человека, а также необходимый социальный контроль и экономическую эффективность[63].

Индивидуализм как особенность информационной культуры определяется обычно как мировоззрение, подчёркивающее индивидуальную свободу, а также первостепенное значение личности и её независимость в рамках конституционного правопорядка. Будучи противоположностью коллективизма, он противопоставляет себя теории и практике подавления личности со стороны общества или государства. Идеи индивидуализма высказывались Демокритом и софистами, а широкое распространение они получили благодаря Эпикуру, стоикам и скептикам. В эпоху Возрождения они служили основанием принципа гуманизма, согласно которому человек является высшей ценностью на земле. В Новое время индивидуализм служил выражением нарождавшихся капиталистических отношений, предполагающих свободу частного предпринимательства и принцип пользы как регулятор поведения человека. Оживление интереса к индивидуализму, характерное для прошлого столетия, было связано с усилением роли государства в регулировании общественных отношений, а также с развитием идей либерализма и начавшимся процессом глобализации в рамках информационного общества. В таком обществе, провозглашающем важными ценностями индивидуальные права и свободы человека, люди стремятся к самовыражению и удовлетворению своих потребностей, а также к развитию личности и творческого потенциала[64].

---

[63] Черников И.А. Социальная значимость досуга постиндустриальной эпохи // Культура и образование. – 2019. – № 4 (35). – С. 30.

[64] Олейник Ю.Н. Индивидуализм // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 185.

Проявлением индивидуальности человека является самовыражение, представляющее собой выражение им своего внутреннего мира в каких-то внешних проявлениях. При самовыражении через действия, слова, поступки и т. д. человека происходит внешняя актуализация невидимого внутреннего содержания, включающего в себя его собственные индивидуальные убеждения, чувства, установки и пр. Самовыражение является одним из самых доступных способов почувствовать себя свободным, выделившись из огромной толпы подобных себе индивидов и раскрыв заложенный в себе творческий потенциал.

В современном обществе существуют различные формы самовыражения личности, наиболее распространённые из которых представляют собой следующее: (1) самовыражение в творчестве (изобразительное искусство, музыка, литература и т. д.); (2) самовыражение в какой-либо деятельности (спорт, учёба, профессиональная деятельность, собственные проекты и т. д.); (3) внешнее средство самовыражения (одежда, причёски, татуировки и т. д.). Современная постиндустриальная культура предоставляет огромные возможности для самовыражения личности, которое должно быть направлено на её творческое развитие, а не на саморазрушение (например, с помощью алкоголя или наркотиков). Вообще самовыражение необходимо для взращивания индивидуальности, на базе которой строится личностный успех и движение к поставленной цели[65].

Понятие культурной памяти является продуктом 20 столетия, когда при анализе исторических событий и попытках реконструкции прошлого социологи, антропологи, демографы и другие представители социально-гуманитарного знания стали всё более широко использовать не только официальные хроники, но и неофициальные документы, нарративы, предметы повседневного быта и т. д. В 80-х годах стали говорить о нарративном повороте в науках о человеке и обществе, связанном с осознанием важности повествования в человеческой

[65] Цамцурова Д.Д., Титова Ю.В. Самовыражение как проявление индивидуаль-ности // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 5 (23). – С. 897.

жизни[66]. Новые возможности для формирования культурной памяти привнесла в нашу жизнь информационная эпоха, которая ассоциируется прежде всего с созданием социальных сетей. Бум социальных сетей пришёлся на первое десятилетие нынешнего века, когда в Соединённых Штатах Америки был запущен Facebook, а в России – «Одноклассники» и «ВКонтакте».

В доцифровую эпоху к субъектам культурной памяти относились, во-первых, государство, осуществлявшее свою политику в различных сферах жизни общества, во-вторых, средства массовой информации, которые ориентировались на широкие массы людей, и, в-третьих, отдельные люди национального или мирового уровня (политики, писатели, учёные и др.). Что касается миллионов простых людей, то они обменивались информацией по поводу тех или иных событий со своим непосредственным окружением, т. е. родными, знакомыми и т. д. Из них только единицы поднимались в социальной иерархии на такой уровень, который позволял им активно участвовать в формировании культурной памяти.

Применение цифровых технологий привело к тому, что в постиндустриальном обществе практически любой человек может оказывать влияние на формирование культурной памяти, т. е. быть её субъектом. Инструментом такого влияния служат социальные сети, представляющие собой интернет-площадки, которые предназначены для общения, обмена информацией и осуществления других социальных взаимодействий. Роль социальных сетей в современном обществе определяется выполняемыми ими функциями, важнейшие из которых представляют собой следующее: (1) информационная функция (обмен информацией различного характера), (2) коммуникативная функция (установление дружеских, деловых, профессиональных и иных контактов), (3) развлекательная функция (просмотр фильмов или телевизионных передач, прослушивание музыки, выбор компьютерных игр и т. д.), (4) идентификационная функция (варьирование участниками степени своей

[66] Обдалова О.А., Левашкина З.Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 333.

анонимности), (5) самоактуализирующая функция (реализация человеком некоторых своих качеств, которые могут не совпадать с его социальными ролями) и (6) социализирующая функция (создание у пользователей широкого круга общения)[67].

Воспоминания людей об одном и том же событии могут различаться, и чем их больше, тем сильнее они расходятся. В доцифровую эпоху круг лиц, с которыми люди делились своими воспоминаниями, был довольно ограничен. Однако в информационном обществе он значительно увеличивается: высказывая свои взгляды в социальных сетях, люди участвуют в формировании общественного мнения относительно того, как что-то происходило на самом деле.

Возрастание роли интернета в современном обществе, одним из проявлений которого является активное участие пользователей социальных сетей в формировании культурной памяти, делает актуальной проблему его упорядочения. Интернет является не только технологическим, но и социальным явлением, оказывающим огромное влияние на различные стороны жизни современного общества. Разрушая языковые барьеры и создавая новые формы самовыражения личности, он привносит в нашу жизнь новые модели социального взаимодействия. Но как социальный феномен, влияющий на формирование взглядов и представлений людей, интернет предполагает управление в отношении содержания выкладываемых материала, грамотности пользователей, имеющихся у них навыков использования цифровых технологий и пр.[68]

Культурную память можно рассматривать как некое хранилище информации, имеющее определённую структуру хранения и воспроизведения знаний, которая зависит от запросов различных социальных групп. Подчёркивая селективный характер культурной памяти, А. Ассман выделяет два её типа,

---

[67] Панченко И.М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. – 2018. – Т. 9. – № 2. – С. 91.

[68] Анисимова А.С. Интернет-отношения в современном обществе: проблема упорядочения // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. – 2016. – № 1 (30). – С. 61.

первый из которых получил название канона, а второй – архива. Под каноном имеется в виду та часть культурной памяти, которая отражает ценностные ориентиры, сформировавшиеся в обществе. Что касается архива, то он представляет собой другую часть культурной памяти, которая отражает сохранённые вещи и адресована профессиональным историкам, создающим объективную картину прошлого. Для иллюстрации своего понимания культурной памяти А. Ассман проводит аналогию с художественным музеем, который выполняет две основные функции – формирование эстетического чувства и создание исторического архива[69]. Будучи сложной символической системой, культурная память постоянно изменяется в силу недолговечности коммуникативной памяти и культурных кодов, а также семантических сдвигов. Отсюда следует, что она предполагает постоянное перепрочтение и интерпретацию.

Сохранение культурной памяти в информационном обществе. В информационном обществе в значительной степени разрушается монополия государства на управление сознанием своих граждан, которой оно обладало прежде. Опасность внешнего влияния на умы людей начинает осознаваться государством, которое с помощью своей культурной политики пытается уменьшить его степень. Эффективным способом противостояния различным интерпретациям исторических фактов является создание в национальных государствах произведений культуры, которые по своему качеству соответствуют современным технологиям. В противном случае может возникнуть серьёзный кризис национальной идентичности, а также значительная трансформация коллективной памяти[70].

Восприняв традиционные формы сохранения культурной памяти, информационное общество вырабатывает новые, связанные со спецификой его культуры, которая характеризуется динамикой, скоростью перемен,

---

[69] Андреева И.В. Документ как культурная форма и эпистемология музейности // Вестник культуры и искусств. – 2020. – № 2 (62). – С. 64.

[70] Стычинский М.С. Культурно-цивилизационные факторы трансформации коллективной памяти в информационном обществе // Век глобализации. – 2019. – № 4. – С. 106.

технологичностью, нигилизмом, глобализмом, постмодернизмом и т. д. Такими формами являются создание электронных каталогов и баз данных, интерактивность культурных мероприятий, исторические реконструкции и т. д.

Использование в современном обществе информационных технологий и компьютерных сетей оказало существенное влияние на справочно-поисковый аппарат, одним из основных элементов которого является система библиотечных каталогов. Развитие корпоративных библиотек, призванных обеспечить взаимопонимание между сотрудниками как показателя целостности коллектива и приверженности их единой информационной базе, сделало актуальным создание сводных электронных каталогов. Сводные электронные каталоги, а также каталоги на различных носителях стали получать широкое распространение с начала нынешнего столетия. Они служат не только целям получения полных и оперативных сведений о наличии и местонахождении документов в фондах библиотек, но и историко-книговедческим целям, т. е. выяснению происхождения экземпляра, раскрытию содержания документа и т.д.

Достоинством электронных сводных каталогов является гарантированное получение оперативной информации, поиск которой осуществляется в постоянно актуализируемых каталогах. Быстрота получения информации обеспечивается проведением поиска сразу по нескольким каталогам, а не последовательным переходом от одного каталога к другому. Важной особенностью электронных сводных каталогов является кумуляция информации о книгах, статьях из периодических изданий, картах, электронных ресурсах и других материалах[71].

Современное общество характеризуется увеличением количества людей, которые участвуют в создании глобального информационного пространства. Новшества в сфере технологий открывают новые возможности для творчества и коммуникации, которая становится важнейшим элементом современной культуры. Через различные виды искусства в культуру проникает

[71] Серебрякова Т.О., Стегаева А.М. Сводные электронные каталоги в условиях современных информационных технологий // Культура: теория и практика. – 2016. – № 2 (11). – С. 3.

интерактивность, представляющая собой возможность потребителей информации участвовать в её получении, а также оказывать влияние на сам процесс её создания и потребления. Термин «интерактивность» используется довольно широко, охватывая процессы от возможностей взаимодействия в обществе до особенностей коммуникации с помощью компьютера. К интерактивным явлениям относятся также компьютерные игры, возможность участия в телевизионных программах, электронная почта и т. д.

Интерактивность обеспечивает коммуникацию на нескольких уровнях, основными из которых являются (1) уровень хранения и обмена информацией (аудио, видео, графика), (2) уровень предоставления услуг (информационные порталы, интернет-магазины и пр.), (3) уровень взаимодействия человека с компьютером и (4) уровень общения в киберпространстве (социальные сети, чаты, электронная почта и т. д.). Киберпространство (или цифровая среда) представляет собой пространство функционирования продуктов информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют создавать системы взаимодействия агентов с целью получения, управления и обмена информацией, а также осуществления коммуникаций[72].

Как видно из определения киберпространства, важнейшей его характеристикой является возможность взаимодействия. Размещение, обмен и систематизация информации характеризует функциональное значение киберпространства, наряду с которым можно говорить о его социальной значимости. Находясь в киберпространстве, человек может почувствовать себя не зрителем, а соучастником культурных мероприятий. Интерактивные технологии подталкивают его к активности, проявляющейся в самостоятельном выборе и создании киберпространства вокруг себя, не руководствуясь только экономическими или идеологическими мотивами.

Цифровые медиа и технологии, характерные для современной культуры, существенным образом изменили способы участия в культурных событиях и

[72] Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. –2018. – Т. 24. № 1. – С. 59.

мероприятиях. В условиях, когда физическое присутствие ограничено, нормой стала виртуализация культурных событий. Так, многие музеи предоставляют возможность посещать их экспозиции онлайн, позволяя тем самым людям из разных уголков мира приобщаться достижениям культуры. Посредством стриминговых платформ, обеспечивающих потоковую трансляцию различных событий в режиме реального времени, музыканты и артисты могут проводить онлайн-концерты и выступления, позволяя аудитории наслаждаться музыкой и искусством из дома. Музыкальные и культурные фестивали могут переноситься в виртуальное пространство, а зрители участвуют в них, не покидая дома.

Распространению культурного контента служат онлайн-платформы, появление которых существенно изменило способы потребления и доступа к ценностям культуры. К ним относятся стриминговые сервисы, электронные книги и аудиокниги, а также онлайн-галереи и аукционы. Стриминговые сервисы предоставляют доступ к фильмам, сериалам и музыке юбых устройствах, имеющих доступ в интернет. С появлением электронных книг и аудиокниг люди могут не только читать, но и слушать литературные произведения в электронном формате. Наконец, коллекционеры и искусствоведы могут просматривать и покупать произведения искусства на онлайн-галереях и аукционах.

С развитием цифровых технологий возникают новые задачи, связанные с защитой культурного наследия и авторских прав. Во-первых, произведения искусства, музейные экспонаты, архивы и другие культурные артефакты становятся доступными в цифровом формате. Использование цифровых технологий открывает новые возможности по сохранению и исследованию культурных ценностей, но одновременно требует выработки эффективных мер, направленных на их хранение и защиту. Во-вторых, в интернете легко распространяется контент, появление которого может привести к нарушению авторских прав. Поэтому важной частью современной культурной индустрии становится разработка эффективных механизмов, обеспечивающих защиту и соблюдение авторских прав. В-третьих, в связи с применением цифровых технологий возникают этические вопросы, касающиеся использования

культурных образцов, ценностей и данных. Поэтому при создании и распространении контента большое внимание должно уделяться таким аспектам, как культурная чувствительность и этичность. Цифровые медиа преобразуют сферу культуры, предоставляя её субъектам новые возможности для творчества, а также ставя перед ними новые задачи. Поэтому деятельность в этой сфере должна способствовать обогащению культуры, не нарушая при этом авторские права и этические нормы.

В современном обществе всё более широкое распространение получают исторические реконструкции, которые помогают людям восстанавливать знания собственной культуры и не забывать свои традиции. Под исторической реконструкцией имеется в виду либо воссоздание материальной или духовной культуры определённой исторической эпохи и региона, либо воспроизведение того или иного исторического события. Благодаря историческим реконструкциям возрастает внимание к культурному наследию, появляются новые формы его актуализации, а также оригинальные методы воспитательной работы с детьми и молодёжью[73].

Феномен исторической реконструкции находится на стыке нескольких областей научного знания, к которым относятся прежде всего археология, история, культурология и социология. Говоря об исторической реконструкции, имеют в виду либо восстановление внешнего вида и структуры некоторого объекта, которое основывается на работе с сохранившимися материалами, либо деятельность, направленную на воссоздание различных исторических событий. В России движение исторической реконструкции представляет собой довольно молодое явление, толчком к появлению которого послужил фестиваль «День Бородина», проходивший в 1989 г. Этот фестиваль, проводившийся в память о событиях Отечественной войны 1812 г., стал впоследствии традиционным. Оживив историю наполеоновского нашествия, он привёл к возникновению и

[73] Е.В. Логвина Историческая реконструкция событий одна из форм событийного туризма // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6 (16). Вып. 2. – С. 206.

распространению военно-исторических клубов, которые стали специализироваться на воссоздании военного прошлого России.

Историческая реконструкция как культурный феномен современности представляет определённый интерес в научном отношении, поскольку она является малоизученным объектом исследования. Кроме научного интереса, она может привлечь внимание специалистов различных областей культурной деятельности. Так, историческая реконструкция всё шире используется в туристической деятельности, дав толчок развитию сравнительно нового её направления – событийного туризма, который ориентирован на посещение интересующего туристов места в определённое время, связанного с каким-либо событием в жизни отдельного сообщества или общества в целом. Наконец, она может помочь в решении проблемы сохранения культурного и исторического наследия. Историческая реконструкция может служить средством оживления исторической памяти, сбережения культурных наработок, а также привлечения внимания представителей власти и широкой общественности к решению самой задачи сохранения культурного наследия[74].

Используя информационные технологии, современное общество выработало новые формы сохранения культурной памяти. С другой стороны, сохранение культурной памяти в современном информационном обществе связано с рядом трудностей. К этим трудностям можно отнести перетолкование художественных произведений, возможность не только сохранить, но и потерять культурную память, влияние политических пертурбаций на культурную память и др.

В современной культуре широкое распространение получили ремейки, представляющие собой выпуск новых версий существующих произведений, в которые вносятся некоторые видоизменения и добавления. Чаще всего они встречаются в кинематографе, но их можно найти также в литературе, музыке, компьютерных и видеоиграх и т. д. Термину «ремейк» (англ. «переделка»)

[74] Демина А.В. Движение исторической реконструкции: пути и решения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 47.

близок по смыслу термин «ремастер» (англ. «обновление»), означающий переиздание созданного ранее произведения, который по своему качеству превосходит оригинал.

В кинематографе ремейками называют фильмы, за основу которых взяты снятые раньше оригинальные фильмы. Так, классический вестерн «Великолепная семёрка», снятый Джоном Стёрджесом в 1960 г., является ремейком эпической кинодрамы «Семь самураев», который считают одним из самых значительных японских фильмов в истории кино. Этот фильм, снятый Акиро Куросавой в 1954 г., породил огромное количество ремейков и подражаний, одним из которых стала «Великолепная пятёрка».

В литературе под ремейком подразумевается переосмысление классического произведения, имеющее своим результатом новый текст, который повторяет сюжет классического. По мнению многих специалистов, современная литература переживает взрыв ремейков. При этом ремейк как приём художественной реконструкции классических сюжетов занял важное место в постмодернистской парадигме, одним из основных принципов которой является отказ от идеи единого исторического и культурного нарратива. Понятие ремейка, сформировавшееся в конце прошлого столетия, включает в себя представление о том, что любой текст порождает другие тексты путём переработки оригинала. Его содержанием является обновлённый, а часто и улучшенный вариант литературного произведения, в основу которого положен известный текст. Повторяя сюжетные ходы и типы характеров оригинала, ремейк в то же время наполняет его новым содержанием[75].

На рубеже 20-21 вв. в литературе появился термин «ретеллинг» (англ. «пересказ»), под которым стали понимать адаптацию известной уже истории или сюжета. По существу он обозначает то же самое, что и ремейк, только в литературе. При написании ретеллинга обычно руководствуются следующими правилами: (1) чтобы история была узнаваема читателем, ретеллинг должен

[75] Сиривля М.А. Художественное и языковое оформление литературного ремейка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-1 (77). – С. 37.

ориентироваться на известный классический образец; (2) ретеллинг не просто пересказывает известный сюжет, а привносит в него какие-то новые мысли; (3) главным героем ретеллинга может стать второстепенный персонаж оригинального текста; (4) по сравнению с оригиналом в ретеллинге возможна смена времени и места действия; (5) в ретеллинге часто происходит смена жанра, в котором был написан оригинальный текст[76].

Хотя термин «ретеллинг» появился сравнительно недавно, обозначаемый им феномен не является в культуре абсолютно новым. Так, ещё Гомер писал свои поэмы «Илиада» и «Одиссея» на основе древнегреческих мифов. Биография легендарного алхимика, астролога и мага Иоганна Георга Фауста, известная со времён Реформации, послужила основой для ряда произведений европейской литературы, наиболее известным из которых является трагедия И.В. Гёте «Фауст». Легенда о Дон Жуане, имя которого, подобно именам Ловеласа и Казановы, стало нарицательным обозначением повесы и распутника, лежит в основе произведений многих писателей 17-20 вв. Первым из этих писателей, оставивших нам художественные образы Дон Жуана, был испанский драматург Тирсо де Молина, который в 1630 г. опубликовал свою пьесу «Севильский озорник, или Каменный гость». Легенду о Дон Жуане положили в основу своих произведений Мольер, Э.Т.А. Гофман, Дж.Г. Байрон и другие европейские авторы, а из отечественных писателей первым обратился к ней А.С. Пушкин, включивший в цикл «Маленькие трагедии» свою пьесу «Каменный гость», которая была написана им под впечатлением от оперы В.А. Моцарта «Дон Жуан, или Наказанный развратник». Прочитав сказки А.С. Пушкина, П.П. Ершов задумал свою сказку «Конёк-Горбунок», в которой имеется ряд параллелей с русской народной сказкой «Сивка-бурка».

Современная культура предлагает читателю множество жанров, в которых он может выступить в качестве соавтора, давая свою трактовку того или иного

[76] Яншина Д.И. К вопросу о терминах «римейк» и «ретеллинг» // Язык текущего момента. Материалы VI межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием (Москва, 2023) / отв. ред. Е.М. Королевская. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2023. – С. 383-384.

произведения. Одним из этих жанров является ретеллинг, который в настоящее время оказался довольно популярным. Он представляет собой попытку автора по-новому взглянуть на старый текст, став причастным к известной истории. Читателю ретеллинг даёт возможность проследить развитие сюжетных линий, которые в старом тексте были развёрнуты недостаточным образом или вообще только обозначены. Он не содержит ни просветительских, ни воспитательных идей, а выполняет развлекательную функцию, мотивируя человека к чтению. Хотя ретеллинг является продуктом вторичной культуры, к нему активно обращаются и авторы литературных произведений, и их читатели[77].

Немецкий философ Х.Г. Гадамер, которого считаю основоположником философской герменевтики, говорил о неразрывной связи понимания с интерпретацией, представляющей собой процесс внесения смыслов в понимаемый текст. Он подчёркивал культурно-историческую обусловленность понимания, которая выражается в наличии определённых предпосылок и предрасположенностей к нему. Согласно Х.Г. Гадамеру, необходимым условием любого понимания является предпонимание, т. е. предварительное понимание чего-либо. Сознание, которое полностью очищено от него, ничего не сможет понять. Принципом понимания текста является герменевтический круг, понятие которого было введено ещё Ф. Шлейермахером – немецким протестантским философом 17-18 вв., в сферу научных интересов которого входила теория перевода. У Х.Г. Гадамера он сводится к тому, что текст понимается на основе предпонимания, которое в свою очередь может пересматриваться в процессе понимания текста. Понимание представляет собой причастность субъекта к традициям, транслирующим смыслы последующим поколениям. Его следует рассматривать не как действие субъекта, а как включение его в свершение предания, в котором постоянно происходит опосредование прошлого и настоящего[78].

---

[77] Лукьянова И.Г. «Золушка» Мариссы Мейер как роман ретеллинг // Universum: филология и искусствоведение. – 2023. – № 8 (110). – С. 21.

[78] Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М: Прогресс, 1988. – С. 319.

Х.Г. Гадамеру по существу вторил итальянский философ и учёный У. Эко, создавший концепцию открытого произведения, в которой нашла отражения идея множественности интерпретаций. Согласно этой концепции, открытость художественного произведения выражается в бесконечном числе его возможных прочтений. По мнению У. Эко, каждое из этих прочтений вдыхает в произведение новую жизнь. Никакое произведение искусства не является на самом деле закрытым, поскольку в своей внешней завершённости оно содержит бесконечное множество прочтений.

Создавая произведение искусства, автор желает, чтобы задуманную им первоначальную форму мог постичь любой человек, который воспринимает его. В то же время любой человек, воспринимающий произведение искусства, привносит в него определённую культуру, вкусы, личные предубеждения и т. д. Поэтому постижение изначальной формы, говорит У. Эко, совершается в определённой индивидуальной перспективе. В сущности художественная форма оказывается эстетически значимой только тогда, когда её можно рассматривать в различных перспективах. При этом она не перестаёт быть самой собой, обнаруживая большое богатство аспектов. Будучи первоначально завершённым и замкнутым в своём совершенстве, произведение искусства является в то же время открытым, предоставляющим возможность толковать себя на тысячи ладов, но не утрачивающим при этом своего своеобразия. Таким образом, резюмирует У. Эко, всякое восприятие художественного произведения является его истолкованием и исполнением, поскольку в нём оно оживает в своей индивидуальной перспективе[79].

Ещё одна трудность, с которой сталкивается современное общество при сохранении культурной памяти, заключается в возможности её частичной потери. На сегодняшний день самым полным хранилищем информации является интернет, а электронные библиотеки, представляющие собой упорядоченные собрания электронных документов, получают всё большее распространение.

[79] Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределённость в современной поэтике. – СПб.: Академический проект, 2004. – С. 27.

Электронные библиотеки, которые могут быть как тематическими, так и универсальными, располагают собственными серверами для хранения информации или пользуются сторонними серверами. Многообразие предоставляемых данных, а также многофункциональность их хранилищ делают интернет не только самым полным, но и самым лучшим универсальным архивом, существующим в современном обществе[80].

Обладая несомненными достоинствами, электронные средства хранения культурной памяти оказываются довольно уязвимыми, поскольку они питаются от внешних источников электроэнергии. Их уязвимость может быть связана с различными нарушениями, а также искажениями формы питающего напряжения. Примерами нарушений, поступающих из энергосистемы, являются грозовые импульсы, коммутационные перенапряжения, переключения потребителей на другие источники питания и пр.

Одной из острейших проблем современного общества являются национально-освободительные, оборонительные, захватнические, религиозные и другие непрекращающиеся войны. Их жертвами становятся миллионы человеческих жизней, поломанных судеб и страданий безвинных людей. Кроме того, современный мир всё чаще потрясают известия о террористических актах. Фундаменталистские религиозные движения, которые руководствуются идеями, не имеющими ничего общего с общечеловеческими ценностями, ведут локальные войны, порабощая и уничтожая мирное население. Они пытаются вернуть цивилизацию в эпоху дикости и варварства, провоцируя бесконечные войны и религиозные конфликты.

Хотя гибель и страдания людей сами по себе ужасны, моральный аспект войн, революций, переворотов и других социальных потрясений не сводится только к ним, а касается также потери культурных ценностей. Эти потрясения разрушали культурный слой цивилизации, хотя масштабы его разрушения в

[80] Пестова А.В. Интернет как «архив» культурной памяти // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых учёных (XI Колосницынские чтения). 2016. – Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 142.

разные периоды истории были неодинаковыми. Во времена античности обыденным делом считался захват предметов искусства в качестве трофеев, но памятники культуры обычно не уничтожались. С другой стороны, в религиозных войнах задачей воюющих было уничтожение предметов культуры противника. Так, в 1215 г. во время монгольско-цзиньской войны Чингисхан не только разграбил Пекин, но и сжёг его[81].

Во время Великой Отечественной войны немецкие фашисты превращали в руины древние русские города, а наш народ навсегда потерял важнейшие памятники своей культуры. Однако в 21 в. мы снова сталкиваемся со средневековым варварством, жертвами которого становятся не только люди, но и культурные ценности. Вопиющим примером такого варварства является взрыв террористами Триумфальной арки, построенной в Пальмире во 2 в. до н. э. и считавшейся визитной карточкой Сирии. Таким образом, негативное влияние на культурную память могут оказывать политические пертурбации, представляющие собой внезапное нарушение обычного хода событий, которое имеет место во время войн, революций, переворотов и других социальных потрясений.

Культурная память и политика. Деятельность государства, направленную на планирование, проектирование, реализацию и обеспечение культурной жизни общества, называют культурной политикой. В докладе «Политика в сфере культуры – предварительные соображения», подготовленном экспертами ЮНЕСКО в 1967 г., она определяется как комплекс операциональных принципов, а также административных и финансовых видов деятельности и процедур, составляющих основу действий государства в области культуры. Реализация культурной политики понимается в этом докладе как совокупность действий, направленных на достижение определённых целей посредством использования всех духовных и физических ресурсов, которыми в данный момент располагает общество. Условием разработки политики в сфере культуры

[81] Торосян В.Г., Пальцева И.В. Культурные ценности в условиях социальных потрясений // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 2 (65). – С. 49.

является достижение согласия между официальными структурами, творческими союзами и общественными организациями относительно основных целей культурного развития общества[82].

Среди направлений, на которые направлена культурная политика, выделяют шесть основных. Ими являются (1) сохранение культурного наследия, (2) распространение культурного продукта, (3) творчество, (4) исследование, (5) подготовка персонала и (6) образование. Достижение целей культурной политики предполагает использование государством специальных инструментов, к которым относятся распределение грантов и премий для деятелей культуры, создание рабочих мест для обеспечения занятости работников культуры, создание культурной инфраструктуры, включающей в себя здания, оборудование и пространство для осуществления культурной деятельности, а также формирование законодательной и нормативной базы, регулирующей деятельность учреждений культуры и искусства.

Культурная политика имеет сложную структуру, которую можно представить следующим образом: (1) система поиска, охраны, реставрации, накопления и сохранения, а также защиты от незаконного вывоза предметов культурного наследия; (2) система государственной и общественной поддержки художественной жизни в стране; (3) система разнообразных форм организованного досуга людей; (4) популяризация культурных ценностей в средствах массовой информации; (5) международное культурное сотрудничество. Основными органами, которые планируют и принимают решения по направлениям культурной политики, являются структуры государственной власти, а основными органами, занимающимися её реализацией, являются культурные институты. Так, вопросами сохранения культурного наследия занимаются архивы, библиотеки, музеи, историко-культурные заповедники и другие культурные институты, привязанные функционально к соответствующему направлению культурной политики.

[82] Востряков Л.Е. Культурная политика: основные концепции и модели // Экология культуры. Информационный бюллетень. – Архангельск, 2004. – № 1. – С. 80.

Вопросами развития художественной деятельности занимаются творческие союзы, художественные мастерские, киностудии, театры, цирки, книжные издательства, художественные учебные заведения и другие культурные институты, хотя не все они находятся в ведении министерства культуры. Досуговой работой занимаются различные клубы и кружки, а также просветительские общества и туристические организации. Наконец, важную роль в развитии культурной политики играют заведения культуры и искусства в сфере науки и образования. Решая свои ведомственные задачи, все культурные институты вносят вклад в выполнение основной функции государственной культурной политики. Эта функция заключается в трансляции социального опыта, воплощённого в объектах культурного наследия[83].

Для понимания культуры важным является понятие ценности, благодаря которому оказывается возможным отличить культурные феномены от явлений природы. Ценность феноменов культуры заключается в том, что они направлены на совершенствование человека, а также на сохранение, поддержку и развитие в нём человечности. Благодаря своим свойствам они способны приносить благо как отдельному человеку, так и человечеству в целом[84].

Поскольку между понятиями культуры и ценности существует тесная связь, одним из важнейших направлений культурной политики является проблема сохранения и воспроизводства культурных ценностей. Вообще содержание культуры не исчерпывается культурой быта, труда, поведения и другими культурными практиками повседневности, которые существуют в настоящее время. Огромное количество культурных ценностей содержится в старых знаниях и умениях, которые как бы отложены, но не стёрты в ходе прогрессивного развития общества. Эти ценности, лежащие в основе современного развития культуры, в случае необходимости извлекаются из забытья.

---

[83] Лавринова Н.Н. Культурная политика // Аналитика культурологии. – 2010. – № 2 (17). – С. 280.
[84] Бенгардт Д.В. О сущности и ценности культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 82.

Таким образом, пространство культуры можно определить как пространство общей памяти, в рамках которого могут сохраняться и быть актуализированы некоторые культурные ценности. Согласно терминологической традиции, восходящей к исследованиям Я. Ассмана и получившей широкое распространение в современной науке, это пространство называют культурной памятью. Поэтому одним из объектов, на которые оказывает воздействие культурная политика, является культурная память[85].

Культурная память представляет собой особую форму передачи и актуализации культурных смыслов, которая выходит за рамки опыта отдельных людей или их групп. Будучи символической формой такой передачи, она выражается в различных мемориальных знаках, к которым относятся памятные места и даты, а также письменные, монументальные и другие памятники. Культурная память передаётся из поколения в поколение, удерживая лишь то прошлое, которое является наиболее значимым, и отторгая то, которое лишено ценности. Она является не простым набором разрознённых фактов, соединённых хронологически или в соответствии с какой-то идеей, а динамическим процессом, в котором знание неразрывно связано с пониманием. Носителями культурной памяти являются социальные группы, которым она даёт ощущение единства и собственной неповторимости, т. е. служит для них условием самоидентификации.

Благодаря культурной памяти происходит структурирование исторического прошлого социальной группы, в результате которого сплошной поток событий превращается в последовательность образов, обладающих смыслом и выражающих фундаментальные ценности её культуры. Культурная память воплощается в различных текстах, праздниках, исторических памятниках, музейных комплексах и т. д. Как уже отмечалось, культурная политика имеет сложную структуру, одним из элементов которой является

[85] Мокроусова Е.А. Культурная память как объект воздействия культурной политики // Социально-гуманитарная экспертиза: анализ культурных стратегий развития территории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24 апреля 2013 г.). – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2013. – С. 124.

система государственной и общественной поддержки художественной жизни в стране. Функционирование этой системы предполагает, в частности, содействие государством созданию, демонстрации и реализации художественных произведений, а также их закупкам музеями и частными коллекционерами.

Поддержка музеев и других культурных объектов является одним из направлений политики государства в сфере культуры, однако представления о её содержании могут различать у специалистов в области музейного дела и представителей властных структур. Последние рассматривают многие объекты культурного наследия как материальные артефакты, управление которыми сводится к поддержанию их в целостности и сохранности. Так, культурная политика в области музейного дела не сводится к пониманию того, что для музея необходимо здание, удовлетворяющее всем современным требованиям. Она также предполагает понимание того, что создание музейной экспозиции является сложным творческим процессом. Этот процесс требует, с одной стороны, основательного знакомства с предшествующей культуры, а с другой – глубокого понимания интересов и потребностей современных людей, на которых ориентируются создатели музея.

Вопреки распространённому представлению, музейные экспонаты сами о себе ничего не говорят. Культурная политика государства должна быть направлена на то, чтобы связанные ними фрагменты культуры оказались актуализированными в пространстве культурной памяти. Необходимым условием воспроизводства культурных ценностей является оживление культурных смыслов на уровне воспоминаний, текстов, языка и т. д. Они должны постоянно артикулироваться, а не просто храниться в музеях. Как форма трансляции и актуализации культурных смыслов, культурная память управляет человеческим взаимодействием внутри социальной группы, а также общества в целом. Будучи формализованной, она нуждается в заучивании и повторении. Культурная память воплощается в монументах, выставках и других

материальных объектах, удерживая наиболее значимое из культурного прошлого людей и укрепляя ощущение их единства[86].

В терминах культурной памяти определяется понятие культурно-исторической памяти, означающее память поколений. В книге «Событие в истории, памяти и нарративах идентичности», изданной под редакцией Л.П. Репиной, культурно-историческая память понимается как совокупность знаний и массовых представлений об общем прошлом. Начало рассмотрения памяти в контексте культуры относится к первой половине прошлого столетия, но только в его конце оказалась действительно востребованной идея М. Хальбвакса о социальном конструировании образа прошлого. Эта идея дала толчок к созданию различных теорий памяти, а также совершению мемориального поворота в исторических и других гуманитарных науках[87].

Во второй половине прошлого столетия история как область знания столкнулась с социологическим, антропологическим, лингвистическим и другими поворотами, каждый из которых выражался в изменении исследовательской проблематики, используемых источников и инструментария, а также связей с другими научными дисциплинами. Кроме того, появление каждого нового поворота сопровождалось переосмыслением исследовательской проблематики, круга используемых источников и инструментария, роли историка в познании прошлого, а также способов трансляции исторического знания. Среди методологических поворотов в истории, которые кардинальным образом изменили её облик, часто выделяют мемориальный поворот, произошедший в конце 20 – начале 21 в. Сущность этого поворота (называемого также мемориальной парадигмой) заключается в том, что предметом исторического исследования оказывается не столько событие прошлого, сколько память о нём, которая сохраняется в общественном сознании.

---

[86] Мокроусова Е.А. Культурная память как объект воздействия культурной политики // Социально-гуманитарная экспертиза: анализ культурных стратегий развития территории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24 апреля 2013 г.). – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2013. – С. 126.

[87] Событие в истории, памяти и нарративах идентивности / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2017. – С. 7.

Мировые войны, невиданное массовое насилие, утрата привычной идентичности и другие события прошлого столетия привели к тому, что тема культурной памяти стала на рубеже веков крайне актуальной. Мемориальный поворот, который мы наблюдаем в настоящее время, вызревал в недрах европейской культуры в течение всего этого столетия. При этом его можно рассматривать не только как новую тенденцию в развитии истории и других гуманитарных наук, а как показатель тех изменений, которые произошли в самом обществе в последние несколько десятилетий. Французский истории Пьер Нора, известный как продолжатель исследований Мориса Хальбвакса, назвал эти десятилетия всемирным торжеством памяти. Что касается современной России, то исследования проблем культурно-исторической памяти оказались актуальными для неё в силу неоднократных ревизий прошлого, предпринимавшихся в ней с 1917 года, а также попыток сформировать новый вариант общего прошлого. В настоящее время эти проблемы находятся в центре острых дискуссий, которые развернулись в средствах массовой информации и интернете[88].

Хотя в структуре культурно-исторической памяти важное место отводится знанию истории собственного государства, она не сводится только к нему. Культурно-историческая память проявляется также в осмыслении значения исторических событий, осознании роли государства в истории и современном мире, а также в понимании ценности российской культуры и стремлении к её сохранению. Она формирует ощущение сопричастности к прошлому, настоящему и будущему своей страны, позволяя воспринимать её судьбу как свою собственную.

В разные периоды отечественной истории культурно-историческая память существовала в рамках нескольких мировоззренческих парадигм: (1) религиозно-монархическая парадигма (самоидентификация личности посредством идей православия и государственности), (2) революционно-

[88] Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 61.

трансформационная парадигма (поиски альтернативных путей развития общества), (3) антропологическая парадигма (самоопределение личности посредством гражданских и духовно-нравственных ценностей) и (4) рационально-материалистическая парадигма (деятельностный подход к окружающей действительности). Социальные противоречия, манипуляции исторической памятью, а также разрушение традиционной системы ценностей и национальных идеалов препятствуют гражданской консолидации современного общества, переживающего период коренных преобразований. В условиях информационных войн, экономических противоречий и геополитической нестабильности основой национальной идентичности современного общества является культурно-историческая память[89].

В Основах государственной культурной политики, принятых в 2014 г., культура впервые возводится в ранг национальных приоритетов, гарантирующих сохранение единого культурного пространства и территориальной целостности России. Поддерживая российскую культуру, государство сохраняет идентичность своих граждан. Однако поддержка культуры предполагает не только её развитие, но и защиту от различных угроз. Стратегическим национальным приоритетом, определённым Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (2021 г.), является защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Итак, объектом первостепенной защиты является система традиционных общенациональных ценностей. Первостепенность её защиты определяется тем, что от неё производны российская самобытность, общероссийская культурная и гражданская идентичность, культурная преемственность и историческая память, а также культурный суверенитет страны, который обеспечивает пространство безопасности в области культуры. Что касается основных угроз, отмеченных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, то к ним относятся угроза утраты

[89] Фролова С.В., Аксенова С.И. Категории гражданской идентичности и культурно-исторической памяти в историко-педагогическом дискурсе // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2023. – № 4(87) [электронный ресурс]. – URL: www.grani.vspu.ru

национальной и культурной идентичности российских граждан, угроза утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов, угроза утраты культурного суверенитета, угроза распада общества и др.[90]

Единицами памяти являются образы, с помощью которых происходит осмысление настоящего. С другой стороны, попадая в новый контекст, они неизбежно трансформируются. Особенность памяти заключается в том, что она является избирательной, т. е. обусловлена интересом и ценностными установками её субъекта. В памяти остаются наиболее значимые события, интерпретация которых зависит от этих установок. Переходя из поколения в поколение, образы памяти подвергаются воздействию со стороны исторической критики, общественного мнения и т. д., в результате которого они реконструируются. Таким образом, хранителем прошлого является настоящее, но в нём актуализируется не всё прошлое, а только то, которое отвечает нынешним потребностям общества.

Хотя прошлое нельзя вырвать из исторического контекста, его можно реконструировать с определённых позиций. Вообще модификация прошлого, протекающая под воздействием постепенно меняющейся традиции, со временем оказывается неизбежной. Таким образом, посредством настоящего происходит трансформация прошлого, которое, в свою очередь, является средством утверждения настоящего. Что касается традиции, то она стирает временную границу между прошлым и его трансформацией в настоящем. В результате возникает иллюзия вневременности, при которой прошлое не воспринимается как что-то другое.

Посредством изображений, речи, ритуалов и других средств как вербального, так и невербального характера происходит актуализация памяти, имеющая своей целью воскрешение исчезающих стереотипов мышления, или, как говорил М. Хальбвакс, совокупностей образов, к которым люди чаще всего

[90] Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. – М.: Институт Наследия, 2023. – С. 7.

обращаются. Актуализация памяти типична для переломных периодов в развитии общества, когда речь идёт о его дальнейшем существовании или когда оно находится в состоянии раскола, вызванного противоборством двух непримиримых лагерей. В такие периоды перед обществом стоит задача консолидироваться перед лицом нависшей угрозы, и решить её помогает обращение к культурно-исторической памяти.

Формой культурно-исторической памяти, которая консолидирует общество, считаются государственные награды. Указывая на наиболее значимые события в жизни страны, они выступают хранителями материальных и духовных образов, связанных с идеей процветания государства. Ещё при Петре I в России стали учреждать медали, связанные с конкретными историческими событиями. Их названия говорили сами за себя: «За Полтавскую баталию», «За победу под Лесной», «За строительство гавани в Таганроге» и т. д. Со временем государственные награды стали носить более общий характер: «В знак монаршего благоволения», «За храбрость», «За успехи в науках» и т. д.

Наградная система России имела свои особенности, которая сближала её со странами Востока. До Петра I награждения не оформлялись официально, а осуществлялись по решению государя. Наградами могли служить золотая или серебряная посуда, а также шубы, табакерки, почётное оружие и пр. Лица незнатного происхождения награждались золотыми монетами с именем государя, которые надлежало носить на шее. Такие монеты были прообразами медалей, которыми впоследствии награждались все участники битвы, завершившейся победой. Однако подарки и медали существенным образом отличались от орденов, статус которых был значительно выше.

Медали в дореволюционной России были более массовой наградой, чем ордена. Кроме того, ордена свидетельствовали об общем признании заслуг обладателей государственных наград, тогда как медали свидетельствовали об их участии в военных операциях или конкретных сражениях. Надписи на них, а также цвет колодки, на которых они крепились на груди, указывали, за какие заслуги перед государством награждались ими их обладатели.

Пик государственных наград до революции пришёлся на годы Первой мировой войны, когда особенно много было вручено боевых наград. Царские награды были окончательно упразднены в декабре 1917 г., когда Совет Народных Комиссаров принял декрет «Об уравнении всех военнослужащих в правах», который отменил все преимущества, связанные с прежними чинами и званиями, а также все наружные отличия. Однако в сентябре 1918 г., в самый разгар Гражданской войны, был учреждён орден Боевого Красного Знамени. Он оказался первым советским орденом, основаниями для награждения которым служили особая храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите социалистического Отечества[91].

Рассматриваемые как свидетели исторических событий, государственные награды выполняют три важные функции. Во-первых, с помощью образов прошлого, интерпретируемых с точки зрения существующей в современном обществе ценностно-нормативной системы, они помогают осмыслить настоящее. Во-вторых, государственные награды помогают сплотить членов общества, принадлежащих к разным поколениям и социальным группам, вокруг единой идеи патриотического характера. В-третьих, они помогают идентифицировать российское общество, выступая в качестве культурных символов государства как важнейшего социального института.

Об историчности государственных наград можно судить по их внешней символике, которая часто содержит в себе крест, круг, пентаграмму и другие иконические символы. Апеллируя к многочисленным культурным пластам социальной общности или общества в целом, эти символы призваны актуализировать социальную память. С историчностью государственных наград связано право их наследования, согласно которому вместе с наградой наследовались определённые права. Так, до 1826 г. награждение любым орденом давало право на потомственное дворянство. С другой стороны, института наследования государственных наград в дореволюционной России не

[91] Кокурина О.Ю. История наградной политики Российского государства (дореволюционный период) // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 4 (75). – С. 152.

существовало. Поскольку награды считались собственностью государства, они подлежали возврату в Капитул, представлявший собой учреждение, которое ведало изготовлением и вручением орденов, а также других наград. Хотя в Советском Союзе основным собственником наград считалось государство, они могли передаваться в музеи на хранение или близким родственникам как память.

Государственные награды дают возможность не забывать прошлое, а хранить о нём память. Родственники награждённых могут передавать их в музеи, выступающие в качестве центров коллективной памяти. Однако чаще всего награды остаются у них как память, занимая почётное место в семейных архивах рядом с фотографиями, дневниками, письмами и другими реликвиями. По образному выражению Отто Герхарда Эксле, немецкого историка, который известен как крупнейший специалист в области медиевистики, заботу о своей памяти можно поручить наградам[92].

[92] Гусева Н.А. Государственные награды: к вопросу об исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – Сер. 12. Вып. 3. – С. 291.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ: МОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

2.1. Моральный смысл сохранения и уничтожения культурной памяти

Исследования памяти как область знания[93]. Понятие памяти всегда занимало умы учёных и философов, выступая в качестве объекта исследования философии, психологии, культурологи и других областей знания. После того как в начале прошлого столетия возникла идея рассмотрения памяти как социального феномена, она всё чаще стала привлекать внимание представителей социологии. Количество научных исследований, которые прямо или косвенно были связаны с феноменом памяти, непрерывно возрастало. Таким образом, происходило становление специфической области междисциплинарных исследований, в центре внимания которой оказались проблемы идентичности, коллективной памяти, культурного наследия и т. д. В конце 80-х – начале 90-х годов она выделилась в самостоятельную область знания, для обозначения которой используется англоязычное выражение «memory studies», означающее буквально «исследования памяти». Объединяя представления о памяти, существующие в разных научных дисциплинах, memory studies развивается как область междисциплинарных исследований, которая имеет чётко очерченный круг вопросов: идентичность, политика памяти, практика забвения и пр.[94]

Наряду с М. Хальбваксом, который был известен своими работами в области социологии, у истоков исследований памяти стоял французский историк Жозеф Эрнест Ренан (1823-1892). Главным делом его жизни была «История происхождения христианства», включавшая в себя семь томов, начиная со знаменитой «Жизни Иисуса». Однако Э. Ренан был историком, деятельность которого пришлась на вторую половину 19 столетия, когда в странах Европы

---

[93] Некоторые положения данного параграфа относительно диалектики памяти и забвения опубликованы в следующей статье соискателя: 1. Вертий Ю.М. Понятия забвения и культуры отмены в контексте исследований памяти // Общество: философия, история, культура. – 2024. – Вып. 9. – С. 63-68.

[94] Нечаева А.А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 121.

завершалось становление современных наций. Поэтому неудивительно, что выявлению сущности нации была посвящена одна из его работ, хотя по своему объёму она не шла ни в какое сравнение с «Историей происхождения христианства».

11 марта 1882 г. Э. Ренан прочитал в Сорбонне доклад, озаглавленный им следующим образом: «Что такое нация?». В этом докладе он утверждал, что нации представляют собой явление, которое характерно для новой истории, поскольку древность не знала их. Э. Ренан показал, что ни раса, ни язык, ни религия, ни общность интересов, ни география не могут служить основанием для возникновения нации. Он понимал нацию как некую солидарность, имеющую общую душу, т. е. исторический опыт. Самым законным представляется культ предков, поскольку они сделали нас такими, какими мы являемся в настоящее время. Главные условия того, чтобы быть нацией, заключаются в следующем: иметь общую славу в прошлом и общие желания в будущем, а также совершать вместе великие поступки и желать совершать их в будущем[95].

Идеи Р. Эрнана, связанные с ролью исторического опыта в формировании нации, совершенно справедливо относят к предпосылкам memory studies, хотя специально исследованиями памяти он не занимался. Начало этим исследованиям положил М. Хальбвакс, который первый стал изучать коллективную память, показав её связь с индивидуальной памятью. Значение его идей заключается также в том, что они послужили основанием для исследований других авторов, завершившихся важными результатами, которые проливают свет на природу человеческой памяти. Особое место среди этих результатов занимают исследования немецкого египтолога Яна Ассмана, который в начале 90-х годов сформулировал концепцию культурной памяти, понимаемой им как передача смысла[96].

---

[95] Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11-го марта 1882 года. URL: https://vk.com/wall-80080904_4?ysclid=ly5xrjyjul186579191

[96] Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полити-ческая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

В развитии memory studies можно выделить два ключевых момента, первый из которых связан с деятельностью М. Хальбвакса и его последователей, а второй – с интенсификацией исследований памяти, получившей название мемориального бума. Вследствие междисциплинарного характера исследований памяти между специалистами часто встречаются разногласия в трактовке основных понятий, а также в определении круга рассматриваемых проблем и понимании методологических принципов. Поэтому многие специалисты говорят о кризисе исследований памяти, связывая его с неопределённостью самого понятия «память», а также отсутствием чётких критериев того, что является предметом изучения memory studies[97]. С другой стороны, об институционализации исследований памяти как области знания свидетельствует появление в 2008 г. журнала «Memory studies», а также создание через восемь лет Ассоциации исследований памяти[98]. Основанная на принципе междисциплинарности, эта область социогуманитарного знания занимается разработкой целого ряда проблем, которые являются теоретически перспективными и практически значимыми. К этим проблемам можно отнести забвение, культуру отмены, политику памяти, ностальгию, психологические травмы и др.

Как направление междисциплинарных исследований memory studies связаны с историей, хотя и не тождественны ей. Историческая наука представляет собой одну из форм знания о прошлом, существующую наряду с околонаучными формами знания (научно-популярная и художественная), а также вненаучными формами знания (архаическая, религиозная, философская и массовая). Что касается memory studies, то они изучают механизм формирования исторических представлений в массовом сознании. В центре их внимания находятся историческое сознание, а также коллективная память отдельных социальных групп и человечества в целом.

---

[97] Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С.15.

[98] Нечаева А.А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского универси-тета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 121.

Большую влияние на развитие memory studies в 80-е годы прошлого столетия оказала деятельность двух французских специалистов – Бернара Гене и Пьера Нора. Первый из них, известный как специалист в области культурологи и истории, написал книгу «История и историческая культура средневекового Запада», которая была посвящена становлению истории как науки в Западной Европе. В ней он проследил из века в век, кем были те люди, которые писали историю, кто читал их труды, а также какие цели они преследовали и какими потребностями руководствовались[99].

Если Б. Гене дал анализ исторических нарративов, которые бытовали в средневековой Европе, то П. Нора, инициировавший появление сборника «Франция – память», ввёл в научный оборот термин «место памяти». Кроме него, в написании этого сборника участвовали французские историки Мона Озуф, Жерар де Пюимеж и Мишель Винок. Наряду другими французскими историками общей численностью около ста человек они работали над проектом «Место памяти», которым в течение почти десяти лет руководил П. Нора. По словам руководителя этого проекта, важным отличием Франции от других стран является неразрывная связь практики исторического исследования с развитием национального сознания. Так, в Германии выразителями национальной идеи являются в основном философы. В странах Центральной и Восточной Европы эта идея зарождалась в национальном фольклоре, который также служил гарантом её реализации. Что касается Франции, то роль организаторов национального сознания всегда принадлежала в ней историкам. Хотя память всегда была во французском обществе предметом жарких споров, она служила его цементирующей основой[100].

По мнению П. Нора, о памяти говорят именно потому, что её больше нет. Отсюда особый интерес к тем местам, в которых память кристаллизуется и находит своё убежище. Такие места П. Нора называет местами памяти, которые существуют благодаря ощущению, что из-за отсутствия спонтанной памяти

---

[99] Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

[100] Франция-память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 5.

необходимо создавать архивы, а также отмечать годовщины, организовывать празднования и произносить надгробные речи. К местам памяти он относит архивы, годовщины, кладбища, коллекции, монументы, музеи и другие культурные феномены. Будучи свидетелями другой эпохи, они создают иллюзию вечности[101].

Понятие места памяти можно определить как всякое значимое материальное или идеальное единство, которое благодаря воле людей или работе времени превратили наследия памяти некоторой общности в символический элемент[102]. Из его определения следует, что круг мест памяти довольно широк. Он включает в себя исторических героев, места, документы, события, исторические нарративы и пр.

Одним из важнейших в memory studies является понятие объекта исторической памяти, с помощью которого представления о прошлом можно рассматривать через призму конкретных источников, связанных с формированием исторической памяти. Им охватываются события, герои, явления и другие исторические феномены, которые предполагаются источниками формирования исторической памяти, включающими в себя устную традицию, письменные и аудиовизуальные источники, коммеморации и т. д. Среди источников формирования исторической памяти важное место занимает коммеморация, представляющая собой сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого посредством их «вспоминания» и переосмысления в современном контексте[103].

Понятие объекта исторической памяти позволяет выявить места её консенсуса, а также конфликтные объекты и болевые точки памяти. В отечественной истории к местам консенсуса национальной памяти можно

---

[101] Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 26.

[102] Хапаева Д.Р. Прошлое как вызов истории. Предисловие переводчика // Франция-память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 321.

[103] Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Сборник статей / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. – Оренбург: Издательство Оренбургского государственного педагогического университета, 2021. – С. 237.

отнести А.С. Пушкин, Л.Н. Толстого и других выдающихся деятелей русской культуры, а также Отечественные войны – с Наполеоном в 1812 г. и с немецко-фашистскими захватчиками в 1941 – 1945 гг. Среди конфликтных объектов выделяются прежде всего Иван Грозный и Сталин, которым в исторических текстах даются прямо противоположные оценки в зависимости от их принадлежности к той или иной идеологической концепции. Наконец, к болевым точкам памяти следует отнести Петра Первого, Екатерину Вторую, Октябрьскую революцию, Ленина и Гражданскую войну, поскольку в получаемых ими оценках они не привязаны к той или иной идеологической концепции и даже получают противоположные оценки в рамках одной и той же концепции[104].

Несмотря на интенсивное развитие memory studies в отечественной историографии последнего десятилетия, долгое время они находились в арьергарде академических исследований. Поэтому можно говорить о догоняющем характере мемориальных исследований в России, которые ещё не воплотились в большом количестве монографий по отечественной тематике. Важнейшей целью этих исследований является создание карты памяти с древнейших времён до нынешнего столетия, которая должна включать в себя круг объектов исторической памяти на разных этапах развития российского государства.

В современном обществе, которое П. Нора назвал эрой коммеморации, одним из ключевых стало слово «память». Проблемное поле исследований памяти постоянно расширяется: если первоначально оно включало в себя изучение наций и национальной идентичности, то в настоящее время оно связано также с социальными общностями и организациями различного типа. Объектами изучения memory studies могут быть предприятия и фирмы, а также международные отношения и глобальные проблемы современности. Поэтому обоснованным представляется утверждение многих специалистов, что memory studies можно рассматривать как одну из важнейших парадигм современного

[104] Memory studies – Теория и методология истории [электронный ресурс]. – URL: https://studme.org/77661/istoriya/memory_studies?ysclid=m45njiusdu821615301#gads_btm

социогуманитарного знания. Исследования памяти представляют собой сферу научного знания, в которой явления человеческой культуры рассматриваются с точки зрения того, как в ней сохраняются, передаются, актуализируются, вытесняются и используются их образы-воспоминания[105].

Диалектика памяти и забвения. Все представители социально-гуманитарного знания, использующие в своих исследованиях понятие памяти, сходятся в том, что его содержанием является способ конструирования людьми своего прошлого. Однако это конструирование может пониматься у них по-разному: одни понимают его как свидетельство людей, переживших какой-то опыт (например, немецкую оккупацию во время Великой Отечественной войны), а другие – как отражение его в книгах, фильмах, монументах и других культурных феноменах[106]. Если память о каком-либо явлении, событии или человеке угасает, то говорят о забвении.

Почти сто лет назад появилась книга М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти», которая положила начало исследованиям мемориальной проблематики представителями социально-гуманитарных дисциплин. Хотя забвение тесно связана с памятью, оно не стало ещё предметом такого же детального научного исследования. Однако в последнее время появляется всё больше работ, имеющих своей целью определить место забвения как в истории человеческой культуры, так и в современном обществе.

Забвение противоположно не памяти, а воспоминанию. Забыть что-то – значит перестать помнить о том, что в течение какого-то времени удерживалось в памяти. Как говорил Ф. Ницше, можно жить без воспоминаний, но жить, не забывая ничего, нельзя. С другой стороны, нельзя забыть обо всём. Отсюда следует, что забвение неразрывно связано с памятью. Оно помогает осуществить

---

[105] Васильев А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) [электронный ресурс]. – URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy-mnogoobrazie-obektov.html?ysclid=m479e1e1uz470267931

[106] Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С.17.

отбор, в результате которого запоминается лишь то, что полезно, приятно или необходимо[107].

Как показывает история, культурная память всегда связана с забвением, которое сопровождает любое действие, направленное на сохранение образов прошлого, поскольку создание одних ценностей предполагает разрушение других. Такое разрушение основывается на выборе человека, который определяет возможность или необходимость сохранения в памяти этих образов. Его иллюстрациями являются переломные моменты в развитии культуры, когда на смену одним государствам, религиям или идеологиям приходят другие, делая неизбежным сознательное вымарывание памяти.

Примеры взаимодействия двух противоположных тенденций – созидания и разрушения – можно обнаружить в истории Палестины 1- 4 вв., которые были отмечены разрушением старых памятников культуры и строительством новых, а также приспособлением старых культовых сооружений к потребностям их новых хозяев. Судьба Иерусалима, который считается священным городом трёх религий, насыщена связанными с ними историческими и культурными событиями. После подавления в 70 г. восстания иудеев против римлян был практически разрушен не только сам город, но и Иерусалимский храм на горе Сион, построенный ещё царём Соломоном. Этот храм, считающийся главной святыней иудеев, никогда уже не был ими восстановлен.

Иерусалим оставался в запустении более пятидесяти лет, пока римский правитель Адриан не предпринял попытку консолидировать население огромной империи путём строительства новых городов, дорог и языческих храмов, которое сопровождалось введением жёстких мер, направленных против иудаизма. Логика императора, заботившегося о консолидации населения Римской империи, понятна, поскольку благоустройство страны, а также внедрение новой идеологии, которая основывалась на римском варианте язычества, действительно способствовали такой консолидации. Однако она не вписывалась в рамки тех культурных принципов, на основе которых традиционно строилась

[107] Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – С. 189.

жизнь еврейского народа. В начале второго столетия евреи предприняли очередную попытку спасти свои духовные ценности от культурного забвения, но их восстание снова было жестоко подавлено, а на развалинах Иерусалима со временем появился новый город, построенный в соответствии с градостроительным принципами Рима.

После того как в 4 в. христианство приобрело статус официальной религии Римской империи, Иерусалим снова привлёк к себе внимание её властей. По просьбе христианских священников был снесён храм Афродиты, под которым, по их мнению, находилась гробница Христа. На месте этого храма был построен комплекс почитания Христа, давший начало созданию на территории Палестины огромного количества культовых сооружений, которые стали выполнять аналогичную функцию. Таким образом, намеренное разрушение одних культурных ценностей повлекло за собой создание других ценностей[108].

Если обратиться к советскому прошлому, то можно увидеть, что за последние сто лет дважды поменялись идеологические установки. На рубеже 20-х – 30-х годов были разрушены многие культурные памятники, а большинство улиц советских городов получили новые названия, связанные с именами видных большевиков и революционными событиями недавнего прошлого. Однако в начале 90-х годов, когда вместе с Советским государством ушла в прошлое и коммунистическая идеология, составлявшая его идеологическую основу, улицам стали возвращать их исконные названия, а многие памятники большевистским вождям были снесены или – при наличии художественной ценности – помещены в различные музеи. Православие, вытесненное из сферы идеологии марксистским учением, снова начинает играть в ней роль одного из ориентиров культурного развития России.

Согласно традиционным представлениям, забвение в истории необходимо преодолевать, поскольку оно является угасанием памяти о каком-либо явлении, событии или человеке. В самом деле, чем больше мы знаем о нашем прошлом,

---

[108] Кочеляева Н.А. Забвение в культуре: аксиология намеренного разрушения // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 3 (56). С. 132.

тем лучше для нас. С другой стороны, забвение как стирание в нашей памяти прошлого может оказаться полезным, поскольку оно позволяет нам начать творчество, не связывая его с какими-либо предпосылками, т. е. с чистого листа. Его можно рассматривать как переход из прошлого в настоящее, который влечёт за собой не только разрушение идентичности социальной группы, но и восстановление или даже обретение её[109].

По аналогии с индивидуальной психологической амнезией, представляющей собой заболевание с симптомами потери памяти, забвение обществом тех или иных исторических фактов и явлений, а также отторжение им достоверной оценки их значимости можно определить как социальную амнезию. Специалисты в области memory studies связывают социальную амнезию с рядом как объективных, так и субъективных факторов. Так, из этих факторов одним из самых существенных является состояние общества в эпоху модерна и постмодерна.

Общество эпохи модерна, противопоставляемое традиционному обществу, явилось результатом индустриализации, урбанизации, секуляризации, а также развития институтов государства и гражданского общества. Оно стремилось преодолеть привязанность к жизненному миру прошлого, предполагавшему традиционные формы организации социального порядка и проживания индивидуальной судьбы человека. Стремление общества эпохи модерна (или модернизированнго общества) преодолеть свою привязанность к жизненному миру прошлого привело к социальной амнезии в форме простого отрицания прошлого. Однако разрыв с прошлым имел своим результатом ослабление связей с ценностями и смыслом, лежащими в основе культуры. Поэтому для эпохи постмодернизма, представляющего собой новый тип социализации, характерно стремление к переосмыслению и реинтерпретации содержания, которое ранее было отторгнуто. Правда оно не приводит к живой памяти о прошлом, а создаёт его искусственный образ, образованный из хаотической

[109] Костина Е.Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 1. С. 63.

комбинации его разнородных элементов. Поскольку создание этого образа является только видимостью сохранения объективной исторической памяти, его можно рассматривать как разновидность социальной амнезии[110].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что образ прошлого, который создаётся культурой общества постмодерна, является в значительной степени фиктивным. По мнению А.М. Кумыкова, эпоха постмодерна представляет собой эпоху специфической памяти, которая характеризуется манипулятивностью и искусственностью. Поскольку в её память активно вмешивается государство и средства массовой информации, она становится идеальной почвой для различного рода манипуляций – как исторических, так и политических[111].

На первый взгляд может показаться, что понятие социальной амнезии является довольно простым. Однако Поль Рикёр, посвятивший теме забвения одну из частей своей книги «Память, история, забвение», говорит об удручающей полисемии слова «забвение». По его словам, в экзистенциальном плане забвение предполагает нечто вроде погружения в пропасть, выражаемого метафорой вертикали или глубины[112].

Большинство специалистов в области memory studies полагает, что социальная память включает в себя не только процессы запоминания, но и процессы забывания. При этом термины «забывание», «забвение» и «амнезия» нередко используются как синонимы, а их соотношение не проясняется. Кроме того, не уточняется отличие социальной амнезии от амнезии в медицинском смысле, т. е. индивидуальной психологической амнезии. Таким образом, вопрос об уточнении значений упомянутых терминов представляется довольно важным для специалистов в области memory studies, некоторые из которых представили свои варианты его решения. Так, голландский философ Франклин Рудольф Анкерсмит, известный как автор исследований по современной историографии

---

[110] Живой А.С. Сущность и следствия социальной амнезии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 302.

[111] Кумыков А.М. Проблема социальной амнезии в предметном пространстве социально-философской рефлексии // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16). – С. 189.

[112] Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – С. 575.

и философии истории, говорит о типах забвения, хотя и не обозначает их специальными терминами и не указывает основание для приводимой им классификации (или типологизации). К описываемым им типам забвения относятся (1) забвение истории повседневности, (2) непреднамеренное забвение, (3) преднамеренное забвение прошлого, память о котором слишком болезненна, а также (4) забвение как отказ от прежнего мира, который потерян навсегда[113].

Культура отмены. В 5 в. до н. э. в Афинах и других древнегреческих городах существовал институт остракизма, представлявший собой изгнание на определённый срок некоторых граждан полиса, которое осуществлялось путём голосования членов народного собрания. Такое изгнание не было связано с каким-то деянием, совершённым гражданином, а имело своей целью предупреждение его в будущем (например, захват им единоличной власти и превращение в тирана). Поскольку остракизм имел политическую мотивацию, по истечении срока изгнания из полиса политические права гражданина восстанавливались, а его имущественные и другие гражданские права вообще не поражались[114].

Хотя остракизм в современном обществе часто понимается как гонение, травля или общественное неприятие, было бы неверно полагать, что в Древней Греции он служил расплатой за какие-то преступления. Скорее он служил не наказанием, а профилактической мерой. Более того, древнегреческий остракизм можно рассматривать как высшую степень общественного признания, поскольку часто ему подвергались наиболее популярные, успешные или красноречивые члены полиса. Он возник в начале 6 в. до н. э., когда Афины, освободившись от тирании Писистрата и двух его сыновей, нуждались в выработке специального механизма, который не допускал бы появления новых тиранов.

Древнегреческий остракизм является наиболее известным примером бойкота отдельных членов обществам или целых организаций, традиции которого уходят своими корнями вглубь человеческой истории. Для человека как

---

[113] Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – С. 444.
[114] Суриков И.Е. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена // История и современность. 2005. № 2. С. 114.

социального существа изгнание из сообщества людей всегда было одним из наиболее позорных, страшных и унизительных наказаний. Так, в первобытном обществе существовала традиция изгнания человека из племени, которое было равносильно его казни, поскольку выжить ему в одиночку было просто невозможно. Традиция остракизма, согласно которой человек изгонялся из полиса на определённый срок, была уже более гуманной, чем изгнание человека из племени в эпоху первобытности. В эпоху Средневековья изгнание применялось тогда, когда смертная казнь в силу тех или иных причин была нецелесообразна. Однако некоторые виды наказания (например, клеймение) указывали на то, что с людьми, которые были подвергнуты им, общение нежелательно или даже запрещено. Наконец, широкое распространение в эпоху Средневековья получили наказания, которые основывались на унижении людей (например, привязывание их к позорному столбу) и агрессивном отношении к ним со стороны со стороны толпы. Такие наказания делали причастными к ним не только тех, кто выносил приговор или приводил его в исполнение, но и сообщество в целом. В эпоху Возрождения и Новое время, которые выдвинули на первый план принцип гуманизма, способы привлечения людей к социальной ответственности становились более гуманными, чем в средние века. Со временем в обществе стал формироваться институт социального осуждения, который в разных странах имел свою специфику, отражавшую особенности их культуры. Его примером можно считать товарищеские суды, существовавшие в Советском Союзе во второй половине прошлого столетия[115].

Современным аналогом остракизма является культура отмены, под которой понимается форма общественного бойкота, имеющего своей целью исключение человека или группы людей из социальных и профессиональных кругов как негативная реакция на некоторые их действия или высказывания. Её объектом могут быть отдельные лица, организации или бренды, а также общественные движения и даже целые страны. Общественное воздействие на

[115] Лисица К.Э., Туркулец В.А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 107.

отдельные страны может служить дополнением к политическим или экономическим санкциям, введённым против них на межгосударственном или международном уровне[116].

Под культурой отмены можно понимать любую мировоззренческую установку, которая предполагает игнорирование и искоренение не только культуры современных людей, но и событий из их прошлого. Как показывает история человечества, такая мировоззренческая установка встречалась как в странах Запада, так и в странах Востока. Так, её можно обнаружить в отношении к «неприкасаемым», которое сложилось ещё в Древней Индии и продолжало существовать не одно столетие. При таком отношении, связанном с религиозными особенностями индийской культуры, «неприкасаемые» в течение долгого времени выпадали из деления общества на варны, хотя и находились в системе социальных связей.

Если обратиться к западной культурной традиции, то предпосылки культуры отмены можно обнаружить у киников, которые презрительно относились письменности, воспитанию и грамотности. Казнь Сократа, который не соглашался добровольно покинуть Афины, также может рассматриваться как пример культуры отмены. В Древнем Риме практиковалась юридическая форма наказания, которая посмертно применялась к людям, осуждённым за преступления против власти. Названная впоследствии «Damnatio memoriae» (лат. «Проклятие памяти»), она часто применялась не только к преступникам, но и к членам их семей. Проклятия памяти не избежали даже многие римские императоры и их ближайшие родственники – Марк Аврелий, Домициан, Калигула, мать Нерона Агриппина и др.

Справедливости ради следует отметить, что осуждение памяти изобрели не римляне, а египтяне. Чтобы уничтожить воспоминания о фараонах, в Древнем Египте со стен гробниц и храмов скалывались их изображения и имена. После восстания Пугачёва, которого Екатерина II называла бунтовщиком, его дом был

[116] Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 3-4 (17). С. 40.

сожжён, а река Яик получила новое название, не напоминавшее о яицких казаках, – «Урал». Таким образом, истоки культуры отмены как современного феномена можно обнаружить ещё в древности и проследить по всем эпохам развития человеческого общества[117].

Культура отмены является порождением современного информационного общества, в котором на первый план выдвигаются проблемы, не привлекавшие особого внимания ещё несколько десятилетий назад. Речь идёт о защите прав женщин, а также лиц с особенностями психического или физического развития и других категорий лиц. Движение в защиту прав этих категорий лиц и породило тот социальный феномен, который получил название культуры отмены. На Западе уже давно используется термин «отмена», означающий общественное порицание, а также прекращение контактов с лицами, которые своими высказываниями или поступками нарушают права других людей, а в настоящее время он получает всё более широкое распространение и в отечественной литературе – как публицистической, так и научной.

Трудно дать однозначную оценку культуры отмены: с одной стороны, она возникла на волне движения в защиту прав различных категорий лиц, а с другой – приводит к нарушению прав тех, кто стал объектом общественного порицания. Во-первых, они практически лишены возможности защищать свою позицию, поскольку их попытки объясниться воспринимаются противной стороной как признание своей вины. Во-вторых, негативное отношение к высказываниям или поступкам человека часто распространяется и на результаты его деятельности. Например, люди, которые негативно восприняли высказывания Джоан Роулинг по гендерной проблематике, стали демонстративно выбрасывать её книги о Гарри Поттере, которыми ещё недавно восхищались. В-третьих, культура отмены нарушает принцип презумпции невиновности, а также принцип законности, соразмерности, разумности и справедливости наказания, которые являются основополагающими принципами защиты прав и свобод человека.

[117] Костенко О.В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 5. – С. 251.

Таким образом, культура отмены является специфической формой призвать человека к ответственности за действия, которые могут даже не быть связаны с нарушением законодательства. Вызванная к жизни особенностями современного информационного общества, она имеет крайне негуманный характер. Негуманность культуры отмены заключается в том, что она может в одночасье лишить человека карьеры, семьи, друзей, сторонников, средств к существованию и других важных аспектов его жизни[118].

Поскольку культура отмены стала довольно заметным феноменом современной культуры, возникает естественный вопрос: какую цель преследуют те, кто прибегает к ней? Ответ на этот вопрос зависит от того, на каком уровне она осуществляется – на уровне личности, на уровне брендов или на уровне культуры. На уровне личности цель культуры отмены заключается в том, чтобы повлиять на человека, заставив его поступать так, как удобнее другим людям. Если человек или группа лиц подверглись осуждению, то под влиянием общественного мнения они часто вынуждены изменить свою точку зрения или поведение. Бренды различных компаний могут подвергнуться осуждению за некорректное поведение на рынке или неудачные высказывания, которые касаются острых социальных проблем. При этом критике подвергаются не только сами бренды, но и многие знаменитости, которые их рекламируют. Таким образом, культура отмены на уровне брендов может провоцировать её на уровне личности.

В отличие от культуры отмены на уровне личности и брендов, на уровне культуры она пытается полностью стереть из истории объект отмены. Книги, фильмы и другие источники, в которых упоминается этот объект, удаляется из открытого доступа. По существу, отмена культуры представляет собой не что иное, как попытку предать её забвению. Однако невозможно изменить прошлое, переписав историю. Наконец, в современном мире различные культуры

[118] Лисица К.Э., Туркулец В.А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 110.

настолько переплетены, что отмена одной из них обязательно отразится на другой.

Многие публичные люди, а также творческие личности и деятели науки всё чаще говорят о том, что нельзя отменять культуру, поскольку именно культурные связи объединяют людей. Отмена культуры оборачивается неприятными последствиями для всех, а попытка полностью отменить культуру того или иного государства оборачивается расколом мирового сообщества в будущем. Вообще людям, которые никак не соприкасаются в сфере культуры, очень сложно понять друг друга.

В настоящее время на Западе предпринимается попытка отменить русскую культуру, включая литературу, музыку, балет, искусство и т. д. Высказывается мнение, что всё русское должно быть запрещено. Нередки случаи, когда театры разрывают контракты с русскими солистами, оркестры увольняют русских дирижёров, а из своих репертуаров исключают произведения П.И. Чайковского и других русских композиторов. Однако за этими случаями стоят прежде всего правительственные структуры, тогда как профессиональное сообщество и широкая общественность чаще всего поддерживают русскую культуру. Поэтому отмена русской культуры является не столько культурой отмены, столько деструктивной технологией, направленной на разрыв или по крайней мере на усложнение коммуникаций стран Запада с Россией[119].

2.2. Правовые аспекты сохранения и разрушения культурной памяти

Зарубежный опыт сохранения культурной памяти. По мнению Я. Ассмана, возникновение культурной памяти связано с ритуалами, которые сопровождают феномен смерти. Память о мёртвых является первой формой культурной памяти, а воспоминания об умерших дают начало культуре

[119] Салиева Л.К., Арутюнова-Ястребкова Э.А., Цеппи А. «Отмена русской/российской культуры»: культура отмены или антибрендинг России? // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 30. С. 58.

воспоминаний. Понятие культурной памяти тесно связано с понятием культурного наследия, хотя говорить об их тождестве было бы неверно. Под культурным наследием имеется в виду совокупность объектов, которые унаследованы человечеством от предыдущих поколений и представляют для них историческую и культурную ценность. Культурная память объективируется в них, но является более динамичной. Поэтому объём культурной памяти, занимаемый одним и тем же объектом культурного наследия, может изменяться с течением времени. Так, революционные события, происходившие в России в начале прошлого столетия, постоянно меняют структуру культурной памяти, которая связана с ними[120]. Поскольку культурная память объективируется в объектах культурного наследия, их сохранение способствует сохранению самой культурной памяти, выступающей в качестве средства идентичности социальной группы или всего общества.

В 18 в. в Англии началась промышленная революция, которая в следующем столетии распространилась на другие страны Европы и Соединённые Штаты Америки. Она существенным образом изменило западное общество, поставив перед пережившими её странами проблему сохранения культурного наследия. Решение этой важнейшей социальной проблемы предполагало ответ на два основных вопроса: во-первых, почему происходит утрата исторического наследия и, во-вторых, что необходимо делать для её предотвращения.

С целью объединения опыта по сохранению культурного наследия в 1964 г. несколько европейских стран собрались в Венеции на конференцию, по завершении которой ими был принят документ под названием «Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) от 31 мая 1964 года». В этом документе подчёркивается общечеловеческая ценность памятников, представляющих собой общее наследие всего человечества, которое перед лицом будущих поколений признаёт

[120] Романова А.П., Топчиев М.С. Культурная память и культурное наследие: понятийный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4 (33). – С. 231.

совместную ответственность за их сохранность. В Венецианской хартии даются определения понятий, играющих важную роль в деятельности по сохранению культурного наследия.

Под историческим памятником имеется в виду отдельное архитектурное произведение, а также городская или сельская среда, которые имеют характерные признаки определённой культуры или исторического события. При этом речь идёт не только о выдающихся памятниках, но и о более скромных, которые с течением времени приобретают значительную ценность. Под консервацией памятников имеется в виду постоянный уход за ними, а под реставрацией – сохранение и выявление их эстетических и исторических ценностей. Наконец, цель консервации и реставрации памятников заключается в сохранении их как произведений искусства и как свидетелей истории[121].

Для многих зарубежных стран характерен комплексный поход к сохранению культурного наследия, а также наличие эффективного законодательства, который его регулирует. Помимо базовых законов об охране культурного наследия, в них реализуются программы по сохранению наследия и охране памятников, принятые на разных уровнях власти. Созданы властные структуры, которые обладают необходимыми полномочиями для контроля исполнения законодательства в сфере охраны культурного наследия. Помимо государственных структур, в мероприятиях по сохранению культурного наследия участвуют региональные и местные власти, жители населённых пунктов, а также специализированные общественные организации и представители частного бизнеса[122].

Интерес к историческому наследию возник в Европе в эпоху Возрождения, заложившей основы новой европейской культуры. Первой европейской страной, в которой государство стало решать вопросы охраны памятников культуры, является Франция. Уже в 1791 г., в самый разгар Великой французской

---

[121] Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) от 31 мая 1964 года [электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901756982

[122] Литвинова О.Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко-культурного наследия в конце XX – начале XXI в. // Вестник ТГАСУ. – 2010. – № 4. – С. 47.

революции, памятники истории и культуры были объявлены в ней всенародным достоянием, а через четыре года возникла государственная служба, которая занималась их охраной. В 1830 г. во Франции появилась Генеральная инспекция по охране памятников, а с 80-х годов прошлого столетия вопросы историко-культурного наследия были переданы в ведение коммун, представляющих собой общины жителей населённых пунктов. На территории страны было создано 76 охранных зон, которыми объявлены исторические центры городов. В этих зонах существуют ограничения, касающиеся вырубки деревьев и сноса старых зданий. С 1913 г. был принят целый ряд нормативных актов, регламентирующих охрану памятников истории и культуры[123].

В 1877 г. в Великобритании было создано Общество охраны старинных зданий, которое стало первой организацией по охране и восстановлению её архитектурного наследия, а через пять лет в ней был принят первый специальный закон о памятниках старины. В настоящее время в стране нет единого законодательного акта, касающегося использования памятников истории и культуры, однако в середине 20 в. были приняты законы, которые посвящены различным аспектам охраны памятников. Кроме того, основные положения, касающиеся сохранения культурного наследия, содержатся также в других законодательных актах. Охраной памятников культуры в Великобритании занимается Министерство окружающей среды, которое утверждает охранные зоны и списки памятников, имеющих общегосударственное значение. В такие списки в обязательном порядке включаются все здания, которые построены до 1700 года, но сохранили свой первоначальный вид, большинство зданий григорианского периода английской архитектуры, приходящегося на 1700-1840 гг., а также строения Викторианской эпохи 1840-1900 гг.

Помимо Франции, одной из первых стран, в которых охрана культурного наследия была закреплена на законодательном уровне, является Греция. Страна древней и богатой культуры, она ещё в 1834 г. приняла «Закон о запрещении

[123] Литвинова О.Г., Романова Л.С. Зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия // Вестник ТГАСУ. – 2009. – № 1. – С. 75.

вывоза памятников искусства». В первой половине прошлого столетия в Греции были приняты ещё два аналогичных закона – «Закон о древностях» и «Закон о памятниках после 1830 г.». В последнем законе речь идёт о памятниках культуры, относящихся к периоду её независимости, которая была провозглашена 1830 г. В 2002 г. в Греции был принят новый закон, получивший название «Об охране культурного наследия». Согласно греческим законам, все объекты, которые были возведены до падения Византии в 15 в., находятся в собственности государства.

Долгую историю имеет американское законодательство, регулирующее охрану памятников культуры. Ещё в 1906 г. в Соединённых Штатах Америки был принят Закон о древностях, согласно которому президент имел право относить к охраняемым памятникам объекты, находящиеся в федеральной собственности. Сложившаяся к настоящему времени американская система охраны памятников включает в себя деятельность многочисленных общественных организаций, меры федерального правительства и правительств штатов по координации и материальной поддержке их усилий, а также активность и широкие полномочия муниципальных органов власти. На федеральном уровне вопросы охраны памятников культуры возложены на министерство внутренних дел, которое обязано составлять Национальный реестр, включая в него территории, здания, сооружения и другие объекты, имеющие историческую ценность. Согласно американскому законодательству, под памятниками истории имеются в виду районы, территории, здания и сооружения, внесённые в Национальный реестр[124].

Характерной чертой американской системы охраны памятников является то, что она в высшей степени децентрализована. Так, непосредственную работу по учёту памятников культуры ведут штаты. Они не только распоряжаются федеральными грантами, передавая значительную часть денежных средств местным властям, общественным организациям и частным лицам, но и выдают

[124] Домрин А.Н. Законодательство США об охране памятников национального значения // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 120.

им собственные субсидии. Что касается федерального правительства и штатов, то они не занимаются непосредственным контролем состояния памятников, за исключением тех, которые находятся в их собственности[125].

В 1997 г. в Италии было принято Положение о культурных ценностях, которое положило начало существенным изменениям системы законодательства о памятниках истории и культуры. Во исполнение этого положения в 1999 г. был принят «Единый текст положения законодательства по вопросам культурных ценностей и ценностей окружающей среды», который объединил все принятые раньше нормативные положения и упростил ряд предусмотренных законодательством процедур. Согласно итальянскому законодательству, охраняемыми считаются объекты недвижимости, которые обладают свойствами природной красоты, а также виллы, сады и парки, имеющие эстетическую ценность.

В охране памятников культуры важная роль принадлежит частным фондам, которые занимаются прежде всего сбором средств для финансирования культурных мероприятий, а также осуществления определённых видов деятельности. Охране памятников истории и культуры содействует также общественность, принимающая участие в добровольческих объединениях и организациях различной направленности. Региональные власти составляют реестры добровольческих организаций, под которыми имеются в виду любые объединения, созданные для достижения общественно полезных целей без извлечения прибыли[126].

Культурное наследие Германии включает в себя объекты немецкой национальной культуры, а также духовные достижения прошлого и памятники истории, которые имеют национальное и общемировое значение для будущих поколений. Его специфика обусловлена федеративным устройством немецкого государства, состоящего из шестнадцати земель. В древности на его территории

---

[125] Литвинова О.Г., Романова Л.С. Зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия // Вестник ТГАСУ. – 2009. – № 1. – С. 79.

[126] Гайдаенко Шер Н.И. Охрана национального, археологического, художественного и исторического достояния в Италии // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 73.

проживали различные этнические группы, культура которых оказала влияние на развитие народного творчества, а также музыку и архитектуру. Общемировое значение имеют такие достижения немецкой культуры, как первая печатная Библия Иоганна Гуттенберга, сказки братьев Гримм, литературное наследие И. Гёте, девятая симфония Бетховена, патент на первый в мире автомобиль, полученный Карлом Бенцем, и др. Более пятидесяти объектов культуры, находящихся на территории Федеративной Республики Германии, значатся в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В Германии охрана немецкого культурного достояния относится к совместному ведению федеральной власти и отдельных земель, имеющих своё законодательство. Из федеральных основными являются два закона – «О защите немецкого культурного достояния от вывоза за границу» (1955) и «О возврате неправомерно изъятых культурных ценностей» (1999). Что касается детальной организации охраны памятников, то она регулируется законами земель[127].

В отличие от стран Запада, Япония стала формировать свою систему сохранения культурного наследия сравнительно недавно. Только в 1950 г. в ней был принят Закон об охране культурных ценностей, объединивший в себе принятые ранее положения об охране исторических, живописных территорий и памятников природы, а также о сохранении зданий и предметов, которые имеют национальную ценность. В японское законодательство были введены два новых понятия – «объекты нематериальной культуры» и «объекты народной культуры». Наконец, культурное наследие, охраняемое государством, подразделяется на важные объекты культуры и национальные сокровища. К национальным сокровищам в Японии относят шедевры, которые сопоставимы с мировыми образцами высочайшего уровня и обладают непревзойдёнными достоинствами. При этом понятие национального сокровища применяют также к людям, которые считаются носителями уникальных навыков и хранителями нематериального наследия Японии.

---

[127] Власов И.С. Охрана исторических памятников в Германии // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным нау-кам РАН, 2005. – С. 43-58.

С 60-х годов деятельность по охране культурных ценностей стала распространяться и на объекты градостроительства, включая целые города. В 1964 г. был принят закон о сохранении древних японских столиц, которыми являются Нара, Киото и Кумакура. В 8 в. столицей Японии была Нара, с основания которой берёт начало её государственность. После переноса столицы она стала центром буддийской культуры, а её развитие замедлилось. Со второй половины 20 в. благодаря туризму Нара опять стала активно развиваться, сделав актуальной проблему восстановления её культурного облика. В 12-14 вв. столицей Японии была Кумакура, считающаяся в ней одним из древнейших городов. К её достопримечательностям относятся около двухсот буддийских и синтоистских храмов, а также вторая по величине статуя Будды (первая находится в Наре). До середины 19 в. столицей Японии был город Киото, в котором располагалась главная резиденция императора. Он считается основным культурным центром Японии, насчитывающим около двух тысяч буддийских и синтоистских храмов. После принятия закона о сохранении древних японских столиц на местах зародилась инициатива, согласно которой под охрану стали брать группы или даже целые комплексы исторических зданий.

В 1992 г. Япония присоединилась к Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, целью которой является выявление в мире исключительных объектов и обеспечение их охраны посредством международного сотрудничества. В Список всемирного наследия включены четырнадцать японских объектов – одиннадцать культурных и три природных. Согласно законодательству, к культурному достоянию Японии относятся материальные культурные ценности, нематериальные культурные ценности, народное культурное достояние, памятники, культурные ландшафты, комплексы традиционных построек, а также подземные культурные ценности[128].

Одной из древнейших в мире является китайская культура, история которой насчитывает несколько тысяч лет. Так, только письменными

[128] Конькова Л.В., Шихова А.Е. Опыт сохранения культурного наследия в Японии. Национальный исследовательский институт культурных ценностей Нара // Вопросы музеологии. – 2023. – Т. 14. Вып. 2. – С. 293.

источниками охвачено не менее 3 500 лет китайского прошлого. В последние годы в Китае всё большее внимание уделяется нематериальной культуре, которая рассматривается как его духовная опора.

Согласно китайскому законодательству, к нематериальному культурному наследию относятся устные традиции и формы выражения, традиционные изящные искусства, традиционные ремёсла, традиционные обряды и празднества, а также традиционные виды спорта и развлечений. Специалисты выделяю ряд особенностей, которые имеет нематериальное культурное наследие Китая. Первой из них является неосязаемость нематериального культурного наследия, которая заключается в том, что его объекты не занимают материального пространства, могут их только почувствовать. Во-вторых, нематериальное культурное наследие характеризуется преемственностью. Оно накапливается исторически, а воспроизводится из поколения в поколение. В-третьих, нематериальное культурное наследие имеет созидательный характер. Его объекты являются результатом деятельности человека, предполагающей поддержку со стороны государства. В-четвёртых, нематериальное культурное наследие отличается определённой неустойчивостью и подвижностью, обусловленной конкретно-историческими условиями. Поскольку его существование в значительной степени зависит от субъективных факторов, оно оказывается довольно хрупким. Наконец, нематериальное культурное наследие характеризуется эластичностью и адаптивностью. Его объекты постоянно изменяются, а в их содержание привносятся новые элементы[129].

Правовую основу сохранения культурного наследия в Китайской Народной Республике образует «Закон КНР об охране памятников культуры», принятый в 1982 г. В нём сформулированы принципы, касающиеся неперемещаемых культурных ценностей, археологических раскопок, музейных коллекций, а также ввезения и вывоза памятников и пр. В Китае насчитывается около 400 тысяч памятников культуры, включая подземные захоронения,

[129] Цзи Юешэн. Охрана нематериального культурного наследия как приоритет государственной политики КНР // Вестник МГЛУ. – 2016. – Выпуск 2 (741). – С. 328.

которые находятся под охраной государства, а также провинций, городов и уездов. В 1985 г. КНР ратифицировала Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, которая была принята ООН в начале 70-х годов. Двадцать древних памятников китайской культуры, которые имеют мировое значение, находятся под защитой ЮНЕСКО[130].

Во всех зарубежных странах существует своя система сохранения культурного наследия, которая отражает особенности их исторического развития, политического и социально-экономического устройства, специфику культуры, а также заинтересованность государства и общества в её сохранении для последующих поколений. Наиболее значительные результаты в сохранении культурного наследия достигнуты в тех странах, которые уделяют серьёзное внимание исторической и юридической культуре населения, а также приобщению с детства к изучению истории и культуры своей страны. Сохранение культурного наследия способствует лучшему пониманию собственной истории, а также осознанию национальной идентичности, без которых невозможно экономическое благополучие и эффективное развитие государства.

Сохранение культурного наследия является важной проблемой, которая стоит перед всеми странами мирового сообщества. Особое положение среди этих стран занимает Россия, в которой в силу присущего ей правового нигилизма, а также изменений государственно-политического устройства сложилась специфическая ситуация, проявившаяся в деструктивном внедрении новой застройки в историческую среду. Россия подошла к той черте, когда сохранение культурного наследия вошло в сферу её национальной безопасности. Поэтому знакомство с зарубежным опытом сохранения культурного наследия, в котором находит своё отражение деятельность государственных и коммерческих

[130] Мэнь Хунсинь, Цзинь Цзэхао, Ляо Юньминь. Сохранение и наследование древних памятников в регионе Хэйхэ // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13. – № 11А. – С. 104.

структур, а также общественных организаций, может оказаться полезным для неё[131].

Отечественный опыт сохранения культурной памяти. Систематическая деятельность по сохранению памятников культуры начала осуществляться в России с 18 века, однако интерес к ним можно обнаружить и в предшествующие столетия. Так, после похода на Корсунь, где князь Владимир принял христианство, он привёз в Киев мощи святого Климента, а также церковные сосуды и иконы, положив начало собиранию культовых реликвий. В Древней Руси с почтением относились к старинным иконам, которые считались особыми реликвиями, а также к церковным колоколам.

Огромную роль в сохранении письменных памятников сыграли церкви и монастыри, при которых существовали книгописные мастерские, получившие название скрипториев. Благодаря деятельности этих мастерских, в которых переписывались греческие и латинские рукописи, а также произведения русских авторов, существовавший книжный фонд постоянно пополнялся. Самой древней из сохранившихся рукописных книг является Остромирово Евангелие, написанное в Новгороде в 1056-1057 гг. Всего же до настоящего времени сохранилось около тысячи рукописных книг 11-13 веков, написанных глаголицей и кириллицей на пергаменте[132].

В 16 в. зародилась традиция собирать и хранить в царских покоях, а также в домах знати различные раритеты, среди которых большое место занимали кубки, чаши, столовая посуда и другие произведения декоративно-прикладного искусства, выполненные европейскими и восточными мастерами. В следующем веке начинает проявляться практический интерес государства к археологическому наследию, к которому относились валы, каменные изваяния, курганы и пр. Однако часто он приводил не только к повреждению, но и к уничтожению археологических объектов. Дело в том, что земля из древних поселений была насыщена разложившейся органикой, служившей для

[131] Литвинова О.Г., Романова Л.С. Зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия // Вестник ТГАСУ. – 2009. – № 1. – С. 74-75.
[132] История книги / ред. А.А. Говоров, Т.Г. Куприянова Т.Г. – М.: Светотон, 2001. – С. 109.

получения селитры, которая в свою очередь требовалась для изготовления пороха.

В 17-18 вв. в Сибири приобрело огромный размах кладоискательство, приводившее к разграблению курганов. Оно стало своего рода профессией, которой могли заниматься несколько поколений семей. Из вещей, найденных в древних курганах, изготовляли серебряные сабли, а центром их торговли стал Красноярск. Масштабы кладоискательства были настолько велики, что обратили на себя внимание власти. По мнению специалистов, опирающихся на исторические документы, интерес власти к памятникам старины был связан не столько с желанием их сохранить, сколько с желанием выявить источники драгоценных металлов[133].

Кардинальные изменения в жизни российского общества и государства были связаны с именем Петра I, новаторские идеи которого коснулись и сохранения памятников культуры. В конце 17 в. во время своего первого посещения Англии и Голландии он познакомился с кабинетами редкостей (или кунштов), предназначенных для размещения и хранения естественнонаучных экспонатов, а также разнообразных древних, редких и курьёзных вещей как природного, так и рукотворного происхождения. В 1714 г. по указу Петра I была создана Кунсткамера, представлявшая собой исторически первый публичный музей в России. Этот указ предписывал всем губерниям и городам приносить для её пополнения найденные в земле или воде необыкновенные вещи, а также родившихся уродов, за доставку которых предусматривалось денежное вознаграждение до ста рублей. По существу он был первым законодательным актом, который регламентировал порядок обращения с древностями в Российской империи. Кунсткамера содержит уникальную коллекцию старинных предметов, которые показывают историю и быт различных народов, хотя многим она известна своими анатомическими редкостями и аномалиями.

---

[133] Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – С. 17.

В отличие от Петра I, его преемники до Екатерины II уделяли не слишком много внимания сохранению памятников старины. Во второй половине 18 в. в Северном Причерноморье были организованы раскопки археологических памятников, а собранные в их ходе коллекции древностей императрица распорядилась поместить в Кунсткамере. Во времена Екатерины II были изданы распоряжения, которые регламентировали охрану письменных памятников и архивных документов. Специальные указы регламентировали передачу документов из ликвидированных учреждений в Государственный архив старых дел, который был создан в Москве[134].

С середины 18 в. русская аристократия стала проявлять интерес к коллекционированию произведений искусства, которые в основном приобретались за границей. Предметами коллекционирования становились картины, гравюры, скульптуры, мебель, а также художественная бронза и фарфор. В Санкт-Петербурге стали регулярно проводиться аукционы и распродажи, которые способствовали пополнению частных коллекций. Сама Екатерина II приобретала картины старых мастеров и заказывала их современным художникам, сделав первый шаг к формированию живописных работ будущего Императорского Эрмитажа (с 1917 г. – Государственного Эрмитажа). Её коллекция, состоявшая в основном их работ художников голландско-фламандской школы первой половины 17 в., послужила основой, на которой сформировался музей.

Поскольку в 18 в. архитектурные объекты в России не имели никакой законодательной защиты, обычным делом было бесконтрольное разрушение и перестройка старых зданий. Существовал даже проект полной реконструкции территории Московского Кремля, предполагавший уничтожение части старинных построек. Работы по его реализации начались в 1773 г., но через два годы были прекращены, поскольку Екатерине II проект не нравился. Памятники архитектуры разрушались на территории Северного Причерноморья, которое

[134] Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917) // Труды Научно-исследовательского института музееведения. Вып.1. История музейного дела в СССР: сборник статей. – М., 1957. – С. 73-128.

стало частью Российской империи. Для сооружения военных и гражданских объектов источников строительным материалом служили развалины античных и средневековых городов, которые в большом количестве встречались на этой территории. В конце 18 в. Павел I был вынужден разрешить жителям Феодосии и Евпатории разбирать останки древних зданий, чтобы использовать их на строительные нужды.

Характеризуя охрану памятников культуры в России второй половины 18 в., специалисты отмечают её неоднозначность. С одной стороны, многое делалось для сохранения письменных памятников и архивных документов, а также дл пробуждения общественного интереса к объектам культурного наследия. С другой стороны, памятники архитектуры и другие объекты материальной культуры переделывались, исправлялись и даже ломались, истребляясь без всякой пощады[135].

В начале 19 столетия внимание историков привлекали прежде всего древности Сибири, Северного Причерноморья и Крыма, освоение которого стимулировало повышенный интерес к памятникам античности. В 1805 г. распоряжением Александра I было запрещено разрушать и расхищать исторические памятники в Крыму, однако оно исполнялось. В 1822 г. на основе доклада академика Е.Е. Кёллера, известного своими работами в области археологии и нумизматики, был разработан императорский указ «О сохранении памятников древности в Крыму». В этом указе впервые в российском законодательстве говорилось о выделении государственных средств для охраны памятников старины, а также указывались государственные учреждения, которые впредь будут ею заниматься. К этим учреждениям относились Министерство внутренних дел, Министерство духовных дел и народного просвещения, Академия наук и Академия художеств.

Начало 19 столетия в России было отмечено возникновением научных исторических обществ, членами которых становились люди, переживающие за

---

[135] Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – С. 27.

разыскание и сохранение предметов старины. Одним из них было Общество истории и древностей российских, созданное в 1804 г. при Московском университете. В первой половине 19 в. стали возникать различные музеи, имевшие своей целью сохранение и изучение российских древностей. Из них одним из крупнейших был Румянцевский музей, открытый в 1828 г. по завещанию графа Румянцева. Согласно этому завещанию, часть домов графа в Санкт-Петербурге вместе с обширной библиотекой, а также коллекциями рукописей, монет, минералов и произведений искусства передавалась Министерству народного просвещения для всеобщего пользования. Общество истории и древностей российских и Румянцевский музей положили начало повсеместному возникновению во второй половине 19 в. археологических и исторических обществ, уставы которых предусматривали не только изучение памятников старины, но и принятие мер к их сохранению[136].

Большой ущерб историко-культурному наследию России нанесла Крымская война, представлявшая собой глобальный военный конфликт между Российской империей, с одной стороны, и коалицией в составе трёх империй – Британской, Французской и Османской, а также Сардинского королевства – с другой. В её ходе были разрушены или повреждены библиотеки, музеи и другие учреждения культуры, погибли ценные архивы и утрачены археологические коллекции. Многие исторические памятники были повреждены в результате артиллерийских обстрелов, а также сооружения военных объектов. В Севастополе, Керчи и других оккупированных районах Крыма представители коалиции проводили археологические раскопки, которые были охарактеризованы специалистами как грабительские, а для пополнения своих музеев вывозили культурные ценности.

Во второй половине 19 в. были предприняты первые попытки законодательно защитить объекты историко-культурного наследия, которые в условиях военных действий подвергаются угрозе уничтожения. Так, в 1874 г. по

[136] Старостина Ю.Н. Правовое регулирование охраны памятников культуры в России в XVIII – начале XX вв. // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 2 (37). – С. 22.

инициативе России была созвана Брюссельская конференция, которая содержала правила, направленные на сохранение таких объектов. В 1899 г. состоялась Первая Гаагская конференция мира, разработавшая Конвенцию о законах и обычаях сухопутных войн, а в 1907 г – Вторая Гаагская конференция, которая приняла «Положения о законах и обычаях сухопутных войн». Ряд статей этого положения обязывали воюющие стороны принимать меры против уничтожения памятников истории, а также культурных, научных и религиозных учреждений[137].

После Октябрьской революции советская власть приняла меры по охране культурных ценностей, создав новую систему руководящих музейных органов. Однако уже в начале 20-х годов её практическая деятельность стала расходиться с теми теоретическими положениями, которые были провозглашены ею первоначально. Расхождение между теорией и практикой проявлялось в том, что национальные богатства рассматривались с чисто коммерческой точки зрения. Проводимая в стране политика способствовала установлению государственной монополии на предметы музейного значения, проявлявшейся в неограниченном праве Советской власти распоряжаться ими. В 1922 г. широко осуществлялась продажа предметов музейного значения, о масштабах которой достоверных сведений не сохранилось, но сам её факт не подлежит сомнению. Подтверждением этого факта служит Постановление ВЦИК «О передаче Отделу по делам музеев и охране памятников искусства и старины части сумм, вырученных от продажи музейных ценностей», принятое 9 февраля 1922 г.

Осуществив огосударствление памятников истории и культуры, Советская власть возложила на себя обязанность по их сохранению. Однако политика, проводимая ею по отношению к объектам культурного наследия, была в известном смысле противоречивой. Одним из проявлений её противоречивости было увеличение экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства, которое отмечалось в первые десятилетия советской власти. При этом музейные ценности не только продавались, но и уничтожались. Речь идёт об

[137] Богуславский М.М. Судьба культурных ценностей. – М.: Юристъ, 2006. – С. 67-70.

объектах культурного наследия, которые не отвечали классовым интересам пролетариата. Так, иконостас Малой церкви Зимнего дворца, созданный в 1838 г. по проекту архитектора Стасова, был снят и уничтожен, поскольку Музей города отказался принять его к себе[138].

Характерной особенностью советской системы охраны культурного наследия было то, что на законодательном уровне она оформилась довольно поздно. С 50-х до 70-х годов она регулировалась в основном нормативными документами Совета Министров Российской Федерации, Министерства культуры и других ведомств. Конституционно-правовые основы охраны памятников культуры были закреплены в Конституции (Основном законе) СССР, принятой в 1977 г. Определяя охрану историко-культурного наследия как одно из важнейших направлений деятельности государства, Конституция 1977 г. закладывала основы государственной политики в сфере культуры. Нормативно-правовые основы охраны памятников культуры были заложены в Законе СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятом в 1976 г. Этот закон стал первым общесоюзным законодательным актом, касающимся регулирования общественных отношений в сфере сохранения историко-культурного наследия[139].

В Советском Союзе охрана объектов культурного наследия основывалась на жёсткой системе исполнительной власти, а также централизованном государственном финансировании их реставрации и содержания. В наследство от Советского Союза новой России досталось весьма проработанное и стройное законодательство, касающееся охраны памятников истории и культуры. Колоссальные экономические и социальные изменения в России, произошедшие за последние 30 лет, потребовали коренной модернизации этой системы. Базовым законодательным актом в сфере сохранения культурного наследия на современном этапе развития страны является Федеральный закон «Об объектах

---

[138] Качалова В.Г. Проблемы охраны культурного наследия в СССР в 20–30 годы // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2017. – № 4 (64). – С. 122.
[139] Стравинскас В.В. Советское законодательство по охране историко-культурного наследия: дис. … канд. юр. наук / В.В. Стравинскас. – Нижний Новгород, 2007. – 176 с.

культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г.

В современном мире происходят изменения, которые затрагивают не только отношения между государствами, но и общечеловеческие ценности. С одной стороны, человечество достигло высокого уровня социально-экономического и технологического развития, а с другой – оно столкнулось с угрозой потери устойчивых моральных принципов и духовно-нравственных ориентиров. Всё более разрушительному воздействию подвергаются религиозные устои, семейные ценности, институт брака, а также другие культурные и моральные нормы, относящиеся к разряду базовых. При этом осуществляется пропаганда вседозволенности, абсолютизируется свобода личности, насаждается культ насилия и легализуется употребление наркотиков. Обостряются межнациональные и межконфессиональные отношения, порождая вражду и ненависть между народами.

Ревизия базовых моральных норм, а также психологическое манипулирование наносят ущерб нравственному здоровью человека, поощряя деструктивное поведение в обществе и создавая условия для его саморазрушения. Современный мир характеризуется увеличением разрыва между поколениями, а также нарастанием проявления национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма. В силу сложившихся обстоятельств перед Российской Федерацией встала задача модернизировать Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 года, утверждённую в 2016 г. и изменённую в 2018 г.

11 сентября 2024 г. своим распоряжением Правительство Российской Федерации утвердило новую Стратегию государственной культурной политики, рассчитанную на период до 2030 года. Задачами, которые стали основой для разработки новой Стратегии государственной культурной политики, являются сохранение традиционных духовных и нравственных ценностей, защита исторической памяти и уникального наследия народов России, а также создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала. В

качестве приоритетных направлений реализации Стратегии государственной культурной политики в документе Правительства Российской Федерации указаны стимулирование и поощрение культурной деятельности, развитие многоуровневой системы подготовки творческих кадров, создание условий для всестороннего развития и творческой самореализации личности, а также стимулирование просветительской и патриотической работы среди молодёжи на базе музеев, клубов и культурных центров. Наконец, приоритетами государства в области культуры являются сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия России, а также обновление и развитие учреждений культуры во всех крупных и малых городах и сёлах[140].

Мотивы разрушения культурной памяти. Объекты культуры, оставляемые старшим поколением в качестве культурного наследия, не всегда принимаются полностью последующими поколениями. Одни из них безоговорочно принимаются, другие – столь же безоговорочно отвергаются, а третьи – бездарно расходуются в силу различных причин, к которым можно отнести неопытность, неумение или просто разгильдяйство. В истории человечества мы находим множество примеров того, как различные культуры не могут мирно уживаться друг с другом. Так, в эпоху Средневековья христианство уничтожало варварскую культуру европейских народов, а в Новое время – индейскую культуру, создававшуюся столетиями коренными жителями Америки. Любая война сопряжена с уничтожением не только армий враждующих сторон, но и населения участвующих в ней государств, а также памятников культуры.

Мотивы, которыми руководствуются отдельные люди, социальные группы и общество в целом в деле сбережения природного и культурного наследия, более или менее понятны. К ним можно отнести понимание экономической важности такого наследия, боязнь причинить себе вред уничтожением тех раритетов, которым приписывается сакральная роль, поддержание памяти о прошлом посредством сохранения каких-то старых предметов, доказательство

[140] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. [электронный ресурс]. – URL: http://static.government.ru/media/files/jIx0zkwFvU0sCnXIQTwpZO0RqTMMVL7v.pdf

исконности своих корней, принадлежности к определённому роду или классу и других появлений своей исключительности, демонстрация своего богатства и своей мощи, а также понимание экономической целесообразности сохранения и демонстрации реликвий как средства поддержания жизнедеятельности малых городов, монастырей и храмов[141].

Если мотивация в пользу сохранения культурной памяти представляется вполне убедительной, то возникает вопрос, кто и почему её разрушает? Как и в случае сохранения культурной памяти, можно привести мотивы, которыми руководствуются разрушители объектов культурного наследия, а следовательно и культурной памяти. Основные из этих мотивов представляют собой следующее.

Разрушение культурной памяти может быть связано со сменой идеологических установок, которая влечёт за собой изменение представлений о необходимости следовать тем или иным идеалам и сохранять соответствующие предметы, наделяемые общественно-значимым смыслом. Так, пока христианство не заняло ведущие позиции в римском обществе, его реликвии уничтожались язычниками («гонения на христиан»). Однако после того как оно стало государственной религией Римской империи, ситуация изменилась прямо противоположным образом. Капища, идолы, амулеты и другие атрибуты языческих религий стали объектами уничтожения со стороны христианства, а в дальнейшем и мусульманства. С фактами уничтожения памятников культуры из идеологических соображений мы сталкиваемся и в наше, цивилизованное время. В 2001 г., вопреки протестам мировой общественности, включая мусульманские стран, представители исламистского движения Талибан уничтожили в Баминской долине Афганистана две гигантские статуи Будды, датируемые шестым веком нашей эры, считая их языческими идолами.

Разрушение культурной памяти может происходить в ходе войн и военных конфликтов, когда воюющие стороны не всегда имеют возможность обеспечить

[141] Варламова Т.Н., Иванова И.Ю. Сохранение и использование культурного наследия (Охранные технологии в социально-культурной сфере). – М.: РГСУ, 2013. – С. 30.

сохранность памятников культуры, даже если они осознают их важность. Культурным ценностям угрожают стихийные бедствия, незаконные археологические раскопки, акты вандализма, естественное старение и другие негативные факторы. Однако наибольшую опасность для них представляют вооружённые конфликты, в ходе которых их могут не только повредить или разрушить, но и продать на чёрном рынке с целью финансирования различных преступных организаций. Беженцы из стран, вовлечённых в вооружённые конфликты, часто забирают с собой предметы истории и культуры для перепродажи, которая ведёт к рассредоточению культурных ценностей, оказывающихся недоступными для населения.

По мнению специалистов в области международного права, в настоящее время главной целью экстремистов является не просто разграбление и уничтожение музеев и памятников культуры, а уничтожение всего культурного наследия, имеющее своим результатом стирание идентичности и культурных маркеров. В научном языке широко используется понятие «культурная чистка», которое часто отождествляется с понятием «культурный геноцид». При этом оно означает не только преднамеренное уничтожение культурных объектов, но и нарушение таких прав человека, как преследование по этническим или религиозным признакам, нападение на журналистов, разрушение школ и т. д. Таким образом, происходит не уничтожение каких-то элементов материальной или духовной культуры, а отрицание культуры как социального феномена, необходимого для нормального развития как отдельного человека, так и человечества в целом[142].

Разрушение культурной памяти имеет место в периоды социальных реформ и революций, когда уничтожаются материальные предметы как символы того класса, против которого направлены выступления других слоёв общества. Реформы Петра I, стремившегося установить в России европейские стандарты во всех сферах общества, включая повседневную жизнь, сопровождались

[142] Егоров С.А., Анисимов И.О. «Культурная чистка» и защита культурных объектов в период вооружённых конфликтов // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2019. – № 6. – С. 5.

уничтожением всего, что не соответствовало им. Быт, одежда, семейные отношения и другие ценности традиционной русской культуры уходили в прошлое, а им на смену приходили ценности, которые в течение столетий утверждались в европейских странах. Для многих людей из различных слоёв российского общества отказ от традиционных ценностей давался крайне нелегко, а порой оборачивался даже личной трагедией. История России и других стран, прошедших через революционные потрясения, даёт множество примеров уничтожения материальных ценностей. Однако сожжённые усадьбы, а также уничтоженные библиотеки, коллекции произведений искусства и другие культурные объекты были направлены не столько против культуры как таковой, сколько против их владельцев, которые символизировали прежние общественные отношения, приведшие к социальному взрыву.

Разрушение культурной памяти может быть связано не только с военными событиями или социальными потрясениями, но и с такими мирными явлениями, как хозяйственные преобразования. Примерами таких преобразований может служить строительство новых дорог, промышленных предприятий, водохранилищ, гидроэлектростанций, аэродромов, каналов и других вполне мирных объектов, без которых трудно себе представить жизнь современного государства. С другой стороны, при строительстве таких объектов может быть нанесён урон не только природе, но и культуре. Так, создание в начале 60-х годов Шекснинского водохранилища в Вологодской области сопровождалось затоплением 25 тысяч гектаров земли и переносом почти 8 тысяч строений[143]. На территории, которая оказалась затопленной при наполнении этого водохранилища, находится Церковь Рождества Христова в Крохине, построенная в конце 18 – начале 19 в. в стиле позднего барокко.

Причины, приводящие человека к разрушению культурной памяти, могут иметь психологическую природу. Так, у человека могут возникнуть чувства горечи, отчаяния или разочарования, связанные с несбывшимися ожиданиями.

[143] Дворецкая М.И., Жданова А.П., Лушников О.Г., Слива И.В. Возобновляемая энергия. Гидроэлектростанции России. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, 2018. – С. 114.

Они могут вызвать у него желание уничтожить свидетельства того, что напоминает ему о прежней жизни. Более того, чувство мести обманутого человека может привести его к уничтожению ценностей, которые ассоциируются у него причиной создавшейся ситуации.

Классическим примером психологической причины разрушения культурной памяти является поджёг храма Артемиды, совершённый Геростратом из желания прославиться. По свидетельству историка Феопомпа и других античных авторов, в 356 г. до н. э. житель Эфеса Герострат сжёг в своём родном городе храм Артемиды, который считался одним из Семи чудес света античного мира. Во время пытки он сознался, что поджёг этот храм для того, чтобы его имя помнили потомки. Жители Эфеса не только приговорили Герострата к смертной казни, но и постановили никогда больше не упоминать его имя. Однако Феопомп и другие античные авторы сохранили для потомков его имя, ставшее синонимом человека, который прославился разрушением того, что создано другими.

Часто люди не могут оценить значение тех или иных объектов культуры в силу того, что у них недостаточно высокий уровень грамотности или даже уровень культуры. Не будучи в состоянии дать адекватную оценку тем или иным памятникам культуры, они начинают пренебрежительно относиться к ним, не останавливаясь даже перед их разрушением. Люди обычно разрушают то, что им не понятно и не оценено ими, находясь за горизонтом их культурного развития[144].

В качестве примера разрушения культурной памяти в силу низкой культуры и плохого воспитания молодых людей можно привести погромы скульптур Летнего сада в Санкт-Петербурге, которые происходили ещё в дореволюционные времена, а новую силу приобрели уже в начале 21 столетия. Памятник садово-паркового искусства первой трети 18 в., известный под названием Летнего сада, был заложен по распоряжению Петра I в 1704 г. Его

[144] Варламова Т.Н., Иванова И.Ю. Сохранение и использование культурного наследия (Охранные технологии в социально-культурной сфере). – М.: РГСУ, 2013. – С. 24.

скульптурное оформление насчитывает 92 предмета, большая часть которых была выполнена итальянскими мастерами конца 17 – начала 18 в. Ещё до революции в Летнем саду устраивались погромы, в которых участвовали курсанты, абитуриенты, а также различного рода неудачники. В наше время проявления вандализма не исчезли: в 1979 г. на землю были сброшены 11 скульптур и бюстов, а в 2003 г. объектом нападения злоумышленников стала статуя Минервы, у которой было оторвано копьё. Наконец, самый страшный погром скульптур Летнего сада был устроен неизвестными преступниками в октябре 2007 г., когда неизвестные преступники сбросили на землю с постаментов 8 скульптур. После него администрация объявила, что в связи с участившимися случаями вандализма по отношению к скульптурам доступ к ним закрыт[145].

Новейшая история знает немало примеров уничтожения или повреждения картин в музеях как в нашей стране, так и за рубежом. В 1885 г. религиозный фанатик облил соляной кислотой картины Василия Верещагина «Воскресение Христово» и «Святое семейство», выставленные в одном из музеев Вены. К счастью, полотна пострадали незначительно. Меньше повезло картине Ильи Репина «Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 года», на которую в 1913 г. в Третьяковской галерее старообрядец Абрам Балашов с криком «Довольно крови!» набросился с ножом и серьёзно повредил её. В 1985 г. в Эрмитаже литовец Бронюс Майгис совершил нападение на картину Рембрандта «Даная», несколько раз ударив её ножом, а затем плеснув в неё кислотой. Реставрация этой картины заняла более десяти лет, почти её треть была всё же утрачена. В 2022 г. в римском дворце Палаццо Бонапарте было совершено нападение на картину Ван Гога «Сеятель», которую три представителя радикального экологического движения «Последнее поколение» облили овощным супом. К счастью, эта

[145] Неизвестная драма Летнего сада [электронный ресурс]. – URL: https://lgz.ru/article/neizvestnaya-drama-letnego-sada/

картина сильно не пострадала и через несколько дней снова заняла своё мест в экспозиции[146].

Завершая обзор мотивов, которыми руководствуются люди, разрушающие культурную память, укажем на моду и изменение стилевых предпочтений, всегда оказывающих влияние на изменение вкусов как отдельных людей, так и целых социальных групп. Как показывает история культуры, то, что раньше удовлетворяло эстетическим потребностям людей, с изменением моды и стилевых предпочтений становится ненужным, оказываясь обычно на помойке. Так, в результате эволюции стиля эпохи Возрождения в 16 в. в Италии возник стиль барокко, развивавшийся в европейских странах два последующих столетия. По сравнению с предшествующей эпохой изменилось отношение к мебели, которая была исключительно роскошной и украшенной деталями, создававшими эффект изобилия и изящества. В барокко мебель стала считаться не только предметом первой необходимости, но и предметом искусства, служившим статусным символом её владельца[147]. Однако по завершении эпохи барокко вкусы европейцев, прежде всего немцев и австрийцев, переключились на мебель в стиле бидермайер. Эта мебель входит в моду в 1815 г., когда после наполеоновских войн в Европе установилось относительное затишье, и вышла из моды до революционных событий в Германии, начавшихся в 1848 г. С появлением на рубеже 19-20 вв. стиля модерн она практически исчезла, как прежде исчезла мебель в стиле барокко.

[146] Ревяко Т.И. Преступления в мире искусств. Грабежи, кражи, фальсификации. – Мн.: Литература, 1998. – 640 с.
[147] Гарин В.А. История мебели в стиле барокко // Лесотехнический журнал. – 2014. – № 2. – С. 146.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе исследования, проведённого в диссертации, можно сделать следующие выводы:

1. Ещё в 17 в. С. фон Пуфендорф высказал идею, согласно которой природа как дикая стихия противопоставляется культуре, понимаемой как плоды человеческой деятельности. В дальнейшем культура стала пониматься как такая сторона жизни общества, которая связана с деятельностью людей, отличая их бытие от существования животных. В 60-е – 80-е годы прошлого столетия в отечественной философии наблюдался повышенный интерес к проблемам культуры, названный впоследствии культурологическим бумом. Для первого поколения советских культурологов исходным стало понимание культуры как деятельности, которое в значительной степени определило своеобразие рождавшейся в нашей стране культурологической мысли. Согласно этому пониманию, практическая деятельность людей, связанная с производством материальных и духовных благ, не только является основанием человеческого и общественного бытия, но и создаёт культуру. Во второй половине 20 в. рядом исследователей была высказана идея, что все человеческие культуры имеют общие черты. Одной из таких черт, получивших название культурных универсалий, является память.

2. Хотя термин «память» имеет множество значений, которые различаются в зависимости от контекста его употребления, в самом общем смысле он используется для обозначения способности сохранять, накапливать и воспроизводить хранящуюся информацию, а также механизма её обеспечения. Новаторский подход к изучению памяти был предложен М. Хальбваксом, который полагал, что память отдельных индивидов и их групп социально обусловлена. Человек способен к воспоминаниям, поскольку его мышление принадлежит к коллективной памяти, которая заключена в социальные рамки. Отталкиваясь от идей М. Хальбвакса, Я. Ассман выделил четыре формы коллективной памяти – миметическую, предметную, коммуникативную и

культурную. Центральное место в его исследованиях занимает культурная память, связанная с передачей смысла. Её особое положение среди форм коллективной памяти определяется тем, что она связана с проблемой идентичности, которая является одной из ключевых социально-философских проблем современности.

3. Значение культурной памяти заключается в том, что она позволяет нам хранить и передавать исторический опыт, а также формировать коллективную память, коллективные стереотипы и личную идентичность. В дописьменной культуре возникли такие формы сохранения культурной памяти, как обряд и праздник. Благодаря регулярному повторению обрядов и праздников обеспечивается передача и распространение знания, которое закрепляет культурную идентичность. Возникнув в дописьменной культуре, обряд и праздник продолжают существование и в современном обществе, культура которого является не только письменной, но и информационной. Наряду с ними существуют и другие формы сохранения культурной памяти, основными из которых можно считать исследование и изучение культурных артефактов, сохранение и реставрацию исторических мест и памятников, передачу знаний и традиций с помощью образования, а также сохранение устной традиции и рассказов.

4. В 60-е годы прошлого столетия появился термин «информационное общество», основными признаками обозначаемого им общества были признаны особая роль знаний и связанных с ним технологий, доминирование в нём информации, уменьшение доли материального производства в пользу сферы услуг, а также значительное повышение качества жизни. В результате перехода от индустриального к информационному обществу возникает информационная (или постиндустриальная) культура, основными особенностями которой являются информационная революция, глобализация, культура потребления, культура развлечений, а также индивидуализм и самовыражение. Понятие культурной памяти является продуктом 20 столетия, когда при анализе исторических событий и попытках реконструкции прошлого социологи,

антропологи, демографы и другие представители социально-гуманитарного знания стали всё более широко использовать не только официальные хроники, но и неофициальные документы, нарративы, предметы повседневного быта и т. д. Новые возможности для формирования культурной памяти привнесла в нашу жизнь информационная эпоха, которая ассоциируется прежде всего с созданием социальных сетей.

5. Восприняв традиционные формы сохранения культурной памяти, информационное общество вырабатывает новые, связанные со спецификой его культуры, которая характеризуется динамикой, скоростью перемен, технологичностью, нигилизмом, глобализмом, постмодернизмом и т. д. Такими формами являются создание электронных каталогов и баз данных, интерактивность культурных мероприятий, исторические реконструкции и т. д. Используя информационные технологии, современное общество выработало новые формы сохранения культурной памяти. С другой стороны, сохранение культурной памяти в современном информационном обществе связано с рядом трудностей. К этим трудностям можно отнести перетолкование художественных произведений, возможность не только сохранить, но и потерять культурную память, влияние политических пертурбаций на культурную память и др.

6. Культурная память представляет собой особую форму передачи и актуализации культурных смыслов, которая выходит за рамки опыта отдельных людей или их групп. В её терминах определяется понятие культурно-исторической памяти, означающее память поколений. Хотя в структуре культурно-исторической памяти важное место отводится знанию истории собственного государства, она не сводится только к нему. Культурно-историческая память проявляется также в осмыслении значения исторических событий, осознании роли государства в истории и современном мире, а также в понимании ценности российской культуры и стремлении к её сохранению. Она формирует ощущение сопричастности к прошлому, настоящему и будущему своей страны, позволяя воспринимать её судьбу как свою собственную.

7. Понятие памяти всегда занимало умы учёных и философов, выступая в качестве объекта исследования философии, психологии, культурологи и других областей знания. После того как в начале прошлого столетия возникла идея рассмотрения памяти как социального феномена, она всё чаще стала привлекать внимание представителей социологии. Количество научных исследований, которые прямо или косвенно были связаны с феноменом памяти, непрерывно возрастало. Таким образом, происходило становление специфической области междисциплинарных исследований, в центре внимания которой оказались проблемы идентичности, коллективной памяти, культурного наследия и т. д. В конце 80-х – начале 90-х годов она выделилась в самостоятельную область знания, для обозначения которой используется англоязычное выражение «memory studies», означающее буквально «исследования памяти».

8. Все представители социально-гуманитарного знания, использующие в своих исследованиях понятие памяти, сходятся в том, что его содержанием является способ конструирования людьми своего прошлого. Однако это конструирование может пониматься у них по-разному: одни понимают его как свидетельство людей, переживших какой-то опыт, а другие – как отражение его в книгах, фильмах, монументах и других культурных феноменах. Если память о каком-либо явлении, событии или человеке угасает, то говорят о забвении. Забвение противоположно не памяти, а воспоминанию. Забыть что-то – значит перестать помнить о том, что в течение какого-то времени удерживалось в памяти. С другой стороны, забвение неразрывно связано с памятью. Оно помогает осуществить отбор, в результате которого запоминается лишь то, что полезно, приятно или необходимо.

9. Древнегреческий остракизм является наиболее известным примером бойкота отдельных членов обществам или целых организаций, традиции которого уходят своими корнями вглубь человеческой истории. Современным аналогом остракизма является культура отмены, под которой понимается форма общественного бойкота, имеющего своей целью исключение человека или группы людей из социальных и профессиональных кругов как негативная

реакция на некоторые их действия или высказывания. В настоящее время на Западе предпринимается попытка отменить русскую культуру, включая литературу, музыку, балет, искусство и т. д. Однако отмена русской культуры является не столько культурой отмены, столько деструктивной технологией, направленной на разрыв или по крайней мере на усложнение коммуникаций стран Запада с Россией.

10. В 18 в. в Англии началась промышленная революция, которая в следующем столетии распространилась на другие страны Европы и Соединённые Штаты Америки. Она существенным образом изменило западное общество, поставив перед пережившими её странами проблему сохранения культурного наследия. Во всех зарубежных странах существует своя система сохранения культурного наследия, которая отражает особенности их исторического развития, политического и социально-экономического устройства, специфику культуры, а также заинтересованность государства и общества в её сохранении для последующих поколений. Сохранение культурного наследия способствует лучшему пониманию собственной истории, а также осознанию национальной идентичности, без которых невозможно экономическое благополучие и эффективное развитие государства.

11. Систематическая деятельность по сохранению памятников культуры начала осуществляться в России с 18 века, однако интерес к ним можно обнаружить и в предшествующие столетия. Кардинальные изменения в жизни российского общества и государства были связаны с именем Петра I, новаторские идеи которого коснулись и сохранения памятников культуры. В 1714 г. по указу Петра I была создана Кунсткамера, представлявшая собой исторически первый публичный музей в России. В отличие от Петра I, его преемники до Екатерины II уделяли не слишком много внимания сохранению памятников старины. Начало 19 столетия в России было отмечено возникновением научных исторических обществ, членами которых становились люди, переживающие за разыскание и сохранение предметов старины. Осуществив огосударствление памятников истории и культуры, Советская

власть возложила на себя обязанность по их сохранению. Однако политика, проводимая ею по отношению к объектам культурного наследия, была в известном смысле противоречивой. Характерной особенностью советской системы охраны культурного наследия было то, что на законодательном уровне она оформилась довольно поздно. В Советском Союзе охрана объектов культурного наследия основывалась на жёсткой системе исполнительной власти, а также централизованном государственном финансировании их реставрации и содержания. В наследство от Советского Союза новой России досталось весьма проработанное и стройное законодательство, касающееся охраны памятников истории и культуры. Колоссальные экономические и социальные изменения в России, произошедшие за последние 30 лет, потребовали коренной модернизации этой системы.

12. Разрушение культурной памяти может быть связано со сменой идеологических установок, которая влечёт за собой изменение представлений о необходимости следовать тем или иным идеалам и сохранять соответствующие предметы, наделяемые общественно-значимым смыслом. Разрушение культурной памяти может происходить в ходе войн и военных конфликтов, когда воюющие стороны не всегда имеют возможность обеспечить сохранность памятников культуры, даже если они осознают их важность. Разрушение культурной памяти имеет место в периоды социальных реформ и революций, когда уничтожаются материальные предметы как символы того класса, против которого направлены выступления других слоёв общества. Разрушение культурной памяти может быть связано не только с военными событиями или социальными потрясениями, но и с такими мирными явлениями, как хозяйственные преобразования. Причины, приводящие человека к разрушению культурной памяти, могут иметь психологическую природу. Часто люди не могут оценить значение тех или иных объектов культуры в силу того, что у них недостаточно высокий уровень грамотности или даже уровень культуры. Не будучи в состоянии дать адекватную оценку тем или иным памятникам культуры, они начинают пренебрежительно относиться к ним, не останавливаясь

даже перед их разрушением. К мотивам, которыми руководствуются люди, разрушающие культурную память, относятся мода и изменение стилевых предпочтений.

Рассмотрение культурной памяти как средства аккумуляции коллективных воспоминаний связано с решением множества проблем, некоторые из которых стали предметом исследования, осуществлённого в диссертации. Акцентируя внимание на аксиологическом и морально-правовом аспекте культурной памяти, мы рассмотрели исторические формы сохранения культурной памяти, сохранение культурной памяти в информационном обществе, связь культурной памяти и политики, исследования памяти как область знания, сущность культуры отмены, зарубежный опыт сохранения культурной памяти, отечественный опыт сохранения культурной памяти, а также мотивы разрушения культурной памяти. Однако существуют и другие аспекты культурной памяти, которые упоминаются в литературе, но не стали ещё предметом детального рассмотрения. К ним можно отнести феноменологический, семиотический, герменевтический, конструктивистский и другие аспекты[148]. Как представляется, детальное рассмотрение этих аспектов позволит составит более полное представление о культурной памяти, которая в современном обществе всё чаще служит основным средством поиска идентичности как для самого общества, так и для социальных групп и составляющих их индивидов.

[148] Толкачёва В.А. Подходы к изучению культурной памяти в современных условиях // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 1(25). – С. 247-250.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова В.Н. Культурные ценности и способы их классификации: философско-культурологический аспект // Философия и культура. – 2018. – № 9. – С. 1-5.

2. Айрапетян С.Г. Э.С. Маркарян (1929 – 2011) – основатель армянской культурологической и традициологической школы // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2015. – № 4 (19). – С. 13-19.

3. Акаев В.Х Философские основания культурологической концепции Ю.А. Жданова и В.Е. Давидовича // Гуманитарий юга России. – 2012. – № 2. – С. 225-230.

4. Александров Е. Пакт Рериха и международная охрана памятников истории и культуры. – София: София-пресс, 1978. – 34 с.

5. Алёкминская Г.М. К вопросу о культурной памяти и идентичности в трудах Я. Ассмана // Социологическая наука и социальная практика. – 2022. – № 3 (39). – С. 148-158.

6. Андреева Г.Н. Законодательство о памятниках истории и культуры в Болгарии // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 6-25.

7. Аникин Д.А. Память как социальный феномен // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2007. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 3–9.

8. Аникин Д.А. Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования // Ученые записки Казанского ун-та. 2011. Вып. 153. С. 15–21.

9. Аникин Д.А. Травматизация исторической памяти: европейский проект vs национальный дискурс // Studia gumanitatis. – 2019. – № 4 [электронный ресурс]. – URL: https://st-hum.ru/en/node/854?ysclid=lx3jw0j77863711022

10. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Европа, 2007. – 609 с.

11. Арпентьева М.Р. Историческая память: социально-психологический и историко-культурный смысл // Пивоваровские чтения. Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение: сборник материалов конференции. – Екатеринбург: Деловая книга, 2019. – С. 309-313.

12. Артюшкина В.В. Праздничная культура как способ репрезентации культурной памяти // Вестник МГУКИ. – 2017. – № 5 (79). – С. 138-145.

13. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.

14. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

15. Астанская А.М. Интерактивность в культурном пространстве как способ привлечения аудитории // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 206. – С. 121-131.

16. Ахметшин А.С. Законодательство по охране памятников культуры в России XIX – начала XX вв. и практика его применения // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2013. – № 2 (35). – С. 27–33.

17. Ахметшина А.В. Понятие «историческая память» и её значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – № 38. – С. 11-15.

18. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 240 с.

19. Бакиева Г.А. Философский анализ феномена социальной памяти: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2001.

20. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л.Иноземцева. – М.: Academia, 2004. – 944 с.

21. Бенгардт Д.В. О сущности и ценности культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2 (34). – С. 79-84.

22. Беседина Е.А., Буркова Т.В. Коммеморативные знаки (на примере мемориальных досок) в правовом пространстве регионов Российской Федерации: к постановке проблемы // Гуманитарный научный вестник. – 2018. – №1. – С. 1-12.

23. Богомолов А.Б. Особенности церковного законодательства о сохранении памятников древности России в конце XIX – начале XX века // Вестник Исторического общества. – 2021. – № 1 (6). – С. 51- 68.

24. Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. – М.: Международные отношения, 1979. – 191 с.

25. Богуславский М.М. Судьба культурных ценностей. – М.: Юристъ, 2006. – 2005 с.

26. Большая российская энциклопедия [электронный ресурс]. – URL: https://old.bigenc.ru/

27. Бреусова Е.А., Загорулько А.В. Приоритетные направления в управлении сферой культуры // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 17. – С. 254–256.

28. Буллер А., Линченко А.А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. – 2019. – Вып. 66. – С. 5-18 [электронный ресурс]. – https://roii.ru/r/1/66.1

29. Бурменская Д.Б. Праздник как средство самосохранения социальной группы: автореф. дис. … канд. филос. наук: спец. 09.00.11 / ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского. – Чита, 2011. – 24 с.

30. Быканова А.С. Универсалии в культуре // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2014. – Т. 2. – № 10. – С. 237-238.

31. Быстрова С.П. Истоки философии культуры: Цицерон. – СПб.: Алетейя, 2010. – 133 с.

32. Варламова Т.Н. Культурное наследие как объект социальной защиты. – М.: РГСУ, 2009. – 132 с.

33. Варламова Т.Н., Иванова И.Ю. Сохранение и использование культурного наследия (Охранные технологии в социально-культурной сфере). – М.: РГСУ, 2013. – 280 с.

34. Васильев А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) [электронный ресурс]. – URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/5/memory-studies-edinstvo-paradigmy-mnogoobrazie-obektov.html?ysclid=m479e1e1uz470267931

35. Вертий Ю.М. Понятия забвения и культуры отмены в контексте исследований памяти // Общество: философия, история, культура. – 2024. – Вып. 9. – С. 63-68.

36. Вертий Ю.М. Проблема субъекта и сохранения культурной памяти в постиндустриальном обществе // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2024. – № 1 (52). – С. 19-30.

37. Вертий Ю.М. Становление понятия «культурная память» в трудах Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана: от коллективной к культурной памяти // Вестник МГУКИ. – 2024. – № 2 (118). – С. 63-70.

38. Вестернизация // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1 / под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2010. – С. 388-389.

39. Власов И.С. Охрана исторических памятников в Германии // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 43-58.

40. Власова О.А. Memory studies в горизонте междисциплинарной экспансии и их развитие в истории философии // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 119–125.

41. Власова М.Ф., Селиванова А.С. Зарубежный опыт редевелопмента историко-культурных зданий // Весенние дни науки: сборник докладов

Международной конференции студентов и молодых учёных (Екатеринбург, 22–24 апреля 2021 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2021. – С. 832-836.

42. Волков Ю.Г. Общество и культура: концепции культуры Ю.А. Жданова // Гуманитарий юга России. – 2019. – Т. 8 (37). – № 3. – С. 14-25.

43. Востряков Л.Е. Культурная политика: основные концепции и модели // Экология культуры. Информационный бюллетень. – Архангельск, 2004. – № 1. – С. 79-108.

44. Вшивцева М.Н. Глобализация и глобализм в современном мире: о сущности и природе понятий // Известия УрГУ. – 2004. – № 32. – С. 40-49.

45. Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. – М.: Госюриздат, 1957. – 46 с.

46. Гаврилов Д.А., Гаврилова В.Д. Правовые основы государственной политики памяти в Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 1 (60). – С. 172-180.

47. Гадамер // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1 / под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2010. – С. 474-475.

48. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М: Прогресс, 1988. – 699 с.

49. Гайдаенко Шер Н.И. Охрана национального, археологического, художественного и исторического достояния в Италии // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 59-81.

50. Гарин В.А. История мебели в стиле барокко // Лесотехнический журнал. – 2014. – № 2. – с. 145-154.

51. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

52. Гурьянова М.В. Культурная память в «эпоху моды»: о происхождении «нового» как отличительной черты феномена моды // История и

теория культуры. Альманах. – 2018. – Вып. 2. – М.: Издательство Московского государственного университета. – С. 277-281.

53. Гусева Н.А. Государственные награды: к вопросу об исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2011. – Сер. 12. Вып. 3. – С. 286-292.

54. Дворецкая М.И., Жданова А.П., Лушников О.Г., Слива И.В. Возобновляемая энергия. Гидроэлектростанции России. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, 2018. – 224 с.

55. Дёмин И.В. Проблема исторической идентичности в философии Ф. Анкерсмита // Философская мысль. – 2016. – № 4. – С. 75-88.

56. Демина А.В. Движение исторической реконструкции: пути и решения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 45-48.

57. Домакур О.В. Постиндустриальное общество: структура, признаки, механизм и закономерности формирования // Экономическая наука сегодня. – 2015. – №4. – С. 39-47.

58. Драч Г.В. Культурные императивы: идеи Э.С. Маркаряна // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 1 (69). – С. 58-64.

59. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1979. – 264 с.

60. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. –2018. – Т. 24. № 1. – С. 52-70.

61. Домрин А.Н. Законодательство США об охране памятников национального значения // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 119-134.

62. Домрин А.Н. Охрана памятников истории и культуры в Великобритании // Правовая охрана памятников истории и культуры в

зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 26-42.

63. Доронина С.Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память // Tempus et Memoria. – 2020. – Т. 1. – № 1–2. – С. 36–43.

64. Дробот Г.А. Глобализация: понятие, этапы, противоречия, оценки // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 2. – С. 105-127.

65. Егоров С.А., Анисимов И.О. «Культурная чистка» и защита культурных объектов в период вооружённых конфликтов // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2019. – № 6. – С. 1-7.

66. Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. / отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005. – 432 с.

67. Живой А.С. Сущность и следствия социальной амнезии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 301-307.

68. Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы в интерпретации феномена // INTERNUM. – 2003. – № 1. – С. 6-14.

69. Жукова О.И. Современное общество и место в нём человека // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300-1. – С. 47-50.

70. Запесоцкий А.С. Международно-правовые документы по вопросам культуры. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1996. – 389 с.

71. История книги / ред. А.А. Говоров, Т.Г. Куприянова Т.Г. – М.: Светотон, 2001. – 402 с.

72. Истюфеев А.В. Становление постиндустриального общества в рамках современной глобализации // Вестник ОГУ. – 2006. – № 7. – С. 84-90.

73. Каган М.С. Философская теория ценности. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.

74. Касаткина Н.М. Об охране памятников истории и культуры в Португалии // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных

странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 105-118.

75. Касьянов Г.А. Дисциплина с тёмной историей: мифы об истоках культурологии и их критика // XX юбилейные Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. Т. 1. – СПб.: Издательство Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина, 2016. – С. 95-102.

76. Качалова В.Г. Проблемы охраны культурного наследия в СССР в 20–30 годы // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2017. – № 4 (64). – С. 118–124.

77. Кибалко В.В. Понятие «праздник». Анализ определений и их осмысление // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – Выпуск 4 (16). – С. 162-171.

78. Клименко Б.М. Общее наследие человечества (Междунардно-правовые вопросы). – М.: Международные отношения, 1989. – 172 с.

79. Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции её изучения // Социология власти. – 2003. – № 2. – С. 23-32.

80. Кокурина О.Ю. История наградной политики Российского государства (дореволюционный период) // Человек: преступление и наказание. – 2011. – № 4 (75). – С. 145-153.

81. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml

82. Конвенция ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям / Вступительная статья Н. К. Барчуковой // Московский журнал международного права. – 1996. – № 2. – С. 223-237.

83. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.

84. Конькова Л.В., Шихова А.Е. Опыт сохранения культурного наследия в Японии. Национальный исследовательский институт культурных ценностей Нара // Вопросы музеологии. – 2023. – Т. 14. Вып. 2. – С. 289-301.

85. Коростелев Н.Ю. О роли и значении современной государственной культурной политики // Культура и цивилизация. – 2016. – № 3. – С. 104-112.

86. Кособуцкая Н.Ю. Память, наследие и история в актуальной социокультурной среде: анализ концепции Д. Лоуэнталя // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16-18 марта 2017 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – С. 437-442.

87. Костенко О.В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 5. – С. 248–252.

88. Костина А.В. Культура информационного общества: тенденции и противоречия развития // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2009. – № 3 (24). – С. 72-98.

89. Костина Е.Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 1. С. 60-65.

90. Кочеляева Н.А. Забвение в культуре: аксиология намеренного разрушения // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 3 (56). С. 130-135.

91. Кругликова Г.А. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия в первые годы советской власти // Культура Урала в XVI-XXI вв.: исторический опыт и современность. Книга вторая: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, посвящённой 75-летию профессора В. Г. Чуфарова, Екатеринбург, 22 февраля 2008 г. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – С. 373-378.

92. Кудайбергенова А.А. Философская концептуализация «memory studies» в рамках социо-гуманитарных наук // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». – ь 2022. – № 3(107). – С. 342-348.

93. Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // Социодиггер. 2022. Т. 3. № 3-4 (17). С. 40-44.

94. Кулемзин А.М. Охрана памятников в России. Теория, история, методика. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 250 с.

95. Культура // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2 / под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2010. – С. 341-347.

96. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / отв. ред. Н.А. Кочеляева. – М.: Совпадение, 2015. – 168 с.

97. Культурная политика в институциональной системе европейского союза. Теоретико-методологические аспекты изучения культурной политики в современной науке [электронный ресурс]. – URL: https://studbooks.net/2424203/politologiya/kulturnaya_politika_institutsionalnoy_sisteme_evropeyskogo_soyuza

98. Культурная политика России. История и современность: два взгляда на одну проблему / отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. – М.: Либерея, 1998. – 296 с.

99. Кумыков А.М. Проблема социальной амнезии в предметном пространстве социально-философской рефлексии // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6 (16). – С. 187-190.

100. Лавринова Н.Н. Культурная политика // Аналитика культурологии. – 2010. – № 2 (17). – С. 278-288.

101. Лазарева Л.Н. История и теория праздников: учеб. пособие / 3-е изд., испр. и доп. – Челябинск, 2010. – 251 с.

102. Ле Гофф Ж. История и память. – М.: РОССПЭН, 2013. – 303 с.

103. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара: ООО «Книга», 2011. – 448 с.

104. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. – 2015. –№ 50. – С. 59-96.

105. Лепешкина Л.Ю. Обряды жизненного цикла как алгоритм преодоления критических ситуаций // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 1. – С. 98-102.

106. Лисица К.Э., Туркулец В.А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общест-венные науки. 2022. № 6. С. 107-110.

107. Литвинова О.Г. Зарубежный и отечественный опыт сохранения историко-культурного наследия в конце XX – начале XXI в. // Вестник ТГАСУ. – 2010. – № 4. – С. 46-62.

108. Литвинова О.Г., Романова Л.С. Зарубежный опыт сохранения историко-культурного наследия // Вестник ТГАСУ. – 2009. – № 1. – С. 74-92.

109. Логвина Е.В. Историческая реконструкция событий одна из форм событийного туризма // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2020. – Т. 6 (16). Вып. 2. – С. 206–217.

110. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Издательство «Александра», 1992. – 242 с.

111. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. – Спб.: Издательство «Русский Остров», 2004. – 622 с.

112. Лукиных Т.Н., Можаева Г.В. Информационные революции и их роль в развитии общества // Гуманитарная информатика. – 2005. – № 2. – С. 5-14.

113. Лукьянова И.Г. «Золушка» Мариссы Мейер как роман ретеллинг // Universum: филология и искусствоведение. – 2023. – № 8 (110). – С. 21-24.

114. Макашева А.С. Культурная память: история изучения и основные концепции [электронный ресурс]. – URL: https://culture.wikireading.ru/82337

115. Максаковский В.П. Всемирное культурное наследие. – М.: Агентство «Изд. сервис», 2000. – 415 с.

116. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.-СПб: Нестор-История, 2018. – 27-53.

117. Мареева Е.В. О подходах к анализу культуры в советской философии 60 – 80 годов XX века // Вестник МГУКИ. – 2013. – № 3 (53). – С. 52-58.

118. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.

119. Маркина Ю.В. Концепт «информационное общество»: эволюция понятия и современное понимание // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 4. – С. 12–21.

120. Маркова Т.Б. От культурной памяти к культуре памяти: новые аспекты изучения памяти // Вестник Российского философского общества. – 2023. – Вып. 3-4 (105-106). – С. 93-107.

121. Мартынов А.И. О зарубежном опыте охраны и использования археологических памятников // Материалы научно-практической конференции «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1996. – С. 12-19.

122. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.

123. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) от 31 мая 1964 года [электронный ресурс]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901756982

124. Межуев М.В. Идея культуры. Очерки по философии культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.

125. Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.-СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с.

126. Мёрдок Дж.П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретации культуры / сост. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 49-56.

127. Мирзеханова З.Г. Событийный туризм: содержание и мировой опыт // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2016. – № 6 (86). – С. 74-82.

128. Михеева И.В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX века (историко-правовой аспект). – Нижний Новгород: [б.и.], 2009. – 153 с.

129. Мокроусова Е.А. Культурная память как объект воздействия культурной политики // Социально-гуманитарная экспертиза: анализ культурных стратегий развития территории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24 апреля 2013 г.). – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2013. – С. 122-127.

130. Молодцова Н. А. Судьба творческих союзов [электронный ресурс]. – URL: //http://www.artlib.ru/index.php?id=23&sid=6&iid=38&idp=0

131. Морозова Ю.А. Стратегические направления государственной политики в сфере культуры // Форум молодых учёных. – 2017. – №3 (7) [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-napravleniya-gosudarstvennoy-politiki-v-sfere-kultury.

132. Москаленко М.Р. Особенности трансляции культурной памяти общества в информационную эпоху: вопросы изучения со студентами вузов // Цивилизационные перемены в России: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2023. – С. 200-204.

133. Мэнь Хунсинь, Цзинь Цзэхао, Ляо Юньминь. Сохранение и наследование древних памятников в регионе Хэйхэ // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13. – № 11А. – С. 102-110.

134. На просторах памяти: memory studies как междисциплинарное направление в социогуманитарных науках [электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/@snoipf-otkryvaya-labirinty-pamyati-memory-studies

135. Неизвестная драма Летнего сада [электронный ресурс]. – URL: https://lgz.ru/article/neizvestnaya-drama-letnego-sada/

136. Нечаева А.А. Проблема культурной памяти в социологии // XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования": сборник материалов конференции. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 671-681.

137. Нечаева А.А. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 121–129.

138. Никифорова А.А. Интерактивные формы сохранения культурной памяти (на примере исторической реконструкции в северо-западном регионе России) // Культура и искусство. – 2021. – № 3. – С. 37-45.

139. Николаева Н.С. Формирование государственной системы охраны памятников во второй четверти XIX века (сравнительный анализ: Франция и Россия) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 80. – С. 261-270.

140. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч. в 2 т. Т. 1 / сост., редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна / пер. с нем. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.

141. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17-50.

142. Огоновская И.С. Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России // Одна на всех трагедия и одна победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала

Великой Отечественной войны. Сборник статей / науч. ред. Р.Р. Хисамутдинова. – Оренбург: Издательство Оренбургского государственного педагогического университета, 2021. – С. 237-241.

143. Озеров В.В. Актуальные вопросы сохранения объектов культурного наследия // Археология евразийских степей. – 2022. – №1 [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-sohraneniya-obektov-kulturnogo-naslediya

144. Олейник Ю.Н. Индивидуализм // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 184-186.

145. Орлова А.Н. Проблемы организации культурно-досуговой деятельности у населения // Форум молодых ученых. – 2019. – №4 (32) [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-kulturno-dosugovoy-deyatelnosti-u-naseleniya

146. Осокин Р.Б. Объективные признаки состава уничтожения или повреждения культурных ценностей // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 9 (043). – С. 196-202.

147. Панова Т.М. Общество постмодерна: формирование нового типа социализации // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2009. – № 5. – С. 222-225.

148. Панфилова Т.В. Универсалии культур как философская проблема // Философия и общество. – 2021. – № 3. – С. 55-68.

149. Пензина Е.В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник КрасГАУ. – 2012. – №8. – С. 228-233.

150. Пестова А.В. Интернет как «архив» культурной памяти // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых учёных (XI Колосницынские чтения). 2016. – Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 141-143.

151. Пилипенко А.Н. Охрана памятников культуры во Франции // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 135-143.

152. Пиотровский М.Б. Эрмитаж. – М.: Слово, 2003. – 616 с.

153. Полякова М.А. Государственная система охраны культурного наследия: история и проблемы // Уваровские чтения – XI: Музей: книга отзывов: материалы всероссийской научной конференции, посвящённой столетнему юбилею Муромского историко-художественного музея. Муром, 17-19 апреля 2019 г. / научн. редактор Ю.М. Смирнов. – Выкса: Издательство IKSA, 2019. – С. 6-10.

154. Полякова М.А. Охрана культурного наследия России. – М.: Дрофа, 2005. – 271 с.

155. Понарина Н.Н. Положительное и отрицательное влияние глобализации на развитие мирового сообщества // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2010. – № 3. – С. 86-88.

156. Попова В.Н. Праздник как форма культурной памяти: государственные праздники России XX – начала XXI вв.: автореф. дис. … канд. культур.: спец. 24.00.01 / УФУ. – Екатеринбург, 2011. – 23 с.

157. Попп И.А. , Шахнович И.С. Государственная политика по сохранению исторической памяти граждан Российской Федерации: нормативно-правовой аспект // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 12. – С. 42-49.

158. Поправко Е.А. Участие Японии в проектах по охране культурного наследия за рубежом // Известия Восточного института. – 2013. – № 2 (22). – С. 57-64.

159. Поцелуев С.П. Амнезия как тип социальной забывчивости: к уточнению концепта // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 84–91.

160. Поцелуев С.П. К вопросу о типологии социальной амнезии // Вестник Санкт-Петербургского университете. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 557-568.

161. Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сборник научных трудов. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – 176 с.

162. Пушкарёва Т.В., Шемякина Е.М. Memory studies в развитии социогуманитарного знания. Часть 1. Становление мемориальной парадигмы // Вопросы культурологии. – 2016. – № 3. – С. 33-37.

163. Рагозина Т.Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – Выпуск 3 (15). – С. 12-21.

164. Рагозина Т.Э. Проблема культурной памяти как способ рефлексии над социальной формой // Культура и цивилизация. – 2017. – Вып. № 1 (5). – С. 42-55.

165. Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861-1917) // Труды Научно-исследовательского института музееведения. Вып.1. История музейного дела в СССР: сборник статей. – М., 1957. – С. 73-128.

166. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.

167. Растимешина Т.В. Культурное наследие в российской политике государственной памяти // Власть. – 2012. – № 10. – С. 60-64.

168. Ревяко Т.И. Преступления в мире искусств. Грабежи, кражи, фальсификации. – Мн.: Литература, 1998. – 640 с.

169. Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11-го марта 1882 года. URL: https://vk.com/wall-80080904_4?ysclid=ly5xrjyjul186579191

170. Реш О.В., Антонова Е.Л., Туркина В.Г. Проблема сохранения культурной памяти и культурного наследия // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Выпуск 3 (7). – С. 29-34.

171. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

172. Ритуал // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3 / под ред. В.С. Стёпина. – М.: Мысль, 2010. – С. 458.

173. Роговец О.В. Культурные универсалии: многозначность концепта // Q.E.D. Медиация: политика, философия, право. – 2023. – № 1 [электронный ресурс]. – URL: mediare.esrae.ru/51-156

174. Романенко М.А. Культурная память в контексте советского утопического дискурса: дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2022. – 156 с.

175. Романенко М.А. Межцивилизационный диалог в контексте исторической памяти // Научая мысль Кавказа. – 2018. – № 3. – С. 23-27.

176. Романенко М.А. Теоретико-методологические основания реконструкции советского утопического дискурса // Научная мысль Кавказа. – 2022. – № 4. – С. 56-61.

177. Романова А.П., Топчиев М.С. Культурная память и культурное наследие: понятийный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4 (33). – С. 226-233.

178. Романова Е.С. Корпоративная библиотека в структуре современной организации // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2018. – № 1 (28). – С. 96-100.

179. Романовская Е.В.Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – № 3 [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/moris-halbvaks-kulturnye-aspekty-pamyati

180. Сабанчеев Р.Ю. Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №1 (43) [электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-mest-pamyati-piera-nora-kak-sposob-istoricheskoy-rekonstruktsii

181. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого. – СПб.: Наука, 2003. – 632 с.

182. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. Т. 2. Образы прошлого. – СПб.: Наука, 2006. – 751 с.

183. Салиева Л.К., Арутюнова-Ястребкова Э.А., Цеппи А. «Отмена русской/российской культуры»: культура отмены или антибрендинг России? // Российская школа связей с общественностью. 2023. № 30. С. 44-72.

184. Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С.12-27.

185. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.-СПб: Нестор-История, 2018. – 11-26.

186. Севостьянов Д.А. Универсалии культуры как основа культурологического знания // Культура и образование. – 2021. – № 3 (42). – С. 5-12.

187. Серебрякова Т.О., Стегаева А.М. Сводные электронные каталоги в условиях современных информационных технологий // Культура: теория и практика. – 2016. – № 2 (11). – С. 1-3.

188. Сиволап Т.Е. Охрана памятников старины в России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук / Т.Е. Сиволап. – Санкт-Петербург, 1997. – 30 с.

189. Сиднева Т.Б. «Открытое произведение» Умберто Эко и проблема границы в искусстве // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2011. – № 5 (21). – С. 44-49.

190. Сидоренко И.Н. Диалектика исторической памяти А. Ассман // Общественные и гуманитарные науки. Военная подготовка. Материалы 87-й научно-техническая конференция профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов (с международным участием). – Минск:

Издательство Белорусского государственного технического университета, 2023. – С. 24-26.

191. Сидоренко И.Н. Концепция исторической памяти Ф.Р. Анкерсмита // Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти в системе высшего образования: современное состояние и перспективы: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Минск, 11-12 мая 2023 года. – Минск: БГЭУ, 2023. – С. 92-94.

192. Сидорова М. Прощение как опыт возможного: подходы Х. Арендт и П. Рикёра // Социологическое обозрение. – 2016. – Т. 15. – № 2. – С. 192-207.

193. Сиривля М.А. Художественное и языковое оформление литературного ремейка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 11-1 (77). – С. 37-41.

194. Скворцов И.С. Категории травмы и забвения в концепции художественно-исторического опыта Ф.Р. Анкерсмита // Философские науки. – 2015. – № 8 (58). – С. 167-170.

195. Событие в истории, памяти и нарративах идентивности / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Аквилон, 2017. – 400 с.

196. Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С.12-27.

197. Старостина Ю.Н. Правовое регулирование охраны памятников культуры в России в XVIII – начале XX вв. // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 2 (37). – С. 15-24.

198. Стравинскас В.В. Советское законодательство по охране историко-культурного наследия тема: дис. … канд. юр. наук / В.В. Стравинскас. – Нижний Новгород, 2007. – 176 с.

199. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. [электронный ресурс]. – URL: http://static.government.ru/media/files/jIx0zkwFvU0sCnXIQTwpZO0RqTMMVL7v.pdf

200. Стрелец Ю.Ш. Рецензия на монографию А.Ю. Клейтман, Л.В. Щегловой «Модусы забвения в онтологии культуры» (Волгоград, 2012. 152 с.) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 8 (93). – С. 142-145.

201. Стычинский М.С. Культурно-цивилизационные факторы трансформации коллективной памяти в информационном обществе // Век глобализации. – 2019. – № 4. – С. 100-107.

202. Суриков И.Е. Институт остракизма в античной Греции: к общей оценке феномена // История и современность. – 2005. – № 2. – С. 113–130.

203. Толкачева В.А. Особенности сохранения социальной памяти в интернет пространстве // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 8 (39). – Ч. 5. – С. 15-16.

204. Толкачёва В.А. Подходы к изучению культурной памяти в современных условиях // Современные исследования социальных проблем. – 2016. – № 1(25). – С. 243-253.

205. Трещетенкова Н.Ю. Охрана памятников истории и культуры в Польше // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах. – М.: Издательство Института научной информации по общественным наукам РАН, 2005. – С. 82-104.

206. Торосян В.Г., Пальцева И.В. Культурные ценности в условиях социальных потрясений // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 2 (65). – С. 48-53.

207. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/70828330/?ysclid=lx3j18oyur179850341

208. Фелькер А.В. «Непростое» наследие: проблематика мест памяти о массовом насилии Западной и Восточной Европы // Методологические вопросы изучения политики памяти. Сборник научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. – М.-СПб: Нестор-История, 2018. – С. 93-109.

209. Франция-память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 325 с.

210. Фролова С.В., Аксенова С.И. Категории гражданской идентичности и культурно-исторической памяти в историко-педагогическом дискурсе // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2023. – № 4(87) [электронный ресурс]. – URL: www.grani.vspu.ru

211. Хапаева Д.Р. Прошлое как вызов истории. Предисловие переводчика // Франция-память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 296-324.

212. Хаттон П.Х. История как искусство памяти / пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, Фонд Ун-т: 2003. – 422 с.

213. Хорошкевич Н.Г. Культура потребления в «обществе потреблния» и перспективы её развития // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – Т. 123. – № 1. – С. 209-215.

214. Цамцурова Д.Д., Титова Ю.В. Самовыражение как проявление индивидуальности // Теория и практика современной науки. – 2017. – № 5 (23). – С. 894-898.

215. Цзи Юешэн. Охрана нематериального культурного наследия как приоритет государственной политики КНР // Вестник МГЛУ. – 2016. – Выпуск 2 (741). – С. 323-335.

216. Черников И.А. Социальная значимость досуга постиндустриальной эпохи // Культура и образование. – 2019. – № 4 (35). – С. 22-31.

217. Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. – 132 с.

218. Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. – М.: Институт Наследия, 2023. – 368 с.

219. Шашлова С.А. Информационное общество и его основные черты // Молодой ученый. – 2022. – № 17 (412). – С. 276-278 [электронный ресурс]. – URL: https://moluch.ru/archive/412/90772/

220. Швачкина Л. А. Об универсальном в культуре: гуманность // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 52-57.

221. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределённость в современной поэтике. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с.

222. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. [электронный ресурс]. – URL: https://lexicography.online/etymology/shansky/

223. Яншина Д.И. К вопросу о терминах «римейк» и «ретеллинг» // Язык текущего момента. Материалы VI межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием (Москва, 2023) / отв. ред. Е.М. Королевская. – Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2023. – С. 383-384.

224. Ярычев Н.У. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации // Культура и искусство. – 2022. – № 12. – С. 11-17.

225. Ярычев Н.У. Культурная память: ключевые понятия и особенности трансляции [электронный ресурс]. – URL: https://apni.ru/article/7605-kulturnaya-pamyat-klyuchevie-ponyatiya?ysclid=m59sr2pajh260580144

226. Яхьяев М.Я. Глобализм и глобализация в современном мире // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2005. – Вып. 2. – С. 120-124.

227. Memory studies – Теория и методология истории [электронный ресурс]. – URL: https://studme.org/77661/istoriya/memory_studies?ysclid=m45njiusdu821615301#gads_btm

228. Abby Smith Rumsey. How to Preserve Cultural Memory in the Digital Age [электронный ресурс]. – URL: https://www.huffpost.com/entry/culture-memory-digital_b_10357622

229. Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 676 p.